

С. К. КАБАНОВ

**НАХШЕБ НА РУБЕЖЕ
ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(III-VII вв.)**

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Институт археологии

С.К. Кабанов

НАШЕБ НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(III-IV вв.)

Издательство "Фан" Узбекской ССР

Ташкент - 1977

В данной монографии опубликованы материалы первых в Каршиноком оазисе (древний Нахшеб) археологических раскопок, в результате которых в основных чертах разработана периодизация многочисленных развалин древних и средневековых поселений, установлены стадии и особенности перехода от рабовладельческого общества к феодальному в условиях Нахшеба. Приведены новые археологические, нумизматические и антропологические материалы для решения вопроса о кушанах и эфталтах в оазисе низовой части долины Кашкадарьи.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов, а также для всех интересующихся историей Средней Азии.

Ответственный редактор
канд. исторических наук Ю. Ф. Бураков

© Издательство "Фан" Узбекской ССР, 1977 г.

ОТ АВТОРА

Долина Кашкадарьи в отличие от долин Зарафшана и среднего течения Амударьи, известных своей историей и памятниками, представляется окрестной провинцией древних и средневековых государственных образований. Так сложилось, что и ее памятникам уделялось небольшое внимание. Однако и здесь велись археологические исследования, постепенно раскрывающие неизвестное в ее памятниках, выявляющие богатое прошлое края, его значение в истории Средней Азии.

В предлагаемой книге подведены итоги двенадцати полевых сезонов археологических исследований в Каршиноком оазисе (1946-1948, 1952-1953, 1964-1967 и 1970-1972 гг.), проведенных по планам Института истории и археологии Академии наук УзССР и, с 1970 г., вновь учрежденного Института археологии АН УзССР. Работы проводились главным образом на новоотройках.

Автор выражает глубокую признательность В.М.Массону, А.М.Беленицкому и Б.И.Маршаку за ознакомление с рукописью, ценные советы и замечания, О.И.Смирновой за обработку нумизматических материалов, Е.Н.Видицкому за высокое качество фотографической фиксации материалов, общественными организациями Кашкадарьинской области за содействие в организации работ, а также сотрудникам экспедиций.

ВВЕДЕНИЕ

Долина Кашкадарья расположена между двумя западными отрогами мощной Цамиро-Алайской горной системы — Зарафшанским и Гиссарским хребтами (рис. I). К северу от нее за Зарафшанским хребтом — долина Зарафшана с ее древним Самаркандом, к югу за Гиссарским хребтом — древняя Бактрия (Тохаристан). В верхней ее части, обрамленной с востока снежными вершинами, — обширный Шахрисабзский оазис (Кеш), а в нижней, вне горного обрамления, среди степной равнины, сливающейся на западе с пустыней Кызылкумы, — другой крупный земледельческий оазис — Каршинский (древний Нахшеб).

Между этими двумя крупными массивами орошенных земель раскинулись степные пространства, в которые вкраплены небольшие участки освоенных еще в древности земель. Лишь вдоль русла реки почти сплошной полосой расположены орошенные земли, иногда значительные по площади, как, в частности, в районе современного Чимкурганского водохранилища, сооруженного в средней части долины, на середине пути из Кеша в Нахшеб.

Долина Кашкадарья — равнина аллювиального происхождения волнистого рельефа в ее верхней и средней части; в почвенном покрове преобладают сероземы и лёссовые суглинки. Нередки глубокие овраги (саи) — следы древних горных потоков. Неорошенные земли используются под богарные посевы и пастбища.

Река Кашкадарья образует замкнутый бассейн, питаемый ключевыми водами, ледниками и преимущественно снегами, что определяет крайнюю неравномерность расхода воды в различные времена года. Так, в апреле-июне широкая пойма реки наполняется могучим потоком, в октябре-ноябре расход воды уменьшается, в июле-августе почти вся вода разбирается по каналам. Таким был режим расхода вод до сооружения Чимкурганского водохранилища.

Характерная особенность ландшафта древних орошенных земель — многочисленные развалины поселений, известных как "тепа" и реже "курган", в виде искусственных бугров различных размеров и планировки. В соответствии с распространением этих бугров под Каршинским оазисом здесь понимаются поливные и условно поливные земли современных Каршинского, Касанского и Ульяновского районов от Ханабадтепа на востоке до городища Куня-Фазли на юго-западе и от Актепа на севере до Бабакенттепа на юге. Площадь древнего земледельческого оазиса низовой части долины Кашкадарьи определялась примерно в 2000 кв.км (рис.2). Ниже Каршинского оазиса основное русло реки принимало северо-западное направление и весной доносило воды до округи станции Мубарек. Сухое русло реки прослеживалось еще дальше на северо-запад, вплоть до огромных солончаков под Каганом¹.

Признаки обживания древних низовьев Кашкадарьи в эпоху неолита и бронзы, а также и в более позднее время — в период средневековья выявлены на стыке с орошенными землями долины Зарафшана². Однако эта местность примерно на 100 км отделена полупустыней от орошенных земель Каршинского оазиса и в культурно-историческом аспекте может быть присоединена к Бухарскому оазису.

В рельефе северной части Каршинского оазиса выделялись три небольшие естественные возвышенности — Конгуртау, Касан-

¹ О характеристике природных условий долины Кашкадарьи см.: Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, вып.80, Географические науки, кн.8, Ташкент, 1956; Природные условия и ресурсы Юго-Западного Узбекистана, Ташкент, 1965.

² А. А с к а р о в, Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, в сб.: История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ), вып.5, Ташкент, 1964, стр.28-36; Я. Г. Г у л я м о в, Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана, ИМКУ, вып.6, Ташкент, 1965, стр.20-21.

тау и Майманактау. Вся местность, исключая названные выступы горных пород, носила характер степной равнины, полого опускавшейся в юго-западном направлении. К юго-западу от- ветвлялись два боковых русла Кашкадарьи — Камашидарья (Ширин-су) и Наютон — естественных оросителей западной части оазиса.

В отличие от Бухарского оазиса³, Хорезма⁴ и др., где в критические моменты истории отмечалось сокращение поливных площадей, причем заброшенные степи наглядно представляли археологическую карту с древними каналами, датированными развалинами поселений, в Каршинском оазисе на одной и той же территории жизнь развивалась с основания ирригационной сети по настоящее время. Скопление городищ и тел на относительно небольшой территории объяснялось тем, что разновременные поселения возникали и развивались на орошенных землях, ограниченных скудными водными ресурсами. Лишь в западной части оазиса, где особенно остро ощущался недостаток в воде, встречались развалины поселений времен глубокой древности — первых веков до н.э.⁵ Позднее оазис пережил три критических этапа: первый — V—VI вв. н.э.: оставлено множество поселений, на поверхности которых отчетливо выражен слой этого времени. Второй — VII—VIII вв., видимо, связан с арабским завоеванием: было заброшено незначительное число поселений. Третий критический момент датирован 1220 г. и ознаменован летовкой Чингиз-хана о войском на травянистых землях оазиса и окружающей степи⁶, в результате которой все

³ В.А. Шишкин, Варахца, М., 1963, стр. 19—31.

⁴ С.П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 46—47.

⁵ Более древние наслоения в оазисе пока не обнаружены. Видимо, их можно было бы выявить в нижних наслоениях крупных памятников. Однако условия разведочных работ, а также значительное повышение уровня грунтовых вод затруднило исследование нижних наслоений памятников.

⁶ В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 494.

существовавшие с древности или возникшие позже, уже в средневековье, поселения были заброшены и лишь развалины немногих из них использовались в дальнейшем как укрепления.

Каршинский оазис, несмотря на обилие археологических памятников, почти не привлекал к себе внимания археологов царской России. Это объясняется как состоянием науки, так и политическим положением в Бухарском ханстве, в состав которого входила долина Кашкадарьи до свержения эмирата в 1920 г. Многочисленность развалин лишь иногда отмечалась проезжавшими по служебным делам чиновниками и специалистами⁷. В 1916 г. Каршинский оазис посетили Л.А.Зимин, И.Кастанье — члены Туркестанского кружка любителей археологии. Сообщение И.Кастанье было поверхностным, однако впервые им были отмечены такие памятники, как Кала-и Захок-и Марон и развалины крупного древнего города, в описании которого можно узнать городище Ер-Курган⁸. Более значительна статья Л.А.Зимина⁹: в ней собраны некоторые материалы письменных источников по истории Нахшеба, даны сведения о немногих обследованных им памятниках, в том числе о городище, расположенном вокруг Шулюктепа, которое правильно идентифицировано со средневековым городом Несефом.

⁷ И.Л. Я в о р с к и й, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг., СПб., 1882, стр.64; Город Карши, "Туркестанские ведомости", 1879, № 24-25; Б.Л. (Л и т в и н о в), Карши, "Туркестанские ведомости", 1910, № 114-116; Д.Н. Л о г о ф е т, В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр.559-591.

⁸ И. К а с т а н ь е, Археологические разведки в Бухарских владениях. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА), т.ХХI, Ташкент, 1917, стр.26-30.

⁹ Л.А. З и м и н, Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности, в сб.: В.В.Бартольд, Ташкент, 1927, стр.197-214.

В советское время памятники Каршинского оазиса впервые стали предметом археологического изучения в конце 20-х годов с поездкой археолога Т. Миргиязова в Карши. Результаты его наблюдений, к сожалению, не были опубликованы, но некоторые из них отмечены М. Е. Массоном при рассмотрении отдельных вопросов исторической топографии долины Кашкадарьи¹⁰.

В 1946–1948 гг. автор данного исследования по заданию Института истории и археологии АН УзССР провел археологические разведки в Каршинском оазисе, осуществив осмотр, предварительную фиксацию и сбор подъемного материала не менее, чем с семидесяти памятников. Разведочные раскопки были проведены на трех объектах – Каджартепа, Мудинтепа и городище Ер-Курган.

С целью предварительного обследования памятников в районе будущих ирригационных сооружений осенью 1946 г. в Каршинский оазис совершили поездку А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум¹¹.

В 1952–1953 гг. автором были проведены раскопки на Шортепа и Негузтепа, теперь уже исчезнувших в результате перепланировки полей. Ранней весной 1954 г. стало известно, что начинается строительство Иски-Ангарского канала из р. Зарафшан в Каршинский оазис и в средней части долины Кашкадарьи проектируется Чимкурганское водохранилище. В связи с этим автору поручили осмотреть трассу канала для обследования расположенных по ней археологических памятников и выяснить, есть ли они в зоне затопления Чимкурганского водохранилища¹². В 1955–1957 гг. в зоне Чимкурганского водо-

¹⁰ М. Е. М а с с о н, Проблема изучения цистерн-сардоба, Ташкент, 1935, стр. 24, 28.

¹¹ А. И. Т е р е н о ж к и н, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, "Вестник древней истории" (ВДИ), 1947, № 2, стр. 186–188.

¹² См.: С. К. К а б а н о в, Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала, ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 154–175.

хранилища работала экспедиция Института истории и археологии АН УзССР¹³.

Каршинский оазис, особенно его восточная часть, с середины 60-х годов превратился в сплошную строительную площадку. В 1965–1967 гг. в зоне одного строительства с применением раскопок было обследовано II памятников¹⁴. Особое значение этих раскопочных работ в том, что они проведены на участке, не тронутым ранее крупными земляными работами: на нем сохранились все памятники – от невысоких бугорков до довольно крупных тепа.

В 1965–1966 гг. в Каршинском оазисе работал отряд Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета под руководством М.Е.Массона. В основном работы отряда носили разведочный характер. Однако и они позволили получить важные данные о существенных чертах исторического прошлого края, особенно периода феодализма¹⁵.

В 1970–1972 гг. автором в составе экспедиции Института археологии АН УзССР проводятся раскопки на памятниках, расположенных возле трассы Каршинского магистрального канала – Коштепа, Ходжалитепа и Шалвантепа. С 1973 г. исследования в зоне канала и Каршинском оазисе ведутся под руководством Р.Х.Сулейманова. Основные работы в 1973–1974 гг. сосредоточены на городище Ер-Курган¹⁶; велись также рабо-

¹³ С.К.К а б а н о в, Археологические памятники зоны Чим-курганского водохранилища, "Изв.АН УзССР", Серия общественных наук, 1957, № 2, стр.75–83.

¹⁴ Работы вел экспедиционный отряд Института истории и археологии АН УзССР в составе С.К.Кабанова (начальник отряда), У.Алимова, Л.Л.Букинич, Б.А.Суздальцевой, и К.Фасетдинова.

¹⁵ М.Е. М а с с о н, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, Ташкент, 1973.

¹⁶ Р. С у л е й м а н о в, М. И с а м и д д и н о в, К. С а б и р о в, Н. Н е ф е д о в, Раскопки на городище Ер-Курган, в сб.: Археологические открытия 1974 г., М., 1975, стр.513–514.

ты по составлению свода археологических памятников Каршинского оазиса.

Цель данной монографии — обобщить материалы, полученные в результате многолетних изысканий автора в Нахшебе. Видимо, вызовет вопрос само название работы — почему монография посвящена переходному времени от древности к средневековью? Ведь исследования в основном носили разведочный характер: выявлены памятники более длительного времени — первых веков до н.э. и до монгольского завоевания (XIII в.). Или, может быть, разведки были направлены на поиски памятников именно этого времени — III—VII вв.? Нет, целенаправленных поисков не могло и быть, тем более, что значительная часть работ, а как теперь оказалось все они, проведены на новостройках, где выбора не было. Дело в том, что памятники III—VII вв. в Каршинском оазисе не следовало и искать, поскольку значительная часть древних поселений оставлена в это время. Естественно, что при разведочном в основном характере работ эти наслоения, более доступные для исследования, дали наибольшее количество материалов. Ближние наслоения, соответствующие более древним периодам в истории края, были мало доступными, так как раскрыть их на многослойных памятниках можно только в результате раскопочных работ. Шурфы, как правило, дают мало материалов. Что же касается однослойных древних памятников, то они, как указывалось, находятся на западных окраинах оазиса, вне зоны основных работ.

С другой же стороны, ограниченность предмета исследования во времени имеет и положительное значение. Добытые материалы III—VII вв. при всей их фрагментарности дают возможность осветить один из мало изученных и очень сложных по характеру происходивших в то время социально-экономических процессов перехода от древности к средневековью, выявить существенные факты этнической истории.

В предлагаемой работе представлены "рядовые" памятники истории материальной культуры, отразившие на своем специфическом языке некоторые стороны и наиболее характерных явлений в жизни современного им общества. В этом и состоит

II

их особая ценность, так как познание жизни широких народных масс в прошлом — основная задача исторической науки.

Как видно из изложенного, археологические работы в долине Кашкадарьи велись автором на протяжении уже длительного времени — с 1946 по 1972 г., велись с перерывами и носили преимущественно характер разведок. Разумеется, в данной работе не обойтись без уже опубликованных материалов, однако они будут привлечены в кратком изложении, в обзоре. Более подробно, хотя и сжато, освещены результаты исследований памятников, оставшихся без публикаций. Особое внимание уделено обобщению материалов работ в Каршинском оазисе в трех аспектах — периодизации памятников, изучения социальной структуры общества и этнической истории в переходное от древности к средневековью время.

Г Л А В А I

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В КАРШИНСКОМ ОАЗИСЕ КАДЖАРТЕПА

Среди селений оазиса низовой части долины Кашкадарья письменные источники IX–XII вв. упоминали селение Каджер, находившееся в двух фарсах (16 км) от Несефа¹. Название "Каджер" сохранилось до настоящего времени как Каджар. Его носит кишлак, возле западной окраины которого находится довольно крупное городище Каджартепа. Подъемный материал с этого памятника – преимущественно поливная керамика, относившаяся к X–XII вв., как и само название, дали основание считать, что это городище – развалины селения Каджер. Данный вывод подкреплялся и тем, что Каджартепа находится в 15 км от Шулюктепа – развалин цитадели средневекового Несефа.

В условиях, когда край в археологическом отношении почти неизвестен, очень важно исследование его начинать с одного из памятников, о котором есть хотя бы относительно поздние, но надежные свидетельства письменных источников. Именно поэтому в 1947 г. Каджартепа стало самым первым в Каршинском оазисе объектом археологических раскопок.

Каджартепа (рис. 3) состояло из центральной вышки, почти квадратной в плане, размером 90x80 м, ориентированной почти правильно по странам света, и группой бугров вокруг нее, образовавших в целом прямоугольник размером 580x300 м, вытянутый с севера на юг. Вход на верхнюю площадку тела – с южной стороны, где отчетливо выражен пандус. Перед входом ровная, почти круглая площадка, окруженная бугристыми склонами валообразной круговой возвышенности, свои-

¹ В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 194.

ми внешними очертаниями совпадающая со склонами тепа. Наиболее возвышенная часть памятника — северо-восточный угол: высота достигала 15 м. Здесь, на северном краю тепа и был заложен раскоп I с целью выяснения стратиграфии поселения (рис. 4).

Площадь раскопа² составляла 100 кв. м. Уже на глубине в 50 см обнаружили глинобитную стену толщиной в 4 м, сверху поврежденную ямами с поливной керамикой X-XII вв. В западной части раскопа в стене обнаружено как бы вырубленное в ней помещение длиной в 2,1 м, шириной в 1,75 м, с выходом наружу, к северу. До глубины в 2 м от поверхности помещение заполнено почти чистой глиной с очень небольшой примесью керамики, а на глубине 2 — 2,7 м — бытовой посудой, золой, углем, костями.

В результате расчистки плотного пола помещения на глубине 2,7 м от поверхности в северо-восточной части обнаружили два очага. Один из них состоял из примыкающих к восточной стене двух параллельных стенок высотой в 20 см, длиной 75 см, толщиной 22 см и шириной промежутка между ними в 14 см. Стенки очага сложены из двух рядов пахсы и одного ряда (средний) сырцового кирпича. Второй очаг, находившийся в самом углу, сложен из кусков глины, положенных полукругом. Оба очага, несомненно, использовались одновременно. Угловой из них предназначался для установки котла: в нем найден крупный фрагмент сосуда этого вида.

Открытие крепостной стены с помещением в раскопе I изменило первоначальный план работы, заключающийся в получении в этом месте стратиграфического разреза тепа от вершины до подошвы культурных наслоений. Для указанной цели следовало искать другое место. Однако в результате работ над

² Здесь, а также и на всех других памятниках, где раскопки проводились до начала строительных работ, вскрытие велось по квадратам размером 2x2 м, а фиксацию материалов после обнаружения помещений — по помещениям. Глубина яруса всюду принята в 50 см.

этим раскопом, кроме установления самого факта наличия крепостной стены, были получены два комплекса материалов — X—XII вв., характеризовавших последний период в жизни поселения, и более древний, совершенно изолированный от верхнего слоя комплекс, взятый на полу помещения в стене.

Стратиграфическое исследование памятника продолжили в раскопе 4, заложенном в северо-западном углу (см. рис. 3). Собственно, это был шурф размером 4x4 м с отведенной от него к северу узкой траншеей, в которой обнаружили уже известную нам крепостную стену. В шурфе удалось достичь более древних наслоений, чем в раскопе I (рис. 5). В верхних наслоениях до глубины 2,4 м здесь обнаружена перемешанная глина без признаков кладки. Из отдельных находок, кроме фрагментов поливной керамики, следует отметить два приспособления, видимо, применяемых в кузнечной мастерской, — спило от горна и ковш для воды. Кроме того, здесь же найдена кость (лопатка теленка) с надписью. Несомненно, весь слой синхроничен верхнему раскопу I.

На глубине 2,4 м был обнаружен пол из плотной глины, глубже — рыхлый грунт с малохарактерной керамикой и лишь на глубине 4,5 м — почти целый тонкостенный кубшинчик керамической формы, выявленной нами тогда впервые, и, как впоследствии выяснилось, очень характерной для наслоений III—VI вв. памятников Каршинского оазиса.

До глубины 6 м от поверхности вскрывался плотный темно-желтый грунт. На этом уровне сверху было открыто два помещения, разделенных ровной с обеих сторон стенкой толщиной в 52 см (см. рис. 5), которая, как и грунт, состояла из темно-желтой плотной глины без всяких членений или признаков кладки. Создалось впечатление, что эти помещения вырублены в плотном лёссе.

Оба помещения оказались заполненными песком с примесью керамики. В создавшихся условиях не было возможности полностью расчистить ни одно из них. Пришлось ограничиться лишь такой задачей — открыть хотя бы небольшую часть пола южного помещения, которое открыто сверху шире, для установления его высоты и взятия керамического материала из песка.

Северная стена помещения совершенно ровная, отвесная, западная — ровная в верхней части и слегка покатая, бугристая — в нижней. Потолок сводчатый, небольшого подъема. В песке, заполнявшем помещение, найдены фрагменты тонкостенных кувшинчиков, подобных обнаруженным поверх слоя из темно-желтого грунта. Кроме того, впервые найдены фрагменты курьльниц с налепным орнаментом (рис. 6). Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, это очень распространенная керамическая форма в памятниках III—VI вв., особенно в наслоениях III—IV вв.

После трехдневной работы на глубине 8 м был открыт, хотя и на небольшой площади, пол, состоящий из такого же как стены и потолок плотного темно-желтого лёсса (глины?).

Высота обнаруженной подземной камеры 2,8 м. Пол этого помещения на 4 м выше уровня окружающей местности. Углубление раскопа пришлось приостановить в связи с тем, что для выяснения структуры и планировки всего сооружения в целом требовалось проведение более значительных по масштабам раскопок с вскрытием широких площадей. Данные предварительного этапа исследования лишь позволили предположить, что подземные камеры вырублены в верхней части искусственной насыпи — стилобата, на котором основано монументальное здание, разрушенное в последующие периоды обживания поселения.

В нижних наслоениях, вскрытых в раскопе 4, выявлен еще один комплекс керамических остатков, очевидно, более древний, чем взятый в помещении раскопа I.

Одна из важнейших задач в процессе исследования памятника — установление времени возникновения возвышенностей, почти сплошным кольцом окружающих тепа. Для решения ее в северо-восточной части городища был заложен стратиграфический шурф, условно названный раскопом 2, площадью в 3х3 м, сужавшийся по мере его углубления. Верхние отложения дали поливную керамику, характерную для XI—XII вв. В южной части раскопа на глубине 110 см обнаружен плотный пол с печью, представлявшей собой сосуд цилиндрической формы с суженной верхней частью, высотой в 48 см и диаметром у основания в 50 см, открытый сверху, а снизу — с отверстием. Возможно, это тонур для выпечки хлеба.

В дальнейшем углубляли только северную часть шурфа. На глубине 1,5-2 м встретились фрагменты керамики хорошего качества темно-зеленой поливы с белым точечным орнаментом, характерным для X в. На глубине 2,5 м поливная посуда не встречалась. Здесь обнаружены фрагменты сосудов, подобных найденным на полу помещения в стене раскопа I, а также фрагменты железного шлака. Шурф был доведен до глубины в 5,5 м, примерно до уровня окружающей местности. Отложения в нижних слоях, состоявших почти исключительно из золы, угля, обожженной земли, кусков железного шлака, позволили предположить, что где-то недалеко располагалась мастерская металлических изделий или кузница. Глубже грунт был без культурных остатков, хотя цвет его под воздействием влаги, проникавшей из верхних слоев, имел зеленоватый оттенок.

Итак, в шурфе выявлено два слоя: верхний, относившийся к X-XII вв., нижний, современный комплексу керамики, обнаруженному на полу помещения крепостной стены.

Еще один небольшой раскоп (3) был заложен на вершине склона тѣпа, обращенного к центру верхней площадки. Однако здесь на глубине в 2,7 м обнаружена чистая плотная глина, слой которой прикрыт завалом с керамикой X-XII вв.

Таким образом, в результате разведочных раскопок на Кадзартѣна выявлено три культурных слоя, соответствовавших трем периодам в жизни поселения. Древнейший комплекс обнаружен только в нижних наслоениях раскопа 4. Стратиграфические условия залегания керамического материала в помещении раскопа I и в нижних наслоениях раскопа 2 позволили отнести комплекс к следующему периоду в жизни поселения. Оба комплекса еще следует датировать. Материалы верхних наслоений датируются в широких рамках X-XII вв.

Керамика нижнего слоя представлена обломками сосудов станковой и лепной работы. Без гончарного круга из глины с большой примесью толченой керамики - шамота лепились котлы, курильницы и крышки сосудов. Обжиг обычно равномерный, видимо, костровый. Крупные сосуды лепились частями - по отдельности дно с прилегающими стенками, верхняя часть

с отогнутым наружу венчиком. Затем обе части укреплялись и заглаживались. Поверхность сосудов покрывалась тончайшим слоем мелкоотмученной глины. Ручки делались в виде дугообразно изогнутого валика, приложенного всей боковой поверхностью к стенке сосуда, или прямоугольных в срезе выступов. Крышки плоские, с ручкой в середине; верхние их поверхности украшались углублениями, нанесенными палочкой или пальцем.

В нижнем олов, кроме упомянутых тонкостенных кувшинчиков из сосудов станковой работы, найдены фрагменты красноангобированных чаш с широкой открытой поверхностью.

К моменту проведения раскопок на Каджартепа датировка его нижнего олова была весьма неопределенной. Лишь в результате более поздних раскопок на других памятниках было установлено, что его можно датировать III-V вв. н.э. Разумеется, речь идет о достигнутых наслоениях. Возможно, что в памятнике имеются и более древние наслоения.

Материал среднего слоя, представленного комплексом помещения в стене, — керамика по технике изготовления также подразделялась на две группы: изготовленная на гончарном круге и без его применения.

Основную массу составляли материалы первой группы. Так, найдена целая серия, правда, небольшая, тонкостенных сосудов типа мисок (рис. 7, 1). Дно их плоское, с признаками подрезки, стенки корпуса полого расширяются, с закруглением сверху, образуя основание для почти вертикального бортика. Высота миски 6 см, диаметр устья и дна — соответственно 18 и 6,6 см. Несколько отличен от описанной другой вид миски — более глубокой, с высоким фигурным бортом (см. рис. 7, 2). Следует отметить еще два почти целых сосуда. Кувшинчик (см. рис. 7, 3) с плоским дном, объемистым корпусом и узким невысоким горлом со слегка отогнутым венчиком. Сосуд снабжен ручкой, крепившейся к венчику и расширенной части корпуса. Кувшинчик изготовлялся в два приема — отдельно нижняя часть корпуса и верхняя с горлышком. Об этом свидетельствовала едва заметная ложбинка в середине корпуса. Сосуд покрыт белым ангобом. Высота кувшинчика 10,5 см, диаметр

корпуса 10 см. Второй сосуд — кринка изготовлена из хорошо промешанной глины с небольшими включениями частиц белого цвета (кварцит?). Обжиг равномерный, черепок в изломе розового цвета. Дно плоское, со следами подрезки, стенки с довольно крутым перегибом в середине корпуса, завершеного венчиком в виде валика. Поверх перегиба — две ручки из пластинок, изогнутых в виде ушка (см. рис. 7,4). Высота сосуда 14,4 см, диаметр корпуса 16 см.

Нам не удалось найти аналогий описанным сосудам, что, быть может, свидетельствует о своеобразии нахшебской школы мастеров. Тем не менее, в комплексе помещения найдены фрагменты сосудов, позволившие установить его датировку. Прежде всего, это фрагменты узкогорлых сосудов типа кринок со сложными венчиком с площадкой для крышки, отверстием под венчиком и с волнистым орнаментом в верхней части корпуса (см. рис. 7,5). Такие сосуды в большом количестве найдены в Пенджикенте в наслоениях УП—УШ вв.³ Кроме того, найдены и фрагменты кувшинов с широким горлом и со сливом в венчике, как и в Пенджикенте, в тех же наслоениях.

В сосудах, изготовленных без гончарного круга, наблюдались некоторые изменения: стенки котлов делались тоньше, и, как правило, включали в себя меньше шамота. Встречались ручки, прикрепленные к сосуду не всей боковой поверхностью, а лишь концами, образовав в середине ушко. На одном из котлов видны следы раскраски черными полосами. Котел, найденный в очаге, — плоскодонный, широкий у основания, с полого сужающимися кверху стенками, выпрямленными по краю устья; две ручки в виде пластинок прикреплены к верхней части корпуса.

Таким образом, материалы из помещения ориентировочно датируются УП—УШ вв. Возможно, эту датировку следует су-

³ И. Б. Б е н т о в и ч, Керамика верхнего слоя Пенджикента (УП—УШ вв.), Труды Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ), т. IV. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), вып. 124, М.—Л., 1964, стр. 272, рис. 8.

зять до УП в., в комплексе помещения отсутствуют кружки с перегибом корпуса, очень распространенные в наслоениях УШ в. Пянджикента⁴.

Приведем краткие сведения о материалах верхних наслоений Каджартепа. Отложения IX — начала XIII вв. прикрывали городище в исследованных его частях на глубину от 1,5 до 2,7 м. Наиболее выразителен материал верхних ярусов — поливная керамика, в которой различались два комплекса — верхний и нижний. Керамика нижнего комплекса отличалась чистым белым фоном поливы, подглазурной росписью в растительном орнаменте, четким контуром рисунка. В основном она датирована временем саманидов (IX—X вв.). Встречались и фрагменты керамики с темно-зеленой поливой. Орнамент поливной посуды верхнего комплекса — размельченные растительные и геометрические узоры, выполненные на мутно-белом, иногда с зеленоватым оттенком фоне коричневой и зеленой красками; полива — тусклая, ею покрывались в основном сосуды с широкой открытой поверхностью — в виде чаш или блюд.

Среди обломков керамики XI—XII вв. найдены два сосуда — медный кувшинчик с чеканкой и стеклянный флакон. Кувшинчик (рис. 8, I) найден на глубине примерно в 1 м в зольной яме у восточной стенки раскопа I. Сосуд стройный, с корпусом полусферической формы, на широком поддоне. Высокая тонкая шейка с перехватом выпуклой полоской, в верхней части она расширялась в виде раструба и завершалась круглым вертикальным бортиком. Поверхность корпуса разработана в виде четырех щитовидных выступов, разделенных ложбинами и окаймленных бордюром с чеканкой в растительном орнаменте, с элементами подражания письму. В центре щитков — круглые медальоны, заполненные растительными завитками и спиральными линиями. Высота сосуда 14,7 см, диаметр корпуса и устья — соответственно 8,5 и 4,3 см.

Вместе с поливной керамикой XI—XII вв. найдены сопло от горна и ковш, определенные как признаки кузницы. Соп-

⁴ Там же, стр. 284—285.

ло от горна (см. рис. 8, 2) было в виде двух сходящихся в одном конце цилиндрических трубок⁵. Два больших отверстия присоединялись к мехам, через узкое отверстие сжатый воздух поступал в горн. Узкий конец сошла сильно обожжен и закопчен. Второе приспособление — утюгообразный сосуд — ковш (см. рис. 8, 3), треугольный в горизонтальном сечении, как бы с планкой сверху внутри у широкой тыльной стороны для захвата пальцами, причем ладонь упиралась в стенку сосуда снаружи. Ковш неустойчив — дно неровное. Высота сосуда 15 см, длина 18 см.

Кость с надписью (рис. 9, I, 2) найдена на глубине 1,2 м. Надпись, выполненная арабской графикой и нанесенная черной тушью, очень плохой сохранности, прочитать ее полностью не удалось. Приведем вывод О. Д. Чехович о ее содержании.

"Надпись на таджикском языке. Упоминаются меры "данг" (шестая часть) и "хабба", которые могли употребляться как меры веса, длины и земельной площади. Возможно прочитать цифры "один", "два", "пять", а также имена собственные "Мухаммед", "Хамид", "Омар" и слово "дихкан", пока неизвестно, в смысле имени собственного или как социальный термин. Надпись — не связанный текст, а ряд отдельных коротких записей, всего до десяти, каждая из которых начинается словами "на имя", затем следует имя собственное, число и вес. Ввиду плохой сохранности надписи, а также и редкости самой находки пока невозможно с уверенностью определить ее значение; может быть, это была запись торговца или ростовщика"⁶.

⁵ Похожее сошла, но более древние (УП-УШ вв.) известны по материалам раскопок в Пянджикенте. См.: А. М. Беленицкий и И. Обдие результаты раскопок городища древнего Пянджикента (1951-1953 гг.), Труды ТАС, т. Ш, МИА, вып. 66, М.-Л., 1958, стр. 119.

⁶ Надписи на костях могут иметь различные значения. В статье С. Н. Муратова и Л. Б. Ераковича "Лопатка коровы с тюркскими пасьяменами на арабском алфавите из городища Аспара (Чукская долина)" (Эпиграфика Востока (ЭВ), XIII, Л., 1967, стр. 71-79) исследуется номинальная надпись на кости.

Итак, в результате раскопок были получены некоторые данные для стратиграфического изучения не только Каджартепа, но и многих других памятников Каршинского оазиса. Выявлено три периода в жизни поселения.

Для характеристики древнейшего из них — III—IV вв. — получено очень мало данных. Есть основание предполагать, что в это время на месте центральной части городища существовало крупное здание (или, возможно, крепость), основанное на искусственном стилобате.

Второй период в жизни поселения — V—VII вв. Поселение было окружено мощными глинобитными стенами, вероятно, уже потерявшими свое оборонительное значение. Вне крепостных стен, у их подножия преимущественно с северной стороны появились застроенные участки.

Третий период — IX—начало XIII в. Поселение продолжало существовать на развалинах поверх древних стен и сооружений. Селение Каджер в XII — начале XIII в. представляло небольшой торгово-ремесленный центр, один из тех многих поселений такого типа в Несефе накануне монгольского завоевания.

М у д и н т е п а

Среди развалин древних поселений Каршинского оазиса довольно часто встречаются бугры в виде прямоугольного плато с вышкой в одном из углов (рис. 10, 3). Один из таких памятников — Мудинтепа. Высота плато и вышки соответственно 6—7 и около 15 м; площадь памятника 135х110 м, вытянутость — с востока на запад. Стратиграфическое обследование памятника было осуществлено в 1948 г.⁷

Раскоп заложен на краю обрыва в северо-западном углу памятника. Сверху до глубины одного метра вскрыта площадка размером 56 кв.м с тремя помещениями, характерная осо-

⁷ См.: С.К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, в сб.: Труды Института истории и археологии (ТИИА), т. II, Ташкент, 1950, стр. 87—106. -

бенность которых — отсутствие четких признаков внешних сторон их стен: они как будто выкопаны в плотном грунте. В одном месте обнаружен фрагмент стены, сложенной из сырцового кирпича размером 46x22x8 см. Помещения прикрыты завалом, видимо, перемешанным: найдены фрагменты керамики с голубой поливой, толстостенной, плохого качества, фрагменты сосудов с упором для крышки, как в среднем слое Каджартена, сосуд лепной работы с полусферическим дном. Эти находки свидетельствовали о довольно интенсивном обживании поселения в VII—IX вв.

С уровня пола одного из помещений намечен стратиграфический разрез в виде траншеи, которой прорезан северный склон тена до уровня окружающей местности, а затем в виде шурфа доведен до материкового лёсса⁸.

От пола помещения до уровня арки, протекавшего у основания склона, по вертикали 5,5 м. На этом отрезке на различных уровнях отмечены признаки полов и стены, однако в составе керамики не удалось установить каких-либо различий. Из сосудов станковой работы встречен почти целый тонкостенный кувшинчик (рис. II, 1), подобный найденным на Каджартена, а также археологически целая курильница (см. рис. II, 3) и фрагменты других курильниц с наклепным орнаментом (см. рис. II, 4), очажные подставки, котел (см. рис. II, 2) и др. В целом собран довольно выразительный комплекс, датированный III—IV вв.; возможно, до V в.

Однако культурные наслоения продолжались еще и ниже уровня современной поверхности окрестных полей примерно до глубины 2,5 м. Именно на этой глубине уже на материковом лёссе открыт очаг. В шурфе снят сплошной плотный грунт с довольно значительным содержанием керамики, резко отличавшейся от керамики крошащего слоя. Из отдельных керамических форм наиболее характерны фрагменты кубков древнего типа с неглубокими выемками в ножках⁹, датированными на Аф-

⁸ Там же, стр. 92-93, рис. 4.

⁹ Там же, стр. 96, табл. I, 13, 14.

расиабе III—I вв. до н.э.¹⁰ Характерен также сосуд с широким днищем и наклонными внутрь прямыми стенками¹¹, хорошей гончарной техники исполнения, покрытый плотным светло-серым ангобом. Подобные сосуды нам не встречались нигде. Наличие кубков древнего облика позволило датировать комплекс нижнего слоя Мудинтепа III—I вв. до н.э. с признаком тяготения к еще более древнему времени, что подтверждалось находкой загадочного сосуда с косыми стенками.

Итак, разведочный раскоп на Мудинтепа позволил установить, что этот памятник являлся развалинами очень древнего поселения, основанного в III—I вв. до н.э., а может быть и еще раньше.

Раскопки на Мудинтепа позволили вскрыть еще один слой в стратиграфическом изучении памятников Каршинского оазиса, древнее которого в его пределах еще не выявлено.

Городище Ер-Курган

Среди руин древних и средневековых поселений Каршинского оазиса самое крупное городище Ер-Курган ("Земляная крепость") — развалины единственного города оазиса эпохи рабовладельческого общества (рис. 12), окруженное многочисленными разновременными буграми.

Площадь городища около 150 га; длина по осм с юго-востока на северо-запад почти 1,5 км, ширина около 1,2 км. Внешние контуры очерчены прерывистым валом длиной около 4,5 км, местами сливающимся с буграми, а в северной части имеющим вид невысокой насыпи. По всей вероятности, эта особенность в планировке связана с осадой города: вал на-
сыпали осаждавшие, как и при осаде города Амиды в 359 г.¹²

¹⁰ С.К. Кабанов, Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, в сб.: Афрасиаб, вып. II, Ташкент, 1973, стр. 54, рис. 12, I, 3.

¹¹ С.К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, стр. 95, табл. I, I6.

¹² А. Марцеллин, История, вып. I, Киев, 1906, стр. 256.

Внутренние стены древнего города более четкого плана — они представляли собой неправильный прямоугольник с изломом в восточной стороне. Излом и неправильность в планировке, видимо, объяснялись тем, что внутренние стены сооружались поверх древних развалин и их направление при постройке в значительной степени определялось расположением древних бугров. Внутренние стены окружали площадь примерно в 40 га. Высота стен доходила до 8 м, они сильно расплылись, однако на поверхности склонов, особенно в восточной стороне, отчетливо выделялись признаки башен в виде конусообразных выступов.

В черте внутренних стен насчитывалось около двух десятков крупных бугров, из них одни сильно вытянуты в длину — видимо, это городские кварталы, другие более похожи на развалины отдельно стоявших крупных зданий. Между крепостными стенами и внешним валом расположены плоские невысокие бугры с извилистыми линиями внешних очертаний; наибольшая часть их — с южной стороны. Можно предполагать, что эти бугры — развалины отдельных жилых массивов.

Городище Ер-Курган не осталось незамеченным И. Каспанье, назвал его и Л. А. Зимин без каких-либо определений. А. И. Тереножкин определил его как кушанское городище¹³. Автор неоднократно осматривал его в 1946—1947 гг., но только осенью 1948 г. после работ на Мудинтепа на городище были проведены небольшие разведочные раскопки, материалы которых позволили определить датировку памятника и его значение в истории оазиса¹⁴.

Раскоп площадью в 150 кв. м был заложен на одном из валообразных бугров внутри крепостных стен близ его юго-восточного угла. На восточном склоне этого бугра замечены выходы золы и обожженной земли, что дало основание предполагать наличие в данном месте гончарной печи. Результа-

¹³ А. И. Тереножкин, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, стр. 187.

¹⁴ См.: С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, стр. 106—132.

ты раскопок подтвердили предположение: там действительно удалось раскрыть Гончарную печь, и, кроме того, часть жилого комплекса, видимо, Гончаров, с одним помещением и двориком с двумя очагами. Расчищенный возле печи завал состоял из битой и бракованной тонкостенной посуды, для обжига которой предназначалась печь. Конструкция печи своеобразна: топка и обжигательная камера в ней располагались не в два яруса, как обычно, а рядом в один ярус¹⁵.

В завале возле печи найдено много обломков тонкостенной посуды, в частности, кувшинчиков, уже знакомых нам по раскопкам на Каджартепа и Мудинтепа. Найдена целая серия тонкостенных сосудов типа чаш¹⁶, некоторые из них находят аналогов в материалах городища Айртам в Тохаристане¹⁷. Возможно, что в печи обжигались и предметы прикладного искусства: около нее в завале найдена керамическая плитка со штампованными изображениями горного козла и яйца.

В результате расчистки печи получен довольно большой комплекс материалов, характеризовавший верхний слой городища. На остальной площади раскопа найдены в общем малохарактерные фрагменты керамики, не считая двух терракот и двух фрагментов оссуариев; более крупный из них позволил установить его форму — овальность: оссуарий был о закруг-

¹⁵ Там же, стр. II3-II6. Б.И. Маршак дает иное объяснение назначению камеры, определенной нами как обжигательной. По его мнению она являлась также топкой, в которой пламя фильтровалось от копоти. Основание — ошлакованность внутренней поверхности ее. Однако ошлакованность могла произойти и от многократного использования ее. Предполагая наличие обжигательной камеры во втором ярусе, Б.И. Маршак не учитывал непрочность стенок печи.

¹⁶ С.К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, стр. II8.

¹⁷ М.Е. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, Труды АН УзССР, Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), т. II, Ташкент, 1945, стр. 60, табл. У.

ленными углами¹⁸. Это первые находки оосуариев в Каршинском оазисе.

В пределах раскопа заложили шурф, доведенный до глубины в 5 м. В нижней части его встретился фрагмент чаши с коленчатым перегибом корпуса, характерный для первых веков н.э. Шурф не был доведен до материкового грунта, пришлось довольствоваться установлением факта, что с глубины примерно в 3 м начинается более древний культурный слой, отличающийся от верхнего составом материалов.

Кроме раскопа в пределах внутренних стен, в тот же полевой сезон (1948 г.) заложили шурф на одном из бугров южной части городища между внутренними и внешними стенами¹⁹. В шурфе вскрыты два кума и взят небольшой, но характерный комплекс керамических изделий. Найдены ножки кубков, фрагменты уплощенных блюд — керамических форм, не свойственных комплексу гончарной печи. Однако здесь были обнаружены фрагменты чаш с коленчатым перегибом корпуса (рис. 13, I), уже известные нам по находке в шурфе, заложенном в пределах описанного раскопа. Выявлены фрагменты керамики с лощением — приемом обработки сосуда, не известным в верхнем слое. Данные признаки свидетельствовали о том, что бугор, на котором заложили шурф, древнее верхнего слоя городища, представленного комплексом гончарной печи. Материалы, выявленные в шурфах, а также наблюдения над подъемным материалом, дали основание датировать нижний слой городища II в. до н.э. — II в. н.э. Верхний слой датирован III—IV вв.²⁰, что оказалось несколько заглубленной датировкой (мы еще вернемся к этому вопросу).

Вне внутренних стен западной части городища замечены признаки обживания и в эпоху средневековья: найдены фрагменты поливной керамики. В остальном же городище без признаков позднего обживания. Оно является очень интересным

¹⁸ С.К.К а б а н о в, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, стр. III, рис. 13.

¹⁹ Там же, стр. 125—128.

²⁰ Там же, стр. 129.

объектом для крупных стационарных раскопок, для изучения древнего города.

Ер-Курган с 1973 г. стал объектом стационарных работ крупного масштаба: здесь заложили шесть крупных раскопов. По определению Р.Х. Сулейманова, в одном из них вскрывался храм, переживший пять строительных периодов, последний из которых датировался монетой согдийского владельца Шишпира (конец VI – начало VII вв.). найденная на глубине около 0,5 м, она дала основание пересмотреть позднюю дату существования города, ранее определявшуюся временем падения государства эфталитов и тюркского завоевания (563–567 гг.). Видимо, какая-то часть города, включая храм, продолжала существовать еще несколько десятилетий и в более позднее время. Впрочем, учитывая небольшую глубину, на которой найдена монета, не исключено, что она привнесена случайно, в более позднее время. Для уточнения времени запустения городища требуются дополнительные материалы.

При вскрытии храма обнаружен разнообразный комплекс предметов материальной культуры и искусства: оветильники, бронзовые зеркала, отдельные ювелирные изделия. Из конструктивных частей храма вызвали интерес две колонны, сложенные из клинчатого жженного кирпича на плотном алебастровом растворе.

По определению Р.Х. Сулейманова, в другом раскопе, заложенном на обособленно расположенном бугре, вскрыта зороастрийская дахма. На вершину бугра вела лестница, сложенная из жженного кирпича.

В завале еще одного раскопа получен большой комплекс керамики, где среди обломков бытовой посуды найдены сосуды с антропоморфными и зооморфными налечами. На некоторых из них обнаружены оттиски различных изображений. Особенно интересен оттиск печати на терракотовой плитке с изображением всадника на коне и богини, протягивающей ему кубок.

Зачистка разрезов стен, образовавшихся при прокладке дорог через городища, хотя ни один из разрезов не доведен до основания культурных отложений – материковых пород, по

определению Р.Х.Сулейманова, позволила открыть стены древней Навтаки (IY в. до н.э.). Они вскрыты в высоту до 3 м, причем над ними установлено наличие нескольких перестроек.

Надо полагать, что опубликование материалов раскопок Р.Х.Сулейманова прольет новый свет на историю древнего города и всего оазиса низовой части долины Кашкадарьи²¹.

Ш о р т е п а

Это бугор, в плане двухъярусный, с вышкой в западной части высотой в 16 м и прилегающей к ней с востока расплывшейся веерообразной площадкой (рис.14), условно названной двором. Общая площадь памятника 0,8 га.

В 1952-1953 гг. на Шортэпа провели разведочные раскопки²². Основной раскоп площадью 120 кв.м заложили в южной части нижнего яруса памятника, исследовав всю толщу культурных наслоений от поверхности сохранившейся части тела до материкового лёсса. До глубины в 2 м выявлено три строительных периода. Нижний представлен двухъярусной поверхностью, покрытой обожженной коркой глины, а поверх нее — завалом из рыхлой обожженной земли и угля. Эта ступенчатая поверхность принята нами за остатки гончарной печи кострового типа. Однако из-за значительных размеров ее (9,8x8,7 м) и особенностей планировки более вероятно считать ее частью помещения²³. Обожженная поверхность и завал над ней образовались в результате пожара.

Второй период представлен двумя массивными стенами, из которых одна построена на обожженной поверхности, а третий —

²¹ Сведения о раскопках 1973-1974 гг. на городище Ер-Курган приведены с разрешения Р.Х.Сулейманова.

²² С.К. Кабанов, Археологические раскопки на Шортэпе близ Карши, "Изв.АН УзССР", 1954, № I, стр.81-94; Он же, Археологические раскопки на Шортэпе близ Карши в 1952-1953 гг., ИМКУ, вып.5, стр.70-89.

²³ Это определение Б.И.Маршака.

хумами, вкопанными в эту стену. Верхний слой насыщен очень характерной керамикой.

Из керамики станковой работы, выявленной в верхних наслоениях, наиболее характерны тонкостенные кувшинчики, уже встречавшиеся ранее на всех трех обследованных раскопках памятниках. Однако кувшинчики из наслоений шортепа отличались вытянутостью в высоту и относительно узким горлышком (см. рис. 13, 36). Более крупные встречались лишь в фрагментах — они с коротким и узким горлышком. Крупный фрагмент такого сосуда найден на вышке. Он с пластинчатой ручкой, красноглиняный, покрыт серым ангобом. На боковую поверхность его после обжига нанесен тамгообразный знак в виде почти равнобедренного треугольника с продолженными и загнутыми как скобы сторонами (рис. 15). Подобные трехконечные знаки характерны для монет самаркандских ихшидов VII в., но происхождение их более раннее²⁴.

Из сосудов лепной работы наиболее характерны светильники с зооморфными ручками (см. рис. 13, 33) в виде овальных плоских с невысоким зубчатым бортиком. К узкой стороне их прикреплялась горизонтальная пластинчатая ручка, поверх которой иногда налеплялось изображение барана, в одном случае с повязкой на шее. найдена небольшая серия таких сосудов. Как выяснится впоследствии, это значительная находка, характеризующая идеологические представления древних обитателей Нахшеба.

В раскопках встречались курильницы на высоких стержнях, типа найденных ранее на Каджартепа и Мудинтепа, но упрощенные, с признаками украшения налепным орнаментом (см. рис. 13, 34). Выявлено несколько предметов прикладного искусства, из них наиболее интересны два терракотовых изображения человека в царственном облачении²⁵.

²⁴ О.И. Смирнова, Монеты древнего Пенджикента, Труды ТАЭ, т. III, стр. 259.

²⁵ С.К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв., ВДИ, 1956, № 2, стр. 170, рис. 13—14.

В раскопках найдено 12 монет, датированных V-VI вв.²⁶ Почти все они относились к типу нахшебских, как их условно можно назвать по месту находки (рис. 16, 3-4). На поверхности обнаружена монета с изображением коня.

Все упомянутые находки относились к верхнему слою, соответствовавшему последнему периоду обживания поселения. Отдельные находки, такие как в фрагментах кубки, свидетельствовали о том, что поселение существовало уже в первые века н.э.

Н е г у з т е п а

Среди бугров Каршинского оазиса существовал такой вид, по внешним признакам которого нельзя было определить, что это - руины поселений или погребальные курганы. Высота этих бугров, овальных или круглых в плане, достигала 1,5 м, диаметр 15-40 м или немного больше. В 1953 г. в конце полевого сезона были проведены разведочные раскопки на одном из бугров этого типа. Особое внимание обращала на себя расположенная близ кишлака Негуз группа из пяти небольших бугров среди богарных посевов на расстоянии 30-150 м друг от друга. Высота наименьшего из них около 1 м, он овальный в плане, размером 16x12 м, вытянут с севера на юг (рис. 17). На этом бугре и решили заложить раскоп для определения следующего - являлся ли этот памятник руинами поселения или погребального сооружения? Площадь раскопа составляла 88 кв.м., глубина - от 20 см до 2 м. После снятия поверхностного слоя, состоявшего из рыхлой пахотной земли, выяснилось, что в восточной части под ним - массив из плотной глины, а в западной - завал из рыхлого грунта с примесью золы и угля, фрагментов глиняной посуды. При расчистке этого завала раскрыта слегка наклонная боковая поверхность, которой с запада ограничивался массив из плотной глинобит-

²⁶ С.К. Кабанов, Нахшебские монеты V-VI вв., ВДИ, 1961, № 1, стр. 137-144.

ной кладки. Тщательно заглаженная, эта боковая поверхность в высоту сохранилась на 80 см, а в длину — на 3 м. Западнее ее расчищен небольшой участок пола с очагом и фрагментом глинобитной стены толщиной в 50 см, проложенной с юга на север параллельно глинобитному массиву. Пол открыт на глубине в 40 см от уровня поверхности пола.

Итак, выяснено, что исследованный сугор — развалины небольшого сельского поселения типа усадебной постройки. Вскрытый массив глинобитной кладки можно определить как стилобат небольшого, но капитального здания, а площадку рядом с ним — как часть двора с очагом и вспомогательной постройкой.

При раскопках Негузтепа получен небольшой, но довольно выразительный керамический комплекс (рис. 18, 1-23), позволивший приблизительно в широких хронологических рамках датировать памятник. В основном преобладали фрагменты посуды лепной работы, преимущественно котлов (см. рис. 18, 1-3). Кроме того, найден фрагмент курильницы, отличавшейся ровными стенками чаши (см. рис. 18, 9), без налепного орнамента, а также горлышко сосуда в виде узкой, удлиненной трубки (см. рис. 18, 10).

Из сосудов станковой работы наиболее характерны тонкостенные кувшинчики (см. рис. 18, 4-6), уже встречавшиеся в наслоениях III-V вв. всех обследованных ранее памятников, и чаши, найденные лишь в мелких фрагментах (см. рис. 18, 7, 8), покрытые красным или черным ангобом. Совершенно неожиданно в этом комплексе найдены фрагменты кубков на высоких ножках (см. рис. 18, 17, 18, 21, 22). Один из них покрыт плотным лакообразным составом с глянцем и с полосами черной краски по красному фону, остальные — красным ангобом.

Из крупных сосудов почти целой взята тагора — сосуд типа таза (см. рис. 18, 23), с прямыми стенками, завершенными фигурным бортиком. После изготовления на гончарном круге поверхность сосуда у дна подрезалась ножом.

Найдены два фрагмента сосудов с орнаментом, отличавшемся техникой исполнения. На одном из них выемчатым лезвием

нанесены два ряда круговых выемок, разделенных двумя круговыми врезанными линиями, а на другом гребенчатым инструментом — фестончатая волнистая полоса. Кроме того, в завале обнаружены два диска из необожженной глины с отверстиями для подвешивания, видимо, служившие грузилами для ткацкого станка, два алебастровых пряслица (см. рис. 18, 19, 20) и несколько фрагментов каменных зернотерок.

Вопрос о датировке Негрузтепа решается весьма ориентировочно. По находкам тонкостенных кувшинчиков его можно датировать III—IV вв., однако наличие в наслоениях кубков и фрагментов сосудов с орнаментом, не встречавшемся в других памятниках этого времени, дает основание установить, что поселение существовало несколько раньше, видимо, во II—III вв. н.э. Несомненно, памятник однослойный, об этом свидетельствует как характер отложений, так и само определение его как небольшой постройки — усадьбы, смена обитателей которой вряд ли была возможной.

Д а г а й т е п а

Весной 1954 г. с применением раскопок был обследован довольно крупный памятник Дагайтепа, расположенный близ северо-восточной окраины г. Карши. Прямоугольный в плане, размером 140x105 м, он ориентирован по странам света углами (рис. 19). Собственно, это небольшое городище, основу которого составило квадратное в плане двухъярусное тепа с вышкой в восточном углу высотой около 15 м и двумя примыкающими невысокими буграми; видимо, развалинами более поздних частей поселения. Южная часть древнего поселения сильно пострадала от разборки грунта на удобрения, местами он вынут до уровня окружающей местности. Раскоп был заложен на краю поверхности площадки нижнего яруса тепа, примыкавшего к вышке с юга и запада (рис. 20) с тем, чтобы расширить его в ходе работ вниз по склону к западу. Высота площадки составляла 5—6 м. На ее поверхности вскрыт участок размером 36 кв. м. Здесь под рыхлым завалом из глины с небольшой примесью керамики, в том числе поливной, уже на

глубине 30 см обнаружен пол с фрагментами кладок из жженого и сырцового кирпича, выложенное жженным кирпичом водоотводное устройство — ташнау, небольшой очаг и вкопанный в землю котел. Все это явно свидетельствовало о наличии жилого помещения, причем, несомненно, эпохи средневековья (домонгольской). Встречались и фрагменты поливной керамики IX-X вв.

Однако наиболее интересная находка нас ожидала в северной части вскрытой площадки: сверху обнаружен завал из обожженной земли, что являлось признаком гончарной печи. И, действительно, ее обнаружили на глубине 50 см от поверхности (рис. 21). Гончарная печь в плане в виде двух частично совмещенных овалов ориентирована по длине с севера на юг. Каждый овал представлял собой отделение печи. Южное отделение больше по размеру — диаметр до 1 м и более глубокое — до 80 см, под его покрыт слоем золы толщиной в 30 см. Судя по всему, это отделение являлось топкой. Диаметр северного отделения достигал 75 см, глубина — 55 см, в нем была лишь обожженная земля. Под северного отделения на 25 см выше пода топки. Несомненно, что это обжигательная камера. Оба отделения соединены жаропроводным отверстием шириной в 18 см, суженным кладкой из сырцового кирпича размером 45x22,5x7,5 см. Точно такой же кирпич встречался нам и среди кладок, обнаруженных на полу, что позволило сделать вывод об их синхронности. Устье топки находилось в юго-западной части печи. Печь была просто выкопана в земле. Стенки ее обожжены на толщину в 5 см, а в обжигательной камере против жаропроводного отверстия — на 1 см. Длина печи в целом составляла 1,5 м.

Таким образом, нами раскрыта гончарная печь, по своему устройству однотипная с ранее исследованной печью на городище Ер-Курган. Основная особенность их — одноярусность, т.е. топка и обжигательная камера в них расположены не одна над другой, как обычно в обжигательных печах, а рядом лишь с небольшим повышением в сторону последней. На территории Средней Азии пока не найдены подобные находки. Как предполагает В.И.Сарианиди, типу одноярусной печи Ер-Курга-

на более близка древняя печь эпохи бронзы, раскрытая в Северо-Западном Иране Р. Гиршманом²⁷. Следовательно, выявлен тот факт, что и в гораздо более позднее время — IX-X вв. существовала печь подобного устройства. Несомненно, такие печи предназначались лишь для изготовления тонкостенной керамики. Об этом свидетельствовали не только их размеры, но и завал керамики, представленный почти исключительно обломками тонкостенной посуды.

Поскольку мы знали, где находилось устье топки, было решено попытаться вскрыть и то место, откуда подавали топливо. Кроме того, не следовало упускать из виду и основную задачу нашего разведочного раскопа — выяснение стратиграфии памятника. С целью решения этих двух задач мы расширили и несколько углубили раскоп в сторону западного склона тена (см. рис. 20, б).

Сверху снималась довольно рыхлая глина с зольными прослойками, особенно частыми возле гончарной печи. Устье топки не обнаружено в разрезе: видимо, произошел обвал, повлекший за собой разрушение примитивной и непрочной конструкции. На глубине 2,6 м от верхнего раскопа (так далее будем называть уровень печи) раскрыт пол на уровне, с которого человек, стоя, мог подавать топливо в устье топки. После расчистки помещения, условно названного помещением гончаров, выяснилось, что хорошо сохранилась только его южная часть шириной в 2,1 м. Пол помещения прикрыт рыхлым завалом с золой и керамикой.

Западная стена помещения в северной части оказалась разрушенной (не исключено, что здесь был проем), а за его стеной на уровне пола обнаружен зольный завал. В нем найдена монета с квадратным отверстием в середине (см. рис. 16, в), отнесенная, по определению О. И. Смирновой, ко времени

²⁷ В. И. Сариниди, Керамическое производство древнеиранских поселений, в сб.: Труды Южно-Туркестанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 343-344.

правления согдийского икшида Вархумана (650/5 - 675 гг.). Однако завал, несомненно, более позднего происхождения, об этом свидетельствовала и найденная в нем поливная керамика. Похоже, что здесь гончарамы выкопана яма для золы и отбросов, в которую, естественно, могла попасть и монета из более ранних наслоений.

нижний раскоп был еще расширен к западу, вниз по склону. Общая длина его в направлении с северо-востока на юго-запад составила 12 м. Для вскрытия нижних наслоений древнего поселения углубляли западную половину нижнего раскопа. Ниже уровня пола помещения гончаров изменился характер керамики, обнаружилось очень много фрагментов хумов, почти не встречавшихся в верхнем раскопе. Примерно на уровне пола помещения гончаров обнаружены признаки второй в раскопе гончарной печи, более древней. Выяснилось, что она очень крупных размеров, во всяком случае, выходит за пределы раскопа, расширять который не было возможности. Собственно открыт один отсек печи длиной в 4,6 м и шириной до 3,25 м; узкие проемы в 50-60 см вели на юг и восток. Стены сохранились в высоту до 80 см. Под древней печи глубже уровня пола помещения гончаров на 0,9 м.

Внутри печи обнаружен завал из обожженной земли и золы, содержащий множество керамических изделий, преимущественно обломков хумов, а также и фрагменты уже знакомых нам тонкостенных кувшинчиков, подвергшихся воздействию огня после изготовления, видимо, при пожаре. Это признак вторичного происхождения завала, образовавшегося в печи после ее разрушения. Однако нам уже ясно, что до тягнуты наслоения III-У вв.

Толщина западной стены печи - 80 см. За ней расчищен небольшой участок шириной в 1,7 м, причем оказалось, что край раскопа совпал с внутренней поверхностью стены поселения, видимо, крепостной. В этом промежутке между стенами поселения и печи вскрыт круглый колодец диаметром в 85 см. Расчистив его на глубину в 2 м, мы обнаружили, что до этого уровня он засыпан рыхлым грунтом.

Для выяснения характера подстилающих наслоений в средней части нижнего раскопа возле северной его стенки заложили шурф с уровня пода печи. Под подом обнаружили слой золы и угля толщиной около 30 см, а под ним — прослойки обожженной земли, золы, органических остатков, на глубине в 1 м от уровня пода нижней гончарной печи обнаружен равномерно окрашенный желтый лёсс без керамики. Видимо, это материковый лёсс, поскольку был достигнут уровень окружающей местности. Работами над шурфом были закончены и раскопки, площадь раскопа доведена до 116 кв.м.

В раскопе на Дагайтена выявились две четко различавшиеся группы материалов — комплекс из нижней гончарной печи, к которому можно отнести и все другие материалы, найденные на ее уровне, и комплекс из помещения гончаров с материалами верхних наслоений.

Тонкостенные кувшинчики нижних наслоений отличались от найденных на Шортепа приземистостью и относительно слабым обжигом. Высокой техникой изготовления и изящностью формы выделялась красноангобированная уплощенная чаша (рис. 22) высотой 5 см; диаметр устья ее 13,5 см.

В комплексе нижней гончарной печи найден лишь один обломок зернотерки, зерновов не было, а из орудия производства — обломок железного ножа с загнутым в сторону острия концом.

В общем облике культура, представленная в рассмотренном комплексе, того же примерно облика, как и на Ер-Кургане и Негузтепа. Ориентировочно комплекс можно датировать III—IV вв.

Если материалы верхних и нижних наслоений стратиграфически устанавливались точно, то средние, выявленные на склоне, очень перемешаны. Датировать их можно VII—VIII вв. Из материалов этих наслоений наиболее характерен узкогорлый кувшин с носиком (рис. 23, I справа), сосуд красноглиняный, без ангоба, толстостенный, по форме напоминавший кумган. Подобные сосуды найдены на Айтугдытена²⁸, культура-

²⁸ С.А. Кабанов, Айтугдытена, ИАКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 79, рис. 4, II.

па²⁹ и Семиречье, где они датированы УШ-Х вв.³⁰ Характерен и грушевидный сосуд станковой работы с узким горлышком (см. рис. 23, I, слева), а из сосудов лепной работы — миски полусферической формы (см. рис. 23, 2-3), изготовленные при помощи особой подставки — шаблона, в которой вылеплялась донная часть сосуда. Поверх этой основы наращивался вертикальный бортик.

Разведочные раскопки на Дагайтепа позволили установить некоторые этапы в истории поселения. Несомненно, в Ш-У вв. поселение существовало, причем укрепленное, окруженное крепостными стенами. Внутри стен находилась крупная гончарная печь. Возможно, поселение существовало еще раньше, однако в нашем небольшом раскопе не обнаружены более древние материалы. Нет их и среди подъемной керамики.

Второй вполне четко выявлявшийся период в истории поселения — IX-X вв., когда действовала одноярусная печь, вскрытая в верхнем раскопе. Знаменательно то обстоятельство, что печи Ер-Кургана (IV-V вв.) и Дагайтепа однотипны — это свидетельствовало о преемственности культурной традиции. Как показали исследования, поселение существовало и в VI-VIII вв. — в нашем раскопе эти наслоения выявлены в полосе выклинивания.

Материалы к археологической карте

Итак, в ходе археологических работ в Каршинском оазисе в 1946-1948 и 1952-1954 гг. проведены разведочные раскопки на шести памятниках. Только на двух из них — Шуллоктепа и Кафиртепа — заложили шурфы, но и их не довели до

²⁹ У. А л и м о в, Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 110, рис. 2, I.

³⁰ Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина", ММА, вып. 14, М.-Л., 1950, табл. LXXX, 3-6.

материкового грунта. Все остальные памятники были лишь осмотрены со сбором подъемного материала, расчисткой обнажений, иногда с обмерами шагами, составлением схематических планов и фотографированием. По существу, это были лишь рекогносцировки, проведенные в довольно трудных условиях. Не всегда удавалось получить материалы для датировок, поскольку многие бугры находились возле населенных пунктов, поверхность их буквально сглажена, на других же объектах, небольших по размерам буграх, не было найдено характерных материалов.

В пределах Каршинского оазиса насчитывалось свыше 300 развалин поселений, древних и средневековых, из них на предлагаемую археологическую карту (см. рис. 2) нанесено около 100 объектов. Приведем краткие сведения об обследованных памятниках, вначале северного берега Кашкадарьи, затем — южного, при общей нумерации объектов в направлении с востока на запад. На карте (см. рис. 2) обозначены почти все относительно крупные из них, а также те, которые обследованы с применением раскопок в 1971—1972 гг. В тексте после названия памятника в скобках указывается его номер, под которым он нанесен на археологическую карту. Ирригационная сеть и расположение населенных пунктов на карте показано по состоянию на двадцатье годы в общих чертах для ориентации в расположении памятников.

К северо-востоку от г. Карши на северном берегу реки расположен кишлак Араб-Паргуза. Ближе юго-восточной окраины его в 0,5 км от реки находится Паргузатепа (I) высотой около 8 м, прямоугольное в плане, размером верхней площадки 45x35 м; вытянутость — с востока на запад. Тепа сильно разрушено: вся середина выбрана, стенки оставлены лишь по краям. Из обнажений извлечены фрагменты керамики, напоминавшие культуру верхнего слоя шортела: крышки с ямочным орнаментом, сосудик в виде блюда с невысоким бортиком грубой лепной работы, ручки сосудов также грубой лепки.

П а р г у з а II (2) — более крупный бугор высотой около 10 м, прямоугольный в плане, верхняя площадка длиной в 60 м, шириной около 40 м; склоны крутые. Находится в самом

кишлаке. На поверхности найдены только обломки котлов станковой работы, видимо, IX-X вв., характеризующие верхний слой тепа.

К а р а х а в а л ь т е п а (3) — памятник в плане напоминает Мудинтепа — прямоугольное плато высотой в 4-5 м, размером в 100x80 м, с округлым бугром высотой до 15 м в северо-западном углу. В обнажениях выявлены материалы У-УІ вв.; встречалась и средневековая керамика.

Д а г а й т е п а (4) — описано выше.

К а р а х а б а р т е п а (5) — расположено к северу от г. Карши. Оно квадратное, с крутыми склонами, высота около 10 м; размер сторон верхней площадки 30x30 м. Верхний слой — IX-X вв.; найдена керамика У-УІ вв.

Б е з ы м я н н ы й б у г о р (6) — расположен близ к. Обдида, квадратный в плане, в виде плато высотой в 3 м, с длинной стороны в 45 м, круглой вышкой в юго-западном углу высотой в 6 м, расплывшейся, с пологими склонами, занимающей около половины верхней площадки. Подъемная керамика малохарактерна, однако можно установить отсутствие средневековой.

Т а й л я к а т а т е п а (7) — развалины небольшого поселения на западном отроге горы Конгуртау. На естественной возвышенности различался квадратный бугор с пологими склонами площадью в 30x30 м и высотой в 7-8 м. К западу от него второй бугор меньших размеров, еще более расплывчатый. Керамика — преимущественно средневековая, встречалась поливная, но найдены и фрагменты кувшинчиков У-УІ вв.

К у л ь б у к а т е п а (8) — наиболее крупный памятник у подножья Конгуртау, концентрического плана с внешним почти квадратным валом, длина сторон 180 и 170 м, вытянутость — с севера на юг, с вышкой в центре площадью в 35x25 м, отдаленной от вала неглубокой ложбиной. Высота вала 6-7 м, центральная часть памятника — на 4-5 м выше. Вал в северо-восточном углу прерывался, что служило признаком въезда.

Подъемная керамика — очень скудная, найдены обломки поливной посуды IX-X вв., куски жженого кирпича. Верхний

олой явно средневековой. Памятник интенсивно обжигался в IX-X вв., чем и объяснялась небольшая глубина ложбины, отделявшей центральной бугор от вершины внешнего вала, но, судя по планировке, нижние наслоения памятника, несомненно, древние.

К о м а н д ы т е п а (9) - крупный бугор размером 80x60 м, верхняя площадка которого приподнята над окружающей местностью примерно на 15 м. Керамика из обнажений позволила сделать вывод, что поселение существовало в V-VI вв.

Н е г у з т е п а (10) - описано выше.

Дальше от к. Команды отмечены три расположенные цепочкой бугра - Учтена (П). Более крупное из них - южное, размером 30x30 м, с вышкой (6 м) в юго-западном углу. Остальные два - небольшие округлые бугры, в обнажении одного из них найдена полевая керамика. Видимо, здесь около древней крепости существовали два средневековых поселения, без укреплений.

В 150 м к северо-западу виднеется еще одно небольшое тена длиной около 25 м, шириной 15 м и высотой 2-2,5 м. Материалов для датировки его не было, но, видимо, это также развалины средневекового поселения.

К е н д и к л и т е п а (12) - расположено к юго-востоку от к. Губалек - крупнейшее городище в северной части оазиса. Центральная часть его - квадратная возвышенность высотой около 12 м с длиной стороны в 65 м по краю верхней площадки. Отчетливо выраженной приподнятость краев свидетельствовала о мощных крепостных стенах. В северо-восточном углу в рельефе верхней площадки выделялась округлая приподнятость еще на 3 м. Центральная часть (цитадель) окружена рвом, а затем также квадратным в плане валом шириной около 30 м. Особо сложна конфигурация рельефа западной части городища - там отдельные довольно крупные бугры. На поверхности совершенно не было средневековой керамики: наиболее позднюю можно отнести к V-VI вв., а наиболее раннюю - к первым векам н.э.

К о ш т е п а (I3, I4) – два довольно крупных бугра, расположенные в 50 м один от другого в 3 км к западу от Кендиклитепа. Из них более крупный восточный (I3) с прямоугольной вышкой в южной части и валом. Верхняя площадка размером 45x20 м вытянута с востока на запад, высота ее около 12 м. Вал в плане прямоугольный, высота его 5 м. В северной части он расширяется, образуя площадку шириной около 50 м.

Второй бугор (I4) примерно такой же высоты, с квадратной верхней площадкой размером 20x20 м; с южной и восточной сторон – прерывистый вал. На этих двух памятниках средневековой керамики не найдено, несомненно, оба они древние.

Т а с т е п а (I5) – расположено в 8 км к северу от Кендиклитепа; это развалины небольшого поселения высотой около 6 м. В плане памятник овальный, размер верхней площадки 25x15 м, вытянутость – с севера на юг. На поверхности найдены фрагменты тонкостенных красноангобированных чаш, близ тепа обнаружен один фрагмент чаши с красным лощением; несомненно, памятник древний, возможно, первых веков до н.э.

На южной окраине к. Губаляк осмотрено Губаляктепа – большое тепа (I6) концентрического плана, сплошь занятое под кладбище. Центральный бугор относительно небольшой, верхняя площадка его размером 30x20 м, вытянутость – с севера на юг; высота около 10 м, склоны крутые. Окружавший эту вышку вал также прямоугольный, размером 120x90 м, отличался высотой, местами лишь немного – на 1–1,5 м ниже центрального бугра. Большая высота вала с внутренней стороны объяснилась значительной глубиной рва, окружавшего вышку; снаружи он не выше 4 м, ширина его 30–40 м.

На поверхности не найдено средневековой керамики; видимо, памятник древний.

В 3 км западнее Карахабартена (5) при планировке поля было распахано небольшое тепа (I7), куполообразное в рельефе, круглое в плане высотой в 2,5 м, с диаметром у основания в 30–35 м. При расчистке останца выявлена стена, сложенная из сырцового кирпича размером 29x29x5 и 31x18x

4 см. Другая обнаруженная стена сложена из сырцового кирпича размером 40x20x6 см. В вавале найден жженый кирпич размером 30,7x15,5x5,2 см. Выявлены фрагменты поливной керамики X-XII вв.

На расстоянии 30 м восточнее и в 120 м к юго-западу от этого памятника осмотрены немного меньшие по размерам округлые тѣпа с поливной керамикой на поверхности. Все они - развалины отдельно стоявших домов X-XII вв.

Примерно в 1 км к северо-западу от этой группы тѣпа сохранилось двухъярусное тѣпа (18) с вышкой в северо-западной части и примыкавшим к ней нижним ярусом - двором очень своеобразной планировки в виде залятой, концом обращенной к северу. На поверхности найден фрагмент подноса XI-XII вв. и чаши V-VI вв.

Ш в й х а л и т ѣ п а (19) - в 400 м к северу от описанного памятника. Оно в виде плато, приподнятого над окружающей местностью на 10 м размером 150x100 м; вытянутость - с востока на запад. Верхний слой его средневековый - X-XII вв., он почти полностью снят.

И а й м ѣ н ѣ п а (20) - небольшое городище, расположенное далее к северо-западу, примерно в 0,5 км от предыдущего памятника. Высота его до 15 м, планировка очень сложная: состоит из основного прямоугольника, к северо-западной части которого прилежит округлый бугор высотой в 10-12 м. длина всего бугра около 150 м. Все тѣпа окружено ложбиной, по другую сторону которой, с запада, прерывистая цепь невысоких плоских холмов. Верхний слой городища - средневековый. Видно, что вся эта местность интенсивно обживалась в X-XII вв.

Далее, не доезжая 1 км до городища Ер-Курган, отмечено довольно большое двухъярусное тѣпа (21), вытянутое с востока на запад, длиной около 100 м. Высота бугра около 12 м. Вышка, обращенная к западу, очень большая и занимает около половины длины памятника. На поверхности найдены фрагменты тонкостенных кувшинчиков V-VI вв.

Г о р о д и щ е Е р - К у р г а н (22) - описано выше.

А л т ы н т е п а (23) – довольно большое средневековое городище, расположенное в I км к северо-западу от Ёр-Кургана. Наиболее возвышенная часть его – древний бугор высотой в 14 м с размером верхней площадки 40x40 м, являвшийся развалинами цитадели средневекового поселения. Развалины шахристана можно видеть в расплывшейся возвышенности с южной и западной сторон цитадели. Был и рабад, признак его – мощные средневековые (X–XII вв.) отложения, выявлявшиеся в отвесных обнажениях русла Рудаксая, протекавшего западнее Алтынтепа.

С у ю р г у н т е п а (24) – небольшой бугор с крутыми склонами, видимо, являвшийся развалинами отдельно стоявшего здания, расположенный примерно в 2 км к северу от Алтынтепа. Высота его 8 м, в плане он в виде овала, вытянутого с северо-востока на юго-запад. Длина верхней площадки 16 м, ширина до 10 м. У основания площадь тепа примерно в два раза больше. На поверхности найден обломок кувшинчика V–VI вв.

Б а в л ю к т е п а (25) – более крупное тепа несколько иной планировки, находится в 0,5 км западнее вышеописанного бугра. У основания оно почти квадратное, верхняя же площадка подковообразная в плане размером в 20 м в длину и ширину, но с глубоким выемом в западной стороне, что является признаком въезда. Высота ее около 9 м. Это тепа также являлось развалинами отдельного капитального здания и примерно того же времени (V–VI вв.).

М у д и н т е п а (26) – описано выше.

К у м а к т е п а (27) – древнее городище, расположено на юго-восточной окраине к. Кара-Баир. Отличалось огромным бугром высотой в 16 м, квадратным в плане с длиной стороны 55 м, с подритыми со всех сторон краями. В обнажениях выделялись кладки из блоков нахсы размером 125x125x110 см и зольные ямы. С северной и западной сторон сохранились широкие оплывшие валы, видимо, остатки поселения, некогда окружавшего крепость.

К у м а й т е п а (28) – расположенный в к. Педина, довольно крупный памятник – двухъярусный бугор с

вышкой, обращенной к северу, и относительно небольшим нижним ярусом — двором. Длина всего памятника около 100 м, высота вышки до 18 м, ширина верхней площадки 40 м. Верхний слой — средневековый. Вблизи этого памятника интересный архитектурный комплекс Кусамата XIII—XIV вв.³¹

У ч т е п а (29) — три бугра, находившиеся далее к северо-западу между к. Педина и Абран и стоявшие рядом на небольшом расстоянии один от другого. Восточное из них — сильно оплывшее двухъярусное тело длиной около 100 м, шириной 75 м с вышкой в западной части высотой в 5–6 м. Средний из бугров, находившийся в 80 м от описанного, округлый в плане, диаметром в 50 м и высотой в 4–5 м. Еще в 250 м к северо-западу, так же как и первый, расположен двухъярусный бугор длиной около 80 м с вышкой высотой около 8 м. На обоих крайних тела найдена средневековая керамика, на среднем ее не было. Видимо, все эти бугры являлись развалинами средневековых поселений (X—XII вв.), основанными на более древних.

А б р а н т е п а (30) — находилось близ к. Абран, расположенного у подножья Касантау; с его северо-восточной стороны — крупный бугор с крутыми склонами, придававшими ему архитектурный облик, подпрямоугольный в плане с неровной западной стороной. Поверхность бугра в виде плато, приподнятого над окружающей степью на 7–8 м, с крупной куполообразной вышкой в северо-западном углу высотой около 18 м. Размер верхней площадки памятника 80x60 м, вытянутость — с севера на юг. На поверхности найдена керамика VIII—X вв., есть и лепная V—VI вв., но в нижних наслоениях этот памятник, находившийся в хорошей сохранности, несомненно, древнее. Среди подъемного материала следует назвать две монеты —

³¹ Р.Р. Абдурасулев, Л.И. Ремпель, Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи, в сб.: Искусство зодчих Узбекистана, т. I, Ташкент, 1962, стр. 24–30; Л. Маньковская, Архитектурные памятники Кашкадарьи, Ташкент, 1971, стр. 37–43.

с У-образным знаком³² и с изображением коня.

Х а й б а р т е п а (31) – довольно крупное городище, расположено на северо-западной окраине к. Абран. Наиболее возвышенная часть его – на востоке – округлый оугор длиной в 100 м, шириной в 70 м и высотой около 10 м. К северу и северо-западу от него площадка размером примерно 400х300 м, занятая развалинами средневекового поселения. Здесь найдена поливная керамика IX–X вв. (зеленой поливы).

К а с а н т е п а (32) – расположено на юго-восточной окраине Касана. Представляло собой (теперь оно сильно разрушено) бугор в виде плато площадью в 200х150 м, поднятой над окружающей местностью на 8–12 м, вытянутость – с севера на юг. Нижние наслоения памятника скрыты под огромными поздними завалами и остатками построек, однако в обнажениях выявлены наслоения в пределах с первых веков до н.э. и до монгольского завоевания.

А к т е п а (33) – расположено вдали от основной массы селений Нахшеоа. Эта крепость как бы в качестве форпоста выброшена далеко к северо-западу в сторону Бухарского оазиса. Памятник состоял из двух основных частей – центрального бугра высотой около 10 м с верхней площадкой размером 45х45 м и окружающей его стены в виде квадрата с длинной стороны в 150 м, ориентированного по странам света углами (см. рис. 10, 2). Между бугром и стенами глубокая ложбина с признаками построек у стен. Подземная керамика только древняя: фрагменты чаш или кубков на высоких ножках, один из них с признаками черного лощения. Найдены и фрагменты чаш, типичных для комплекса гончарной печи Ер-Аургана. Таким образом, есть основание определить, что крепость существовала в первой половине первого тысячелетия н.э., а возможно и еще раньше.

Перейдем к рассмотрению памятников южного берега Кашкадарьи, начиная с восточной стороны – с верховьев оросительных каналов.

³² О.И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 62–63.

На восточной окраине оазиса отмечено два крупных памятника.

Ханабадтепа (34) – северный из них, квадратный в плане, с длиной стороны в 175 м. Он состоял из квадратной вышки и отделенного от него ложоинной вала. Собственно, план в основных чертах такой же, как и в Актепа, и его можно датировать тем же временем. Однако из керамики, довольно скудной, можно отметить фрагменты поливной посуды X–XII вв., что свидетельствует об обживании памятника и в это время.

Безмяннотепа (35) – расположено в 3 км к юго-западу от описанного, также квадратное в плане, размером 80x80 м, но вышка здесь не в центре, а в северо-западном углу, т.е. этот памятник по своим типологическим особенностям подобен Мудинтепа. Из керамики здесь найден фрагмент тонкостенной чаши комплекса гончарной печи Ер-Кургана.

Чаукайтепа I (36) – расположено к востоку от Карши в к. Чаукай. Сильно разрушенный памятник – невозможно определить даже контуры его плана, но вышка сохранилась хорошо: это бугор высотой в 14 м, верхняя его площадка овальная, размером 35x25 м, вытянутость – с севера на юг. Со всех сторон, кроме северной, к вышке прилегал развалины поселения высотой в 3–5 м, деформированные выборками на удобрения (см. рис. 24, 6). Площадь развалин 3–4 га. Видимо, все-таки это было прямоугольное городище с вышкой в середине северной стороны. Почти вся керамика подъемная и из обожженных грубой лепной работы. По некоторым фрагментам сосудов станковой работы можно определить, что поселение существовало в V–VI вв.

Чаукайтепа II (37) – типичное двухъярусное тепа, расположенное близ реки, с обращенной к югу вышкой и веером раскинувшимся от нее нижним ярусом – двором. Протяженность с севера на юг 120 м, наибольшая ширина двора 80 м. Верхняя площадка вышки прямоугольная, приподнята над окружающей местностью примерно на 10 м. Все тепа занято кладбищем. Судя по подъемной керамике, памятник V–VI вв.

Ш о р т е п а (38) – расположено близ Карши, описано выше.

Г у л ь х а н и т е п а (39) – небольшое тепа на восточной окраине г. Карши. В плане поселение было прямоугольным, размером 30x30 м, высотой около 7 м. Памятник не сохранился. В обнажении видна кладка из сырцового кирпича размером 42x42x8 см, т.е., судя по размерам кирпича, памятник древний – первых веков н.э.

К а л а - и З а х о к - и М а р о н (40) – один из наиболее значительных памятников оазиса – развалины крупной древней крепости с замком, расположенной в юго-восточной части Нахшеба, памятник состоял из трех концентрических террас, уступами возвышавшихся к середине (см. рис. 10, I; 24, I). Наружной террасой являлся внешний вал шириной до 30 м и высотой до 7 м, крутой с внешней стороны и пологий – с внутренней. От срединной части – внутреннего вала с развалинами замка он отделен низиной шириной до 50 м.

Памятник в плане образует почти правильный квадрат с длиной стороны в 400 м. правильность очертаний внешнего вала нарушает лишь довольно широкий прямоугольный выступ в восточной стороне, образующий в середине прямоугольную площадку шириной до 100 м. Таким образом, площадь памятника составляла приблизительно 16 га. в середине северной стороны внешний вал обрывается на протяжении около 25 м. Здесь был проведен арык. Видимо, в древности в этом месте находился въезд в крепость. Стороны внешнего вала, как и всего памятника в целом, ориентированы по странам света почти правильно.

Крутые склоны внутреннего вала выселись за низиной, частично затопленной грунтовыми водами. В плане он квадратный, высота его 9,5 м, размер 205x205 м. Край вала несколько приподнят, что являлось признаком стен. В промежутке между развалинами замка и внутренней стеной образовалась впадина с плавными склонами за исключением узкой полосы с северной стороны, где уровень гребня вала сохранился до основания развалин, образовав плавный подъем на верхнюю площадку. Ба-

димо, здесь и был въезд в замок. Развалины замка, квадратные в плане, образовали верхнюю площадку памятника размером 60x60 м и высотой над окружающей местностью в 14 м.

Внешний вал с внешних южной и западной сторон местами значительно подрят³³. В 70 м от юго-западного угла снаружи на южной стороне внешнего вала осмотрена глубокая пещерообразная выбоина, в боковых стенках и потолке которой прослеживаются массивные стены. Две из них состояли из плотной пахсы, одна — из сырцового кирпича размером 42x42x10 см — типичного для первых веков н.э. Плотные кладки и остатки стен с наружной стороны внешнего вала дали основание установить наличие в этой части многократно перестраивавшихся стен. В другом месте южного вала в разрезе, образовавшемся позднее, на глубине 5 м отмечена кладка из сырцового кирпича размером 40x40x8-9 см, являвшаяся частью глинобитной стены толщиной в 4 м. Совершенно иной характер носили наслоения внутренней части внешнего вала. Здесь залегали мощные, относительно рыхлые слои, содержавшие золу, уголь, керамику. Наблюдения позволили нам в основных чертах восстановить картину происхождения вала. Вначале была построена массивная стена, окружающая замок на расстоянии примерно 70 м от внутренней стены. Затем с внутренней стороны этой внешней стены начали строить жилые помещения, оплывшие развалины которых и образовали пологий склон. Исходя из размеров кирпича, обнаруженного в кладках стены, можно предполагать, что она сооружена в первые века н.э., т.е. во времена кушан.

На поверхности и из обнажений внешнего вала сохранился некоторый керамический материал: почти целый тонкостенный кувшинчик, типичный для среднего слоя Мудинтепа и верхнего

³³ Теперь, когда памятник оказался окруженным жилыми кварталами, внешний вал уже чуть ли не на половину разрушен. Местами — с северной и восточной сторон, где построены жилые дома, — подрят и внутренний вал.

Ер-Кургана, обломки чаш, характерных для этих же наслоений; из сосудов лепной работы — фрагменты курильниц с лепным орнаментом и крышек, украшенных круглыми вдавленными. Эти материалы датируются III—V вв. Однако здесь же обнаружены фрагменты чаш или кубков на высоких ножках с признаками красного лощения, характерные для нижних слоев Мудинтепа и Ер-Кургана, и, следовательно, могут приблизительно датироваться первыми веками до и после нашего летосчисления.

Таким образом, мы имеем основание датировать поселение у внешней стены не позднее III—V вв. н.э. Так как возникло оно, несомненно, позже самого замка, первого поселения между внутренними стенами и замком, а в отложениях даже внешнего вала найден более древний материал, то мы вправе сделать вывод, что замок с поселением, развалинами которого является Кала-и Захок-и Марон, возник не позднее первых веков до н.э. Относительно редкие находки фрагментов керамики X—XI вв., в том числе поливной, показывают, что данное поселение в некоторой мере обживалось и в это время.

Памятник является развалинами крупнейшего в оазисе замка с поселением, в котором в наиболее полном виде сохранились особенности концентрической планировки одного из видов поселений сельского типа древности.

К а т т е п а (41) — довольно крупный памятник, расположенный в I км к северо-востоку от Кала-и Захок-и Марон. Прямоугольный в плане; он вытянут с севера на юг. Размер его верхней площадки 60x45 м, высота около 12 м. На плоской верхней площадке с западной стороны крупная впадина, продолжением которой служил пологий склон, ведущий к основанию тепа. Видимо, здесь был въезд в поселение. Памятник относительно хорошей сохранности. Найденные на его поверхности фрагменты поливной посуды X—XII вв. позволили определить последний период в обживании поселения. К более раннему времени отнесены фрагменты сосудов грубой лепной работы.

Г у н г а н т е п а (42) — развалины древнего поселения, расположенного в 1,5 км к северо-западу от Кала-и За-

хок-и Марон. Нижний ярус этого памятника разрушен уже давно, сохранилась лишь вышка, да и то в сильно деформированном виде. Бугор округлый в плане, диаметр у основания 55 м, у верхней площадки — около 20 м; высота бугра до 10 м. В обнажениях выделялись массивные пахсовые стены и между ними помещение. При расчистке его получен типичный керамический комплекс III—V вв., т.е. времени нижнего слоя Каджартепа и среднего — Мудинтепа. Найдена почти целая курильница с налепным орнаментом.

К а ф и р т е п а (43) — более круглый памятник, находившийся севернее на 1 км. В плане это небольшое городище в виде двух частично совмещенных овалов, в рельефе — двухъярусное с вышкой и прилегающей к ней с востока возвышенной площадкой. Верхняя площадка вышки — строго овальная, размер ее в продольном (с востока на запад) и поперечном направлениях 75 и 60 м. Высота городища в этой части 17 м. Размеры прилегавшей площадки соответственно 100 и 70 м, высота нижнего яруса до 10 м. Бугор окружен ложбиной, частично заполненной грунтовыми водами, за которой с южной и западной сторон сохранились три небольшие возвышенные площадки.

В южной стороне вышки, почти в середине, образовалась глубокая впадина. Расчистка ее западной стороны обрыва показала содержание в верхних наслоениях поливной керамики X—XII вв. Для выяснения характера подстилавших наслоений здесь же в образовавшейся впадине заложили шурф-расчистку. Выявилось, что до глубины 1,5 м продолжался рыхлый завал с поливной керамикой и большим количеством битого обожженного кирпича. Затем на глубине до 5 м обнаружен плотный грунт, содержащий однородный керамический материал, преимущественно обломки сосудов лепной работы. Однако среди них не было ни светильников, ни курильниц с налепным орнаментом, характерных для наслоений III—VI вв. Но зато установлены некоторые признаки, связывавшие этот материал с более поздним комплексом помещений на Каджартепе, вскрытого в стене датируемого VII—VIII вв.: углубленные венчики с ложбинкой на верхних поверхностях и волнистый орнамент на стенках сосудов.

Среди в общем малохарактерного материала шурфа на глубине около 2 м выявлен интересный памятник изобразительного искусства: круглая пластинка шириной 0,9 см из кости или рога кремового цвета с плоскими боковыми поверхностями диаметром в 2,3 см. на ее одной стороне вырезано изображение коня, а на другой — крупного хищного животного³⁴, по предположению М.Е.Массона — гепарда. Исходя из наличия круглого отверстия, прорезывавшего пластинку по диаметру, можно предполагать, что она предназначалась для ношения на шнуре как талисман.

Итак, нами обследованы только верхние наслоения Кадртепа. Судя по планировке, памятник вряд ли может быть древнее III—V вв.

Культепа (44), Айтугдытепа (45), Пирмат-обатепа (46) и др., нанесенные на отдельную схему, будут описаны во второй главе.

Ходжалитепа (47) — полуразрушенный памятник, расположенный к юго-востоку от к.Мирирон. Высота его 8 м, диаметр у основания 40—45 м, в плане округлый, с крутыми склонами. Разведочный раскоп, заложенный у одного из вертикальных обнажений, выявил картину интенсивного обживания поселения в древности. Установлено четыре строительных периода — II—V вв. н.э. для верхних наслоений характерны уже знакомые нам курильницы с налепным орнаментом и тонкостенные кувшинчики, для нижних — кубки. Шурф, заложенный в пределах раскопа, довели до глубины 2 м ниже уровня окружающей местности, но из-за выступивших грунтовых вод не была достигнута подошва культурного слоя.

На полу помещения, вскрытого в верхнем слое, у двух очагов обнаружен завал из глиняных ядер (свыше 50 шт.) шаровидной формы различных размеров. Из них самые маленькие диаметром в 3 см и весом в 50—60 г, а самые крупные — диаметром 13 см и весом не менее 1,5 кг. Большая часть

³⁴ С.К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв., стр. 170, рис. 12.

ядер слабого ожига, но встречались и совсем не обожженные. Видимо, их здесь на полу помещения и обжигали в очагах. Известно, что эти ядра — метательные; металы их рукой из пращи³⁵.

К у р г а н т е п а (48) — небольшое городище, квадратное в плане, с длиной стороны в 175 м, концентрическое в рельефе. За крутым баном высотой около 7 м — ложбина, окружавшая центральный бугор, также квадратный, с длиной стороны в 55 м, но сильно оплывший. Верхняя площадка бугра — на высоте около 17 м над окружающей местностью. Значительнее по объему раскопки, проведенные здесь в 1970 г. Т.Р. Арзалиходжаевым, позволили получить некоторый материал для характеристики верхних наслоений, датированных X—XII вв. Бугор по планировке, казачник, несомненно, древний, нижние его наслоения относятся, по крайней мере, к первым векам н.э.

П а с т т е п а — расположенный в 250 м к западу от Кургантепа бугор размером у основания 100x75 м, высотой в 6 м, с плоской верхней площадкой. В 1972 г. В.Д. Кочевым здесь был заложен стратиграфический шурф, доведенный до материкового лёсса, выявленного на глубине 6,5 м. Установлено пять стратиграфических горизонтов, датированных в пределах III—VI вв. по характеру керамических изделий памятник близок Коптева-2, находящемуся в 1,2 км южнее.

П а м а з г а р т е п а — более крупный бугор, расположенный в 750 м к северу от Кургантепа. В 1972 г. был обследован раскопками, проведенными В.Д. Кочевым. Бугор у основания с ломанными контурами плана, размеры его 170x170 м. Особенности рельефа — наличие впадины в северной части, но с крутым, а с пологим подъемом высотой 4—9 м. Поселение существовало в IV—XII вв. Раскопками выявлены две разновременные печи. Одна из них датирована V—VI вв.

³⁵ З.И. Усманова, Керамические ядра из Мерва, в сб.: Труды Ташкентского государственного университета. Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 33—41.

К о ш т е п а - двойное тела, состоявшее из двух бугров. Восточный из них назван К о ш т е п а - 2 (49), а западный - К о ш т е п а - I (50). Первый памятник овальный в плане, у основания размером 73x60 м, высотой 9 м. В 1971-1972 гг. здесь был заложен раскоп площадью в 450 кв.м, позволивший выявить руины двух жилых массивов. Установлено, что поселение существовало в III-V вв. Из найденного здесь комплекса керамических материалов выделялись светильник с зооморфной ручкой (см.рис.13,31) тонкостенные кувшинчики, а также кувшинчик на поддоне (см.рис.13,30). Выявились, что они культового назначения, аналоги им установлены далеко на западе - в Мерве³⁶. Кроме того, на этом памятнике найдены и монеты (см.рис.16,2).

К о ш т е п а - I - более крупный бугор, расположенный в 300 м западнее. В рельефе он двухъярусный с вышкой в его юго-западной части высотой в 16 м. Площадь развалин этого укрепленного поселения - 160x150 м. В 1970-1971 гг. на этом памятнике вел раскопки Т.Р.Агзамходжаев. На вышке был заложен раскоп, в котором выявлены наслоения X-XII вв. На нижнем ярусе развалин поселения заложили шурф до уровня окружающей местности. Под верхним слоем указанного времени выявлены наслоения VI-VIII вв. Материал нижних наслоений малохарактерный, видимо, II-III вв.н.э.

К западу от Коштена-I расположен еще один памятник (51) - небольшой бугорок высотой в 2,4 м, диаметром у основания в 35 м. Он был объектом небольших раскопок осенью 1970 г. Бугорок являлся развалинами отдельно стоявшего небольшого дома, в нем удалось исследовать лишь фундамент³⁷.

Т а л и - к н з т е п а (52) - довольно крупный бугор, расположенный примерно в двух километрах к юго-западу от

³⁶ Л.М. Р у т к о в с к а я, Античная керамика Древнего Мерва, Труды ЮГАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр.74, рис. 10,9,13.

³⁷ С.К. К а б а н о в, Руины жилища земледельца II-III вв., ИИМКУ, вып. II, Ташкент, 1974, стр.76-82.

Коштепа, двухъярусный, отличался большими размерами нижнего яруса. Подъемная керамика, в основном, красноангобированная, видимо, III-V вв. Есть и признаки обитания в X-XII вв. К юго-западу от него - прямоугольный бугор с красноангобированной керамикой.

Л а г м а н т е ц а (53) - наиболее крупное из множества тепа различной величины и топографических признаков, сосредоточенных к западу от г. Карши (см. рис. 24, 2). Памятник концентрического плана, с наружным валом размером 140x140 м, по сторонам света ориентирован углами. В середине городища - крупный бугор высотой около 15 м, размер его верхней площадки 25x22 м. Характерно, что своей глубиной ложина между валом и вышкой с южной стороны достигала уровня окружающей местности; в северной части они разделены лишь неглубокой седловиной. Высота наружного вала в северной части достигает 6 м. С южной стороны он значительно ниже, с перерывом в юго-западной стороне, что можно принять за наличие ворот или въезда. Керамика на поверхности валско-каркасная, но явно средневековой среди нее не нашлось. Судя по планировке, памятник древний.

Т а л л и с о р т е п а (54) - довольно крупное городище, расположенное к западу от г. Карши и имевшее в своей планировке все три составные части средневекового города - цитадель, шахристан и рабад. Общая площадь городища - около 13 га³⁸. Исследованиями выявленных элементов планировки здания на цитадели и стратиграфии памятника установлено, что поселение существовало с первых веков н.э. и до монгольского завоевания.

П а л в а н т е п а (55) - крупный бугор ("Богатырское тепа"), расположенный недалеко от г. Карши. Тепа двухъярусное в рельефе, с вышкой в 15 м в высоту, прилега-

³⁸ В 1971 г. на этом памятнике раскопочные работы вел Т.Р. Агзамходжаев, а в 1972 г. - Б.Д. Кочнев. См.: Б.Д. Кочнев, В.Д. Рузанов, Раннесредневековое резное дерево из Талли-сортэпа, Ж. "Общественные науки в Узбекистане" (ОНУ), 1973, № 4, стр. 59-60.

шей к ней с запада и севера площадкой, возвышавшейся на 6 м над окрестными полями (см. рис. 10, 4). Протяженность памятника с юга на север 140 м, с востока на запад — 150 м.

В 1972 г. на этом памятнике мы заложили два раскопа — на вышке и прилегающей площадке — дворе. Раскопки эти далеко не завершены. В раскопе на вышке площадью в 52 кв. м выявлены фрагменты стен здания с небольшим комплексом керамики УП–УШ вв. Здесь наиболее характерны кружки с перегибом корпуса, типичные для соответствующих наслоений Пянджикента³⁹ и Афрасиаба⁴⁰. Наслоения этого времени прорезали более поздние бадрабы с материалами IX–X вв., свидетельствовавшие об обживании поселения и в это время. В нижнем раскопе удалось вскрыть более древние наслоения. Здесь найдены фрагменты тонкостенных кувшинчиков, светильников в виде плоски с горизонтальной ручкой и нахшебская монета У–УІ вв.

К о ш т е п а (56) — два бугра (сейчас уже распахан-ные), расположенные в полукилометре к юго-западу от Палвантепа. Один из них двухъярусный с вышкой высотой около 5 м, обращенной к северу, и прилегавшей к ней площадкой высотой в 2 м. Общая длина памятника не свыше 45 м. Характерная особенность этих развалин — почти равные по площади вышка и двор. На поверхности найден фрагмент сосуда У–УІ вв.

Второй бугор, расположенный в 100 м к западу от первого, по своему плану другого типа: округлой формы, диаметром до 40 м, высотой в 4 м, с почти ровной, слегка бугристой поверхностью. Найден фрагмент подноса X–XII вв. Видимо, это поселение средневековое.

О р т а т е п а (57), т.е. "среднее тепа", — крупный памятник, находящийся между Палвантепа и Лагмантепа (ближе к первому). Он концентрического плана, с вышкой в цент-

³⁹ И.Б. Бентович, Керамика верхнего слоя Пянджикента (УП–УШ вв.), стр. 285, рис. 23, 1–4.

⁴⁰ С.К. Кабанов, Изображение Шивы на оссуариях, "Советская археология" (СА), 1971, № 2, стр. 253, рис. 3, 1–6.

ре высотой в 12 м, с верхней площадкой размером 40х30 м, вытянутой с севера на юг. Окружавший вышку вал размером в 150х110 м прямоугольный в плане. К востоку от внешнего вала местность всхолмлена, что, видимо, являлось признаком древних развалин. На поверхности найден миниатюрный сосудик с шиповидными налетами по краю, по всей вероятности, III-VI вв., а также фрагмент поливного блюда XI-XII вв.

С а р и т е п а (58) — крупный памятник концентрического плана, расположенный к северо-западу от г. Карши. Он состоял из наружного прямоугольного вала и центральной вышки с размером верхней площадки 40х40 м. Высота ее над окрестными полями 15 м. Въезд на вышку посередине восточной стороны. Последний период обживания поселений — не позднее V-VI вв.

Б е з и м я н и ц е т е п а (59) — два тела, расположенные севернее Саритепа, на самом берегу реки и почти до половины размытые ею. Оба тела в плане округлые, с диаметром у основания в 25-30 м, высотой около 6 м. В обнажении одного из них у основания извлечен почти целый тонкостенный кувшинчик. Это дает основание датировать памятники III-VI вв.

К у ч к а к т о п а (60) — крупный оугор типа мудинтепа, расположен к западу от г. Карши. Памятник прямоугольный в плане размером 100х80 м, с вышкой (15 м) в юго-западном углу, он занят кладбищем.

Б а в а д ж и н т е п а (61) — крупный памятник концентрического плана: с вышкой посередине, окруженной прямоугольным валом. Расположен с северной стороны г. Кучкак.

Ш у л л ю к т е п а (62) — памятник, упоминавшийся уже ранее, находился в середине основания широкой дугообразной извилины реки Кашкадарьи, к северо-западу от г. Карши. В плане у основания он представлял собой вытянутый, слегка изогнутый овал длиной в 175 м и шириной до 70 м (см. рис. 24, 3). В профиле памятник двухъярусный, с нижней площадкой — двором высотой около 5 м и с верхним ярусом — развалинами крупного монументального сооружения высотой около 25 м. Тела с прилегающей к нему с северо-востока не-

большой площадкой окружено широким валом диаметром до 500 м. За этим валом вся местность покрыта буграми и усыпана керамикой X-XII вв. Площадь всего городища 70-100 га. Границы средневекового города точно не установлены.

На городище было заложено три шурфа, не доведенные до материкового грунта. Их материалы в сопоставлении с данными осмотра городища позволили установить, что центральный бугор являлся развалинами замка V-VI вв. Это подтверждалось находкой на вышке нахшеоской монеты. Возле замка вначале возникло небольшое поселение, признаком его служил кольцевой вал, затем оно постепенно переросло в город. Благодаря своему положению в центре оазиса, у реки, в месте, где находились головные сооружения каналов, питавших значительную часть оазиса, этот город был в IX-XII вв. главным в низовой части долины Кашкадарьи. В 1973-1974 гг. на городище раскопки вел Б.д. Кочнев⁴¹.

Т а л и - к у р г а н т е п а (63) - один из целой группы памятников², находившихся к западу от г. Карши. Это довольно крупный бугор типа Мудинтепа, только с неровной, видимо, подритой, восточной стороной. Памятник прямоугольный в плане, с вышкой в северо-западном углу; размер городища 140x110 м, вытянутость - с севера на юг. Высота вышки до 12 м, размер ее верхней площадки 40x40 м. На поверхности найдены фрагменты крышек с ямочным орнаментом и монета с изображением коня, видимо, VI-VII вв. К этому времени можно отнести и последний период в обживании поселения.

М а з а р т е п а (64) - другой крупный бугор к северу от описанного, примерно в 1,5 км, занятый кладбищем. Он концентрического плана, квадратный, с длинной стороны в 100 м; в центре вышка (12 м), подпрямоугольная, размером 20x20 м, с выступом в юго-восточной стороне. Высота наружного вала 6-7 м. Между вышкой и валом неглубокая седловина, заполненная, видимо, в X-XII вв., судя по фрагментам

⁴¹ Б.д. К о ч н е в, Исследования средневекового Несефа, Археологические отчёты 1974 г., М., 1975, стр. 501-502.

поливной керамики. На вышке найдены ручки котлов лепной работы, одна из них витая. Эти находки по характеру культуры обликают памятник с Шортела,

Ч а р в а к т е п а (65) — наиболее крупный памятник близ северной окраины к.Талли-Курган на серии нескольких небольших бугров с керамикой V—VI вв. на поверхности. Видимо, это сильно разрушенное тепа, тип которого трудно определить. Похоже, что памятник двухъярусного типа с вышкой (II—II м), обращенной к северу. Однако к западу и востоку от вышки расположены отдельные плоские бугры, которые раньше, возможно, были соединены с ней. Общая длина памятника с севера на юг около 120 м. Керамика малохарактерная, но явно несредневековая. Найдены дугообразная ручка котла лепной работы, лепной "поднос" с двумя ножками, а также три монеты плохой сохранности, на двух из них можно различить изображение коня.

Н о р у м б е й т е п а (66) — небольшое тепа, расположенное примерно в двух километрах к северу от Мазартепа. Оно двухъярусное с вышкой, обращенной к северу, высотой в 6—7 м. Общая протяженность памятника по оси с севера на юг 35—40 м. Диаметр верхней площадки 10—12 м. Подземная керамика — тонкостенная, красноангобированная, средневековой не найдено.

Т е ш и к т е п а (67) — небольшое городище, расположенное восточнее поселения Каджар. Центральная часть его — двухъярусное тепа (ом.рис. 10,5) с вышкой, обращенной к западу, высотой в 22 м и прилегающей к ней возвышенной площадкой — двором. Длина тепа по оси с запада на восток около 100 м. Тепа окружено низкой шириной около 30 м, а ватем валом шириной в восточной части 80 м, в южной — около 40 м. Из подземной керамики этого кольцевого вала наиболее характерны фрагменты поливной посуды и горшков из черной прокаленной массы, крышки со штампованным орнаментом, материалы, определявшие последний период жизни поселения — X—XIII вв. (до монгольского завоевания). Более архаичный материал получен в вышке, в одном из ее обнажений обнаружены сосуды лепной работы. Таким образом, характерных мате-

риалов из нижних наслоений не выявлено, но, исходя из типологического сходства с Шуллактепа, памятник в нижних наслоениях можно датировать V-VI вв.

Каучинтепа (68) — крупный бугор на южной окраине одноименного кишлака, типа двухъярусного, с большой подпрямоугольной вышкой в северной части и относительно небольшим двором. Сохранилось лишь небольшие останцы внешнего вала. На поверхности найдены фрагменты тонкостенных кувшинчиков V-VI вв.

Близ к. Каучин находятся два архитектурных памятника — комплексы Имам Маин и Хаврети Шейх; здания основаны в XI в.⁴²

Бабакенттепа (69) — самое южное из развалин поселений в Каршиноком оазисе, расположено к юго-западу от к. Каучин на границе возделываемых земель. Основная часть памятника — прямоугольная вышка размером 90x70 м, высотой около 12 м, вытянутой — с востока на запад. От внешнего вала она отделена неширокой седловиной. Вал — не строго прямоугольный, как обычно в тепа концентрического типа; южные его углы сильно закруглены. Ширина вала не одинакова — в восточной части 80 м, в остальных — значительно меньше. На поверхности памятника наряду с керамикой, характерной для XI-XII вв., встречена и более древняя, в частности фрагмент чаши на высокой ножке. Обнаружено много керамики лепной работы.

Каджарттепа (70) — описано выше.

Кургантепа (71) — памятник близ к. Кара-Кутча в виде прямоугольного плато высотой в 6-7 м, размером 110x90 м, ориентирован по странам света углами. В южном углу — бугор высотой в 12 м. На поверхности найдены крышки со штампованным орнаментом, видимо, IX-X вв.

Байгундытепа (72) — двухъярусный бугор на западной окраине одноименного кишлака, длиной около 120 м

⁴² Р.Р. Абдурасулев, Л.И. Ремпель, Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарья, стр. 14-19.

с вышкой, обращенной к югу. Высота вышки I4-I5 м, двора - около 5 м. На поверхности найдены фрагменты тонкостенных кувшинчиков У-УI вв., а также крышки со штампованным орнаментом Iа-X вв.

Ш о р т е п а (73) - довольно крупное средневековое городище близ к.Казак с цитаделью, округлой в плане, диаметром в 50 м, высотой около I5 м. Площадь городища 350x I00 м, вытянутость - с севера на юг.

К западу от Шортена в 2-3 км обследовано еще несколько бугров со средневековой керамикой на поверхности. Условно их можно назвать Наукаттепа (74) по названию ближайшего кишлака. На одном из них найдена керамика У-УI вв.

Близ к.Паштан вскрыто два очень характерных памятника.

П а ш т а н т е п а - I (75) - конусовидный бугор высотой в I7-I8 м с диаметром верхней площадки в I0 м и о крутыми склонами, расположен в 0,5 км к югу от кишлака. Видимо, это развалины какого-то оашнеобразного здания. О его древности свидетельствовали фрагменты красноангобированной керамики, относившейся, по-видимому, к III-IV вв.

П а ш т а н т е п а - II (76), видимо, еще более значительный памятник, расположен примерно в I,5 км к западу от кишлака. Тепа концентрического плана, ориентированное почти правильно по странам света. Размеры внешнего вала I40-I10 м, вытянутость - с севера на юг. Вышка - квадратная в плане, с крутыми склонами, искаженными двумя глубокими впадинами с южной и юго-восточной сторон. Высота вышки около I5 м, верхняя площадка размером 40x40 м. Характерна незначительность высоты ее в сравнении с вышкой 5-6 м. В северо-восточном углу вала признаки въезда в поселение. На поверхности много керамики лепной работы - несомненный признак его древности, но налицо и признаки обживания развалин в средневековье - найдены фрагменты поливного блюда. Значительная часть памятника занята кладбищем.

Примерно в 8 км к юго-востоку от Касана выявлена группа памятников, известная под названием **Д а л я ш к а н т е п а (77)** - четыре бугра, расположенных на берегу Кашкадарьи: один из них - на северном берегу, а остальные - на

южном. Три памятника, овальные в плане, двухъярусные, типа Шуллактепа, но с относительно большой площадью двора при меньших размерах памятника в целом. Вышки всех трех двухъярусных тела обращены соответственно в разные стороны — к северу, востоку и западу. Четвертый памятник прямоугольный в плане, с плоской верхней площадкой, расположен посередине двух других овальных в плане тела. На поверхности всех двухъярусных памятников хорошо представлена средневековая керамика: фрагменты крышек со штампованным орнаментом, обломки поливной посуды.

В 2 км к западу от к. Чаукай (западного) отмечено три **Безмяных бугра** (78). Более крупный из них в рельефе двухъярусный, в плане прямоугольный, размером 60x40 м, с выступающей из его очертаний вышкой с западной стороны. Высота вышки около 12 м, двор лишь на 3 м ниже. Керамика на поверхности малохарактерная, видимо, V—VI вв.

В 800 м к юго-востоку от этого тела расположены два относительно небольших бугра, куполообразные, высотой до 4 м, с диаметром у основания в 25—30 м. На одном из них (восточном) найден фрагмент кубка, что свидетельствует об относительной древности памятника (первые века н.э.).

Кераттепа (79) — довольно крупное городище, находящееся приблизительно на середине пути из Касана в Масби. В плане памятник прямоугольный, площадью в 200x150 м, вытянутость — с севера на юг. Рельеф характерный: над плато высотой в 6—7 м, в южной его части на высоту до 15 м поднимается двухъярусная вышка. Верхняя площадка прямоугольная, размером 30x30 м.

На поверхности тела много средневековой керамики, встречается поливная; найдены и фрагменты кубшинчиков V—VI вв.

Кутантепа (80) и **Баваджинтепа** (81) — два крупных тела концентрического плана, расположенных в 5 км к востоку от Муглан. Памятники древние. На Баваджинтепа — мощные средневековые отложения.

Талигунтепа (82) — памятник в рельефе двухъярусный, с вышкой, обращенной к юго-западу. Высота ее око-

ло 10 м, двора — 5–6 м, Общая протяженность по оси с юго-востока на северо-запад около 100 м, Керамики на поверхности мало, но встретились фрагменты посуды X–XII вв.

К у р г а н т е п а (83) — один из группы памятников, расположенных к западу от г. Карши близ южной окраины к Динау. Тепа концентрического типа, в плане квадратное с длинной стороны около 150 м и высотой наружного вала до 7 м. В центре памятника развалины замка высотой до 15 м. Вся западная часть сильно разрушена. В образовавшихся обнажениях видны мощные завалы органических остатков. В юго-восточном углу развалин замка сохранились остатки какого-то сооружения, видимо, башни, с круглым отверстием в середине. Возможно, это более поздняя пристройка, поскольку под ней обнаружен слой органических остатков. Среди подъемной керамики фрагменты поливной посуды X–XII вв., крышки со штампованным орнаментом — материалы, характеризующие верхний слой, который свидетельствует об интенсивном обживании древнего поселения в период средневековья.

Ш и ш т е п а (84) — бугор, расположенный в 300 м к северу. Он в форме усеченного конуса высотой до 14 м, диаметр у основания около 40 м, верхняя площадка — 12 м. В верхней части южной стороны тепа крупная выемка, от чего верхняя площадка имеет подковообразную форму. Тепа окружено сильно поврежденным валом высотой в 2–3 м, шириной в 10 м. На поверхности памятника найдено несколько фрагментов тонкостенной керамики станковой работы, по-видимому, III–V вв., фрагмент кубка, свидетельствующий о существовании и более древних наслоений.

Ш о р т е п а (85) — квадратный холм близ восточной окраины к Динау с размером стороны в 140 м, высотой в наиболее возвышенной северо-восточной части 14 м. С северной и западной сторон к нему примыкали плоские возвышенности — остатки наружного вала. На тепа найдено большое количество фрагментов крышек с разнообразным штампованным орнаментом.

Д и н а у т е п а (86) — памятник, находившийся близ северной окраины селения. Развалины в плане подпрямоуголь-

ные, в виде плато размером 60x50 м, с вышкой в юго-западном углу высотой около 12 м. Памятник, несомненно, древний, но есть и признаки обживания его в период средневековья (IX-X вв.).

И з т е п а (87) – бугор близ северо-западной окраины к.Динау, прямоугольный в плане, размером 70x60 м, высотой около 10 м. С востока и юга – остатки наружного вала. Подъемная керамика малохарактерная, но можно предполагать, что поселение существовало до VI-VII вв.

В 3-3,5 км к западу от к.Динау отмечены два двухъярусных тепа – **К о ш т е п а (88)**. Более крупное из них расположено по северную сторону дороги. На обоих памятниках выявлены признаки обживания в эпоху средневековья (IX-X вв.).

К в н д и к л и т е п а (89) – крупный бугор, близ восточной окраины к.Камаша. Памятник округлый в плане, длиной в 200 м и шириной 150 м, вытянутость – с востока на запад, отличался широким наружным кольцевым валом и относительно небольшой вышкой в центре, видимо, частично разобранной. Высота – до 15 м. Поселение дошло до V-VI вв., но есть признаки и более раннего обживания: найден фрагмент кубка и характерная терракота – изображение мужчины в складчатом головном уборе.

К а м а ш и т е п а (90) – памятник, находившийся в самом кишлаке. Это двухъярусное тепа с несколько обособленной подпрямоугольной вышкой размером 60x60 м. Вышка бугристая, покатая к юго-западу. К юго-востоку от нее расположен обширный с нечетко улавливаемыми контурами двор. В целом размер городища по оси с юго-востока на северо-запад около 300 м. Верхний слой – домонгольский, встречалась поливная керамика и обожженный кирпич. В обнажении на глубине 2 м найден фрагмент тонкостенного кувшинчика V-VI вв.

Среди степи в 4-6 км к юго-востоку от к.Камаша обследованы два **Б е з н я н н ы х т е п а (91,92)**, отличающихся полным отсутствием средневековой керамики. Северное из них размером 40x30 м состояло из прямоугольного бугра высотой около 8 м и примыкавшего к нему с севера и восто-

ка вала. На поверхности найден фрагмент кубка. Южнее — тепа, округлое в плане, диаметром около 120 м и высотой до 12 м. На поверхности найдены фрагменты красноангобированной тонкостенной посуды.

Среди нескольких десятков селений окрестностей Несефа, названных географами X—XII вв., особо выделяются Кесба и Безда, имевшие соборные мечети, и, следовательно, отличавшиеся своей величиной. "Кесба находилась в 4 фарсах от Несефа, — на одной из дорог в Бухару, Безда — в 6 фарсах от Несефа, в 4 днях пути от Бухары по дороге в Калиф. Оба селения упоминаются и в XII в.; в Кесбе и тогда была соборная мечеть; Безда была сильной крепостью"⁴³.

При сплошном обследовании развалины обоих селений легко отличались от других памятников западной части Каршинского оазиса. Развалинами Безды, несомненно, являлось городище Куня-Фазли (93), находившееся в 40 км к юго-западу от развалин Несефа (Шулдуктепа), что соответствовало указанию письменных источников, и в 10 км в том же направлении от современного селения Камаша. Городище Куня-Фазли в плане — почти правильный прямоугольник, вытянутый по оси с северо-востока на юго-запад (видимо, по течению магистрального канала). Длина осевой стороны около 1 км, поперечной — до 550 м. Все городище окружено ошльзшими глинобитными стенами, часть которых слилась с развалинами примыкавших к ним зданий. Стена в сохранившейся части представляла собой вал высотой в 4–5 м.

В середине южной части городища находилось крупное тепа (рис. 24, 4) высотой около 20 м, прямоугольное в плане, вытянутое, как и городище, по оси с северо-востока на юго-запад. Длина верхней площадки тепа около 150 м, ширина — до 100 м. Несомненно, это тепа и было кухендизом средневекового города. Однако оно древнее — у его основания найден фрагмент кубка на высокой ножке, очень похожий на куб-

⁴³ В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 190–191.

ки из Китаба, датированные первыми веками до н.э. или рубежом н.э.⁴⁴

Кухендиз окружен ложбиной шириной около 30 м, а затем широкой оплывшей кольцевой возвышенностью, хорошо различной со всех сторон, за исключением северо-восточной, где она сливалась с группой примыкавших развалин более позднего происхождения. Этот кольцевой вал — древнейшая часть средневекового поселения городского типа, его шахристан. Подобную планировку мы наблюдали и в развалинах Несефа. Основную массу подъемного материала на поверхности кольцевого вала составляли фрагменты поливной посуды и крышки со штампованным, очень разнообразным орнаментом. Здесь же в южной части найдено и изображение Сэнмурва на керамической плитке⁴⁵. Остальная часть городища — развалины рабада, т.е. более поздней части поселения городского типа, существовавшего до монгольского завоевания.

Фонетическая близость в произношении названия современного селения Касби с "Кесба", наличие обширного средневекового городища в районе, где по указаниям средневековых географов нужно искать развалины Кесби (в 30 км к западу от развалин Несефа), — все это позволяет считать, что у современного селения Касби⁴⁶ находятся развалины средневековой Кесби. Впервые предположение об идентичности Кесон и Касои высказал М.Е.Массон⁴⁷.

⁴⁴ С.К. Кабанов, Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе, ИМКУ, вып. 3. 1962, стр. 44, рис. I, 8.

⁴⁵ С.К. Кабанов, Изображение Сэнмурва с городища Куня-Фазли, ж. "Бюллетень АН УзССР", 1947, № 9, стр. 24-27.

⁴⁶ В 60-х годах селения Касби уже не было; жители, постоянно страдавшие от недостатка воды, переселились в соседний благоустроенный поселок.

⁴⁷ М.Е. М а с с о н, Проблема изучения цистерн-сардоба, стр. 23.

Седой древностью веет от К а с б и т е п а (94), массивной громадой возвышавшемся среди обожженной солнцем равнины. В плане тепа прямоугольное, высотой до 18 м, протяженность в 180 м с запада на восток и 120 м с севера на юг. Поверхность тепа неровная, изрытая впадинами и буграми, часть из которых недавнего происхождения. К числу древних особенностей рельефа можно отнести бугор в юго-западном углу, квадратный, размером 30х30 м. Керамический материал, взятый из обнажений, дал возможность наметить некоторые из этапов в жизни поселения. В нижних наслоениях вертикального обнажения северо-восточного угла открывавшего наслоения тепа с вершины почти до уровня окружающей местности, выявлены фрагменты красноангобированных тонкостенных чаш первых веков н.э. В верхних слоях видны фрагменты поливной посуды X-XII вв.

Касбитепа было кухендизом средневекового поселения городского типа. Об этом говорит наличие вокруг него такого же кольцевого вала, как и на городищах Несефа и Бездн. Правда, этот вал, являвшийся развалинами шахристана, сильно разрушен. Ширина его сохранившейся части 30-100 м. Среди керамики, подъемной и взятой в обнажениях, наиболее характерны фрагменты блюд с белой поливой и коричневой подлазурной росписью в растительном орнаменте. Встречались фрагменты сфероконических сосудов и крышек со штампованным орнаментом. За шахристаном видны развалины более поздних частей города — его рабадов, из которых юго-восточный является сильнее чем на 1 км от кухендиза. На поверхности западного рабада, также довольно обширного, встречается много подъемной керамики X-XII вв.

Касбитепа и кухендиз Куля-Фазли — два крупнейших памятника. Несмотря на разделявшее их более чем в 20 км расстояние, с вершины одного из них видна вершина другого. Исходя из крайнего положения развалин можно утверждать, что развитие здесь поселений и их величина не случайны. Возможно, их особый рост вызван интересами обороны оазиса в древности и средневековье, а в последний период и интересами торговли земледельцев оазиса с кочевниками-скотово-

дами. Важно также и то, что оба поселения находились на оживленных караванных путях: Касба — на пути из Бухары в Несеф, а Куня-Фазли — на пути из Келифа на Бухару и Несеф.

Касби — одно из немногих поселений, восстановленных после монгольского завоевания на прежнем месте. Об этом свидетельствует архитектурный комплекс с некрополем, сложившийся в XIII—XVI вв.⁴⁸

В 15 км к северо-западу от Касана расположен одинокий бугор — **М а й м а н а к т е п а** (95).

Это довольно крупный памятник размером 120х120 м, высотой в 8—10 м, ориентированный по странам света углами. До недавнего времени, видимо, до начала XX в. здесь была крепость, поэтому вся верхняя площадка покрыта развалинами поздних построек; есть и могильные насыпи. У основания бугра подобраны фрагменты керамики X—XII вв.

К западу от Каршинского оазиса, западной границей которого можно считать линию Куня-Фазли — Касбитепа-Майманактепа, по обожженной солнцем обширной степи разбросаны лишь отдельные мелкие крепости или рабаты⁴⁹, а также сардобы⁵⁰, как видно, на средневековых караванных путях. К западу и югу от селения Помук простирались отроги великой среднеазиатской пустыни Кызылкумы.

Приведенный обзор памятников обширного древнего земледельческого оазиса, материалы раскопок на некоторых из них показывают, что дальнейшее изучение многочисленных развалин поселений может дать неисчерпаемые данные для познания материальной и духовной культуры их древних обитателей на различных ступенях развития общества. Могут быть вскрыты важнейшие черты исторического прошлого края, существенные и для понимания истории окружающих культурно-исторических областей.

⁴⁸ Р.Р. Абдурасулев, Л.И. Ремпель, Известные памятники архитектуры бассейна Кашкадарья, стр. 19—24.

⁴⁹ С.К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, стр. 82—87.

⁵⁰ М.Е. Массон, Проблема изучения цистерн-сардоба, стр. 24—31.

Г Л А В А П

СЕМЬСКАЯ ОКРУГА

В 1965-1967 гг. на юго-западной окраине г. Карши велась подготовка к возведению комбината по производству строительных материалов. На избранном для строительства участке выявилось четырнадцать бугров различных размеров и планировки - развалин поселений сельского типа. Перед археологическим отрядом была поставлена задача - проведение раскопочных работ на многих объектах. Раскопки провели почти на всех объектах, правда, почти исключительно в объеме разведок. В долине Кашкадарьи осуществили еще одну попытку комплексного изучения группы развалин сельских поселений - вторую после раскопок в зоне орошения канала Бердали¹. Здесь также была зона орошения одного канала - Бури-арык (рис. 25).

Рассматриваемая сельская округа располагалась в 3 км к западу от ближайшего современного ей крупного поселения, каким являлась крепость с замком, развалины которой известны под названием Кала-и Захок-и Марон. Площадь всей группы поселений достигала примерно 120 га - 1,5 км в длину и 0,8 км в ширину. Всю группу этих развалин на две части - западную и восточную разделял протекавший в середине участка Бури-арык. Вряд ли случайно то, что по западную сторону арыка, как выяснилось, были расположены более древние поселения: в них отсутствовали наслоения VI-VII вв., тогда как верхние наслоения в многослойных памятниках восточной стороны относились именно к этому времени.

Рассмотрим вначале более древнюю группу памятников, расположенных по западную сторону арыка. Из них наиболее крупный - бугор Пирмат-бабатепа, находившийся на северном краю участка. К юго-западу от него рядом располагались три бугра - Учтепа ("три тепа"), с расстоянием между каждым в 140 и 160 м.

¹ С.К.К а б а н о в, К изучению аграрного строя Согда в V-VI вв., СА, 1966, № 3, стр. 52-66.

К этой же группе памятников относились и совсем невysокле (1,5-2 м), но сильно расшлывшиеся бугры: три - около Пирмат=бабатепе, а один - на юго-западном краю участка.

Пирмат=бабатепе (рис. 26, 1) - бугор высотой в 9,5 м, почти круглый у основания, диаметром в 75-70 м, с довольно крутыми склонами. Памятник предварительно обследован в 1965 г. Зимой 1965-1966 гг. он был разрушен строителями. В 1966-1967 гг. на одном из останцев его в юго-западной части провели раскопки². Раскоп заложили на останце высотой в 7,5 м с целью установления стратиграфии памятника. Площадь раскопа составляла 200 кв. м.

Раскопки позволили установить три периода в существовании поселения. Конструктивными элементами первого (древнейшего) были стилобат высотой в 3,5 м с камерой в нем, башня, фланкировавшая вход в здание с западной стороны, и отрезок коридора, сохранившийся в длину на 8 м 65 см. При расчистке камеры в стилобате в конструкции ее свода обнаружен кирпич размером 40 x 40 x 10 см (см. рис. 26, 3). Это давало основание датировать памятник первыми веками н. э. Башня полукруглая в плане с толщиной стен 1,5 м, сложена из крупных блоков пахсы, слiнницы располагались в два ряда и предназначались для дальнего и ближнего боя (см. рис. 26, 4).

Коридор довольно широкий - у пола 2,6 м. На сохранившемся отрезке выявлено три проема: два из них вели в помещения, третий, расположенный в торцевой части, видимо, являлся оветовым. Во второй период существования здания коридор был перегороден стенкой с оставлением прохода между двумя образовавшимися помещениями, заполненными рыхлым завалом. В нижней части последнего над полом найдена нахшeбская монета древнего типа (см. рис. 16, 1), датированная IY в. н. э.³

В третий период коридор был полностью засыпан, башня и все здание взяты как бы в футляр (кожух) из плотной комковатой пахсы, скрепленной каркасом в виде примкнувших к зданию

² См.: С. К. Кабанов, Руины здания времени кушан близ Карши, ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, стр. 27-37.

³ С. К. Кабанов, Поздние кушаны в Нахшебе. ВДИ, 1973, № 9, стр. 159-165.

массивных стен (см. рис. 26, 2). На образованной на высоте 6 м платформе воздвигнуто новое здание, от которого в останце частично сохранились два помещения. Стены здания пахсовые, в них выявлен кирпич размером 44 x 22 x 8 см, характерным для V-VI вв. Исходя из этого, а также учитывая то обстоятельство, что в слое, относящемся ко второму строительному периоду, найдена монета IV в., мы можем здание датировать в пределах III-VI вв. Керамические находки лишь несколько уточняют эту датировку.

Необходимо отметить еще один немаловажный факт — отсутствие существенных различий в составе керамического материала верхних и нижних наслоений. Это свидетельствует о том, что в культурно-историческом аспекте памятник однослоен. Для всех его наслоений характерны уже известные нам тонкостенные кувшинчики, причем раннего типа, относительно приземистые (рис. 27, 2), тонкостенные чаши с плавным изгибом корпуса, подобные чашам среднего слоя Мудинтепа (IV-V вв.)⁴, ляганы — сосуды типа подносов⁵.

Из керамики лепной работы следует назвать курильницы (см. рис. 27, 1) раннего типа с густо насыпанными шиповидными налепами подобно сосудам среднего слоя Мудинтепа, фрагмент оветильника с зооморфной ручкой (см. рис. 27, 3), найденный в одном слое с монетой IV в. Все находки не дают основания датировать здание VI в. Последний строительный период можно датировать V в., а весь памятник — III-V вв.

Из отдельных находок отметим гигантский кубок высотой в 32 см, видимо, декоративный (рис. 28). Из средств производства довольно часто встречались грузила к ткацкому станку в виде глиняных дисков с отверстиями для подвешивания (рис. 29).

⁴ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Карминском оазисе, стр. 101, табл. IV, 1.

⁵ С. К. Кабанов, Руины здания времени кушан близ Каши, стр. 32, рис. 2, 9.

Развалины этого монументального здания — почти круглые в плане дают основание установить, что оно было квадратным или почти квадратным с длиной сторон в 35—40 м. Вход имелся с западной стороны, а его южная сторона защищалась оашней. Не известно, была ли оашня с северной стороны: в заложенном в соответствующем месте шурфе ничего конструктивного не обнаружено. Видимо, организующим элементом внутренней планировки был обходной коридор вдоль всех четырех сторон здания.

Однотипные по рельефу и плану, высоте (5—6 м) и расположению в один ряд через почти равные интервалы, памятники Учтепа создавали впечатление о возведении их по одному замыслу (рис. 30). Самое крупное из них — западное (Учтепа=I), с размером верхней площадки в 35 x 35 м. В результате раскопок на этом памятнике, проведенных Л.Л.Букинич (1966 г.) и Н.А.Суздальцевой (1967 г.), вскрыта примерно третья часть всей поверхности верхней площадки. В юго-западном углу выявлено два помещения, в одном из них обнаружена кладовая с десятью разбитыми хумами, поставленными по пять с двух сторон так, что между ними оставался узкий проход. В северной части памятника вскрыто шесть полностью или частично сохранившихся помещений. Два из них, довольно крупные, коридорообразные, соединены проемом. В них обнаружена обожженная земля, фрагменты котлов, уголь, обгоревшее дерево и местами темный, обожженный пол — свидетельство наличия очагов. В одном из помещений найдены три вкопанных в землю хума, а в другом — один. Все найденное позволяет считать оба помещения кухней, по всей вероятности, общей для всех обитателей, также как и кладовая.

Поселение было сплошной застройкой — одно здание без особо выстроенной крепостной стены.

Из керамических изделий Учтепа=I наиболее характерны тонкостенные кувшинчики и курильницы с налепным орнаментом, подобные найденным в наслоениях Пирмат=бабатепе. Обнаружена кладка из квадратного сырцового кирпича размером 35 x 35 x 9 см. Кроме того, найдены две монеты плохой сохранности, однако все же можно определить, что они относились

к нахшебским. Изображение на одной из них диадемы на голове владельца позволило отнести монету к раннему типу. Материалы раскопок дали основание датировать памятник IY-Y вв. — двумя последними периодами в обживании Пирмат-бабатапа⁶.

Учтепа=2 — средний из трех однотипных памятников, также квадратный в плане, с размером верхней площадки 20 x 20 м. Уже в ходе разборки этого памятника Л.Л. Букинич вскрыла небольшое квадратное помещение. Установлено, что памятник современен Учтепа=1, быть может, чуть более поздний.

Учтепа=3 — восточное из трех памятников, с размером верхней площадки 20 x 16 м. Наблюдения здесь велись также лишь в ходе разборки. Выявлена стена, сложенная из сырцового кирпича размером 45 x 25-27 x 8-9 см. Памятник синхронизирован первым двум из Учтепа.

Нам осталось рассмотреть лишь самые меньшие по размерам памятники — невысокие бугры, расположенные к западу от Турмат-арика. Разведочные раскопы были заложены на двух из них, находящихся в 200 м к юго-западу от Пирмат-бабатапа, вытянутых с востока на запад, овальных в плане. Длинная сторона основания около 50 м, ширина 30-35 м, высота 1,5-2 м (рис. 31, а). Расстояние между буграми — 15 м; между ними различалось русло старого арика.

Первым обследовали западный из двух бугров — № 4. На нем в 1966 г. на восточном склоне был заложен разведочный раскоп размером 44 м. В северной части раскопа под дерном обнаружен рыхлый завал темно-желтого цвета, в котором расчленен обрывок кладки из сырцового кирпича размером 41 x 29 x 9,5 см, образующий прямой угол (см. рис. 31, б). Ниже этой кладки вдоль всего раскопа (на глубине до 50 см) обнаружена глинобитная стена толщиной в 95 см, проложенная в направлении с востока на запад. К ней с южной стороны торцами примыкали две другие стены толщиной в 60 см на расстоянии 3,4 м одна от другой. Таким образом, помещение было

⁶ Л.Л. Этвеледзе (Букинич) и Н.А. Суздальцев — в а датируют памятник несколько более ранним временем — III-IV вв.

окинтурено с трех сторон. Четвертая южная сторона своей внутренней поверхностью почти совпала с краем раскопа. Раскрытое помещение после разрушения здания было перегородено тонкой стенкой, сложенной в один ряд из сырцового кирпича размером 45 x 29 x 9 см. Как выяснилось после расчистки, в отведенной этой стенкой части было совершено погребение, вскрытое затем нами совместно с М.Л. Букинич. Материалы этого вскрытия мы опишем после рассмотрения раскопа на соседнем однотипном памятнике.

Раскоп на восточном бугре № 3 (рис. 31, в), как и на соседнем памятнике, заложен на восточном склоне. Площадь его доведена до 40 кв. м. На вскрытой площадке помещений не выявлено. Раскрытые в раскопе две глинобитные стены не взаимосвязаны, хотя и находились на одном уровне. В одной из них расчищен выем, округлый в плане, с обожженными вертикальными стенками. Видимо, это был очаг. Над этими незначительными конструктивными остатками снимался слой рыхлого комковатого грунта толщиной около 1 м. Весь верхний слой похож на разрушенную кладку, однако под ним не обнаружено ясно выраженного пола. Ниже до уровня окружающей местности расчищался плотный слой серого цвета также комковатой структуры.

В северной части раскопа был заложен шурф размером 2 x 2 м. На глубине в 1 м от поверхности бугра в грунте средней плотности буроватого цвета вскрыт фрагмент пахсовой кладки, как бы конец стены в виде бруска толщиной 80 см и высотой 60 см, выступавшей в западной стенке шурфа. На глубине 2,2 м от поверхности обнаружен слой песка, расчищенный до глубины 3,5 м. На этом уровне грунт был уже сильно увлажненный, ниже выступили грунтовые воды. Установлено, что слой песка — один из элементов устройства фундамента⁷.

Разведочные раскопы, заложенные на двух буграх, показали, что в этих памятниках сохранились лишь части фундамента с элементами креплений в виде прокладок из пахсы, в лучшем случае, в западном бугре — нижние части стен, без четко выявлявшихся полов. Несомненно, эти бугры являлись развалинами

⁷ С.К. Кабанов, Руины жилища земледельца II-III вв., стр. 78.

небольших, рядом стоявших зданий. Обратимся к анализу материалов раскопок, исключительно керамических. Рассмотрим вначале относительно обильные находки в восточном бугре (рис. 32, 1-16).

Из тонкостенных сосудов станковой работы найдены фрагменты красноангобированных чаш с закругленным корпусом на невысоком поддоне (см. рис. 32, 1, 6), похожие на сосуды среднего слоя Мудинтепа и Пирмат-бабатепе. Лишь в мелких фрагментах встречались кувшины, широкогорлые сосуды с фигурным венчиком, профилированным наружу (см. рис. 32, 2, 7); ангоб — серый. Найден фрагмент тонкостенного кувшинчика, уже встречавшийся нам почти на всех исследованных раскопках памятниках, но отличающийся от них массивностью доньшка (см. рис. 32, 8). Обнаружены фрагменты крупных толстостенных сосудов, покрытых плотным серым или беловатым ангобом (см. рис. 32, 4, 5, 10, 11), ляганы с невысоким бортиком (см. рис. 32, 12), подобные сосудам на Пирмат-бабатепе и многих других памятниках III—V вв.

Из сосудов лепной работы нами найдены фрагменты трех видов жаростойкой посуды — котлы, жаровни и курильницы. Обнаружен крупный фрагмент широкогорлого котла со слегка изогнутыми стенками корпуса (см. рис. 32, 16) и ручкой в виде шпательчатого выступа, сосуд типа сковороды с невысоким бортиком (см. рис. 32, 15) диаметром не менее 40 см, курильница на высоком квадратном в срезе стержне с подставкой, украшенной шпательчатыми выступами (см. рис. 32, 14). Сосуды данного вида нам встречались в наслоениях III — начала V в. многих памятников.

Находки в западном бугре (не считая погребения) были очень скудны: крупный фрагмент кувшина (см. рис. 32, 17), близкий по форме венчика к кувшинам из соседнего бугра, фрагмент широкогорлого сосуда с почти вертикальной стенкой (см. рис. 32, 18), а также жаровни (см. рис. 32, 19). Исходя из материалов раскопок, можно установить, что оба памятника являлись отдельно стоящими зданиями и датировались в хронологических пределах III—V вв., одновременно с поселениями Пирмат-бабатепе и Учтепа.

Обнаруженное в западном бугре на глубине в 1 м от поверхности погребение совершенно, разумеется, уже тогда, когда оба строения находились в стадии разрушения, т.е. были необитаемыми, хотя отдельные помещения в них еще можно было различить. Костные останки перекрывали два слоя, из которых верхний состоял из плотно слежавшегося глинистого грунта комковатой структуры. Под ним обнаружен рыхлый грунт буроватого цвета, в котором найдена целая красноангобирская миска, а затем череп необычайной формы, с сильно удлиненным и скошенным лбом, как выяснилось в дальнейшем, с искусственной деформацией. Череп лежал в юго-восточном углу погребальной камеры. Несомненно, он был смещен, так как его лицевая часть обращена к углу. После расчистки всего погребения по уровню черепа выявилась картина разрушенного и разграбленного еще в древности погребения (рис. 33, 1).

Середину погребальной камеры занимал костяк крупного человека, несомненно, мужчины: погребенный был положен на спину, ноги полусогнуты в коленях. В соответствии с ориентировкой помещения, частью которого являлась погребальная камера, останки были уложены головой на север со смещением к западу. После расчистки этого костяка выяснилось, что это погребение групповое, на уровне скелета мужчины и чуть ниже обнаружено еще пять черепов, из них три лежали рядом у западной стены помещения, а два — у южной. На этом же уровне найдены разрозненные кости других скелетов и два сосуда: опрокинутый кувшин у северного края погребения, видимо, поставленный у изголовья, и сосуд типа кривки — у южного края. Длина камеры 2 м 70 см, ширина 1 м 74 см.

После фиксации верхнего яруса погребения и снятия костей мы вскрыли второй ярус (см. рис. 33, 2), обнаружив два лежащих рядом костяка с вытянутыми ногами; кости тонкие, видимо, женские. На этом же уровне найдены и разрозненные кости, а из инвентаря — кувшинчик (под одним из черепов у западной стенки) и миниатюрный сосудик.

Наконец, сильно разрушенный костяк найден в третьем ярусе погребений. Череп этого костяка был смещен (см. рис.,

33,3). В отличие от лежащих выше скелетов, расчищенных в рыхлом грунте, нижний был частично в плотном натечном грунте, на полу помещения. На этом же уровне найдено несколько бусинок, видимо, упавших сверху при разграблении погребения, подвеска из агата и мелкие обломки предметов из железа, из которых можно различить обломок пряжки.

Ивлялось ли одновременным это погребение? В отношении верхних двух ярусов погребенных не может быть сомнения в утвердительном ответе на этот вопрос. Правда, в результате разграбления первоначальная обстановка погребения сильно искажена, но нет никаких данных полагать, что верхнее погребение было совершено позднее: весь слой погребений составлял в глубину всего 40-50 см без всяких промежутков между ярусами. Только нижнее погребение, видимо, совершено несколько раньше: череп погребенного на полу человека был смещен и лежал под одним из двух положенных рядом костяков, сохранившихся *in situ* во втором ярусе. Такое положение дает основание полагать, что нижнее погребение потревожено при совершении вторичного погребения, которое было групповым.

В погребении найдено семь черепов, из них четыре — с искусственной деформацией. Эти черепа исследованы В.И.Зезенковой, определившей место и значение данной находки в антропологии Средней Азии⁸. Инвентарь погребения скуден, поскольку оно было ограблено. Однако рассмотрим по возможности более подробно найденные в нем предметы.

Кувшин, обнаруженный у изголовья, отличался яйцевидным корпусом и узкой цилиндрической шейкой, отделенной от корпуса круговой ложбинкой (рис. 34, I слева). Бенчик плавно отогнут наружу, к нему прикреплен верхний конец пластинчатой проушной ручки. Сосуд хорошего обжига, покрыт серым ангобом. Высота сосуда 24 см, диаметр корпуса 15 см. Форма своеобразна, близких аналогий установить не удалось.

⁸ В.И.Зезенкова, Краниологический материал из Кашкадарьинской области, ИМКУ, вып. 9, стр. 115-130.

Второй кувшин, найденный под одним из черепов, отличался более приземистым корпусом (см. рис. 34, 1 справа). При обработке придонной части его применялась подрезка ножом. Ангоб серый, венчик снаружи и внутри покрыт красной краской. Высота сосуда 18 см, диаметр корпуса 13 см. Похожие кувшинчики найдены на Джангальтепа и Малом Кызтепа, в средней части долины Кашкадарьи⁹.

Сосуд типа кринки широкогорлой, приземистой, с двумя ручками в виде скоб в верхней части корпуса (см. рис. 34, 2 слева). Корпус полушаровидный, с узким дном и слабо выраженными плечиками. Венчик в виде вертикального бортика с ложбинкой на боковой поверхности. Сосуд хорошего обжига, покрыт серым ангобом. Высота 8 см, диаметр устья 14,5 см. Близкие аналогии этому сосуду не найдены.

Упомянутый выше миниатюрный сосуд легкой работы, с почти прямыми стенками и плоским дном (см. рис. 34, 2 справа), высота 4 см, диаметр 5,5 см. Миниатюрные сосуды широко распространены в памятниках Каршинского оазиса, в поселениях III–IV вв.

Еще один сосуд можно отнести к рассматриваемому комплексу, хотя он найден в рыхлом грунте, прикрывавшем погребение (он был выброшен грабителями). Тонкостенная уплощенная чаша на невысоком узком поддоне (см. рис. 34, 3); стенки корпуса слегка закруглены, с загнутым внутрь краем. Сосуд хорошего обжига, внутри покрыт плотным красным ангобом; снаружи серый ангоб нанесен узкой полоской лишь по загнутому краю, ниже — без ангоба. Похожий сосуд найден в некролеях IV–V вв. при раскопках на Чакалактепа, близ Кундуза¹⁰.

⁹ С. К. Кабанов, Археологические данные к этнической истории Кашного Согда, СА, 1963, № I, стр. 221, рис. 2, 25, 28.

¹⁰ S h a q a l a q T e r e, Fortified village in North Afghanistan, excavated in 1964–1967. Edited by prof. Seiichi Mizuno, Kyoto, 1970, Pl. 47, 5.

В погребении найдено всего восемь оубинок, из них одна из полосчатого агата (рис. 35, 1), цилиндрической формы; четыре — из сердолика, шаровидной и биконической форм (см. рис. 35, 2-5), три — из искусственной пасты (см. рис. 35, 6-8). Особо следует отметить подвеску из крупнополосчатого (черное с белым) агата в виде треугольной пластинки со обрезанными углами. На лицевой стороне подвески выгравированы три знака; из них нижний сохранился частично¹¹.

Таким образом, оставшийся после разграбления инвентарь располагал незначительными данными для датировки погребения: одни из керамических форм не нашли себе аналогий, другие определенно тяготели к IY-Y вв. Однако и поселения могли также существовать еще в Y в. Все это подтверждает наше предположение о том, что погребение могло быть совершено вскоре после разрушения зданий, следовательно, в пределах Y в., возможно, в его конце. К материалам исследования погребений мы еще вернемся.

На остальных памятниках, расположенных по западную сторону Лури=арика, раскопки не проводились. Один из них, находившийся в 200 м к юго=западу от Учтепа=1, представлял собой округлый оубор диаметром около 25 м, высотой 2 м. Результаты наблюдений над материалами из обнажений и его топографические признаки дали основание прийти к выводу, что это были развалины отдельно стоявшего здания, современного всей группе рассмотренных памятников, датированных III-Y вв. К этому же периоду можно отнести и еще два небольших оубора, из которых один расположен волизи юго=восточной стороны Пирмат=бабатепе, а второй, покрупнее (высотой в 3,5 м, диаметром у основания в 35 м) — в 250 м к востоку от него. У основания последнего найден фрагмент тонкостенного кувшинчика, подобного найденному на Пирмат=бабатепе. Больше памятников по западную сторону Лури=арика не было, если не считать расположенного относительно далеко, в полукилометре к северо=востоку, еще одного оубора, занятого кладбищем.

¹¹ Подвеска со знаками будет рассмотрена отдельно.

Перейдем к рассмотрению памятников, расположенных по восточную сторону Бури-арька, пяти оугров различных размеров и топографических признаков. Вначале проведем наблюдения самого северного из них — айтугдытепа¹², который по своей планировке напоминал мудинтепа. Он прямоугольный в плане, но с более расплывчатым контуром, с вышкой в юго-западном углу, выступавшей полукругом из контура прямоугольника (рис. 36). Возможно, название "луноподобное тепа"¹³ и вызвано последней особенностью плана.

Размеры памятника 80 x 60 м, вытянутость — с севера на юг. Высота нижнего яруса поселения до 3,5 м, вышки — 9 м. Вышка относительно небольшая, с крутыми склонами, что и дало возможность в течение одного полевого сезона вскрыть ее почти полностью. Площадь раскопа была доведена до 420 кв. м.

В раскопках вышки выявлено три строительных периода. Наиболее значительные конструктивные остатки сохранились в среднем из них: в нем расчищены руины довольно крупного здания (рис. 37). Основная особенность планировки этого здания — наличие ооходного коридора, выявленного с трех сторон, кроме западной. По внешней стороне коридора расположены жилые помещения, примыкавшие с противоположной своей стороны к внешним стенам. В центре здания оольшое помещение, видимо, ообщий зал. Вход в здание был с восточной стороны. Центральная часть здания, охватываемая коридором, выстроена из сырцового кирпича размером 46 x 21 x 8 см; остальные стены — пахсовене.

Здание с коридором основано на стилобате высотой около 6 м. Выяснилось, что здесь, как и на Ширмат-оабатепа, в стилобат включено более древнее здание, для постройки которого применялся сырцовый кирпич размером 40-38x40-38x9,5 см, характерный для первых веков н.э. Под одной кладкой

¹² К. К а с а н о в, Айтугдытепа, ИМКУ, вып. 9, стр. 73-88.

¹³ Данный перевод названия тепа предложен А. М. Белевичевым.

квадратного сырцового кирпича найден целый сосуд грушевидной формы лепной работы (рис. 38).

Последний период в обживании здания не установлен в конструктивных остатках, если к ним не отнести зашивку в центральном помещении плотным слоем толщиной в 1,3 м, прикрывшей пол. Так как последний период отражен только в керамическом материале, рассмотрим его подробно.

В верхнем слое найден целый сосуд (склеен) типа кринки, тонкостенный для своего размера, с дугообразными в разрезе стенками, широким устьем¹⁴ (см. рис. 13,41). Венчик — с выемкой для крышки, под венчиком — четыре отверстия для шнура: сосуд подвешивался при использовании. Плечики украшены двумя линиями волнистого орнамента, разделенными ложбинкой. Сосуд красноглиняный, покрыт белым ангобом. Высота сосуда 17,2 см, диаметр венчика 15,6 см, корпуса 23 см. В фрагментах встречались и другие сосуды этого вида. Точно такие же сосуды найдены в верхних наслоениях городища Пянджикент, датированных УІІ–УІІІ вв.¹⁵

Характерна уплощенная миска: относительно толстостенная, слабого обжига, покрытая серым ангобом. Корпус ее с резко выраженным перегибом¹⁶ в верхней части. Подобные сосуды найдены также в Пянджикенте в наслоениях УІ–УІІ вв.¹⁷ (см. рис. 13,40).

Почти целым найден толстостенный кувшинчик, узкогорлый, с ручкой и носиком, подобный найденному на соседнем Культепа¹⁸ — памятнике УІ–начала УІІІ вв.

¹⁴ С.К.К а б а н о в, Айтугдытепа, стр.79, рис.4,1.

¹⁵ И.Б.В е н т о в и ч, Керамика верхнего слоя Пянджикента (УІІ–УІІІ вв.), стр.272, рис.8.

¹⁶ С.К.К а б а н о в, Айтугдытепа, стр.79, рис.4,7.

¹⁷ А.И.Т е р е н о ж к и н, Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА, вып.15, М.-Л., 1950, стр.91, табл.41, 3 ж.

¹⁸ У.А л и м о в, Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе, ИМКУ, вып.3, стр.110, рис.2,1.

К верхнему слою, видимо, следует отнести и стеклянный флакон, найденный в одном из помещений с поздней вкладкой, что свидетельствовало об его использовании в период, когда центральная часть здания уже была перестроена. Флакон (рис. 39) из стекла желтоватого цвета, почти шаровидной формы, со слегка уплощенным дном, в центре которого обычное для стеклянных изделий углубление — след их изготовления. Горлышко в виде узкой трубки, завершенной раструбом. Корпус флакона обвивал валик, образовав три дужки, в две из них вписаны круглые налепы. Концы валика не сомкнуты, слегка утолщены и им как будто придана форма змеиной головы. Высота сосуда 8 см, диаметр корпуса 6 см. Подобный флакон найден в Пенджикенте в наслоениях УІ—УІІ вв.¹⁹

В верхнем слое обнаружен редкий памятник искусства — изображение лучника, выполненное гравировкой на кости — ребре крупного животного²⁰.

К более ранним наслоениям — У—УІ вв., современным самому зданию, отнесены тонкостенные кувшинчики, обычные для памятников Каршинского оазиса этого времени, а также большая часть изделий лепной работы. Из последних наиболее характерны довольно крупные — диаметром до 30 см толстостенные сосуды, плоскодонные, с прямыми или слегка изогнутыми стенками. Котлы и хумы, видимо, были одинаковыми на протяжении УІ—УІІ вв. Встретилась примитивная курица.

К среднему слою можно отнести изделия из металла, железа и меди²¹, в частности, медный сосуд типа миски полушарической формы со слегка уплощенным краем устья, вертикальным с внутренней стороны (рис. 40). Высота сосуда 6,2 см, диаметр устья 15,2 см.

¹⁹ А.М.Беленицкий, Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА, вып. 66. М.—Л., 1958, стр. 134.

²⁰ С.К.Кабатов, Айтугдытепа, стр. 85—86.

²¹ Там же, стр. 33—34.

Датировку среднего слоя и самого здания определяла находка двух нахшебских монет позднего типа (У-УІ вв.), из них одна обнаружена в заливке центрального помещения, а вторая - в рыхлом завале, прикрывавшем пол коридора у входа. На последней относительно хорошо сохранилась легенда²², выполненная шрифтом с элементами полукурсива. По этому признаку она определена как одна из позднейших нахшебских монет, датируемых серединой УІ в.

В завалах, заполнявших помещения, найдены фрагменты керамики лепной работы, предположительно относившиеся к более древнему слою, современному Пирмат-бабатепа, а также изделия с шиповидными налепами и оветильник в виде плоски.

Кроме основного раскопа на вышке, в северо-восточном углу памятника был заложен шурф, доведенный до глубины 4,5 м - на 1 м ниже уровня окружающей местности. Под отепной, обнаруженной в шурфе, выявлен слой глины с песком, что явилось признаком фундамента. Керамический материал из шурфа не противоречил датировке поселения, установленной в результате раскопок на вышке, - с ІІІ-ІУ по УІ-УІІ вв. Более древний слой отсутствовал.

В 130 м к юго-западу от Айтугдытепа отмечен небольшой Безымянный оугор (№ І), округлый в плане, длиной в 26 м, шириной в 22 м, протяженностью с севера на юг и высотой в середине в 2 м 25 см. Здесь в северной части оугра был заложен раскоп площадью в 100 кв.м. Однако конструктивных элементов в нем обнаружено очень немного. В северо-западной части оугра был расчищен фрагмент тонкой стенки из кирпича размером 46 x 27,5 x 8 см. В длину эта стенка сохранилась на 2,5 м. Другая стенка - пахсовая, по направлению она совпадает с кирпичной. Кроме того, два массива из плотной глины, с отслаивающимися боковыми поверхностями, разделенные узкой ложбиной, которая заполнена рыхлым грунтом. Выявлено два пятна обожженной земли, что служит признаком наличия тандиров. Твердой поверхности, которую можно было бы

²² Легенда прочитана О.И. Смирновой. См: С.К.К а б а н о в, Поздние кушаны в Нахшебе, стр.164-166.

принять за пол, не обнаружили. Данные наблюдения свидетельствуют о том, что бугор скрывал в себе лишь фундамент стоявшего здесь небольшого здания, а также фрагменты нижних частей стен. Размеры кирпича дают основание датировать этот памятник V-VI вв.

В раскопе из керамики встречалось лишь несколько фрагментов котлов лепной работы и кувшинчик, хотя и напоминавший по форме хорошо известные нам тонкостенные кувшинчики, но отличавшийся от них грубостью отделки и относительно более толстыми стенками (рис. 41). Высота сосуда 17 см.

В 1965 г. Л.Л. Букинич были обследованы два бугра — Пишактепа и Кичиктепа²³. Первый из них округлый, более крупный — его размер 85 x 65 м, высота 10 м. В связи с тем, что памятник уже был сильно разрушен, утратились первоначальные черты его планировки. Здесь заложили два разведочных раскопа: один в западном конце верхней площадки, другой — в восточном. В западном вскрыто 9 помещений, разделенных узким проходом. С целью выяснения стратиграфии поселения в середине раскопа была заложена траншея в направлении к западному склону и вскрыт стилобат высотой в 3,5—4 м, на котором основано поселение, а также собран материал, характеризовавший наслоения, подстилавшие раскрытое помещение.

В восточном раскопе обнаружена массивная стена толщиной у основания в 2 м 76 см, сохранившаяся в длину на 26,6 м и в высоту на 1,5 м. Она вся сложена из крупных блоков пашсы и определена как остаток башни-донжона.

В наслоениях Пишактепа выявлено два культурных слоя. В нижнем обнаружены материалы, синхроничные Пирмат-баоатепа. Из них наиболее характерны курильницы на вертикальных стержнях и тонкостенные кувшинчики. Кроме того, к нижнему слою, видимо, можно отнести и две монеты, из которых одна

²³ Л.Л. Букинич, Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши, ИМКУ, вып. 8, стр. 91-104.

нахшебская, плохой сохранности, а другая монета иного типа: на одной ее стороне изображен владетель сасанидского типа, а на другой — конь. По определению М.Е.Массона, возможно, чеканилась в подражание монетам Шапура II (309–379)²⁴. Все конструктивные остатки — помещения и башню Л.Л.Лукинич относит ко второму строительному периоду, датированному в широких хронологических рамках V–VII вв.

В 300 м к востоку от этого памятника расположен Кичиктепа — небольшой бугор размером 65 x 50 м, высотой 5,6 м, округлый в плане. В разведочном раскопе малой площади была установлена стратиграфия памятника. Выяснилось, что Кичиктепа — это развалины сельского неукрепленного поселения, первым периодом существования которого были IV–V вв, затем после небольшого перерыва — конец V или начало VI в, вплоть до VII в.²⁵

Развалинами наиболее крупного поселения, оказавшегося в зоне строительства, было Культепа, расположенное приблизительно в середине всей группы рассматриваемых памятников (см. рис. 25). Раскопочные работы на этом памятнике проведены в 1965 г. У.Алимовым²⁶.

Культепа — двухъярусный памятник, с вышкой, обращенной к северо-востоку (рис. 44), высотой в 15 м. Примыкающая к вышке возвышенная площадка — подпрямоугольная в плане. Над окружающей местностью она возвышалась на 7–8 м. Общая длина памятника 200 м, наибольшая ширина 100 м. В плане характерна значительная площадь вышки по отношению ко всему поселению.

В результате раскопок У.Алимова выяснилось, что вышка представляла собой развалины укрепленного здания типа замка. В раскопе площадью в 500 м вскрыто 15 помещений с коридором и входом с восточной стороны. Кроме того, от вос-

²⁴ Там же, стр.98.

²⁵ Там же, стр.100–104.

²⁶ У.Алимов, Раскопки на Культепа в Каршинском сазисе, стр.105–114.

Точного края тела к западному заложена траншея. Вскрытие показало, что в середине замка находился двор, а планировка здания с западной стороны примерно соответствовала восточной. Исследователь считает, что замок был овальный в плане, однако, исходя из расположения вскрытых по краю помещений, можно предполагать, что он прямоугольный. Округлость бугра — результат разрушений и выветривания.

В раскопе собран довольно большой комплекс предметов бытового и производственного инвентаря (рис. 43, 1-11), показавший, что Культепа — однослойный памятник, современный верхнему слою Айтугдытепа. Его основной материал относился к VII — началу VIII в. Из керамики наиболее характерны узкогорлые кувшины, сосуды с отверстием под венчиком, миски с перегибом стенки. Относительно много было изделий из железа: серия изогнутых пластин, заостренных с внутренней стороны, видимо, серпов (рис. 43, 1-5)²⁷. Длина наиболее крупного из них 37 см, возможно, он применялся как оружие. Кроме того, найдены четыре медные монеты, из них две с изображением коня на реверсе, одна — согдийская, с отверстием в середине, относившаяся, по определению О.И. Смирновской, к концу VII — началу VIII в., и еще одна — нахшебская, но с примечательным добавлением на реверсе: позади вставшего на дыбы львообразного чудовища помещен известный и очень распространенный U-образный знак (см. рис. 16, 6). Разумеется, это самая поздняя из нахшебских монет.

Комплекс находок на Культепа позволил замок датировать VII — началом VIII в., однако не исключена вероятность, что он выстроен в конце VI в. Примыкавшее к нему поселение, развалинами которого являлся нижний ярус памятника, как показала зачистка обнажений по краям, относился к этому же времени. В обрывах выявлялись стены небольших глинобитных построек.

В 200 м к северу от Айтугдытепа уже вне зоны строительства обследован еще один бугор — Асантепа (или Шортепа) в виде

²⁷ Материалы из раскопок на Культепа публикуются с разрешения У.Алимова.

усеченного конуса высотой около 15 м, диаметром у основания 80-85 м. Верхняя площадка подпрямоугольная, размером 35 x 30 м. У подножия этой вышки высился широкий вал, а с северной и восточной сторон ко времени обследования сохранились и руины поселений. В северной части вала под наблюдением К. Фасетдинова был заложен шурф размером 4 x 4 м, доведенный до глубины 5 м, т.е. до появления грунтовых вод. Найденный в раскопе керамический материал малохарактерный, преимущественно венчики хумов, однако все же он дает возможность установить, что поселение существовало в III-V вв. В верхних наслоениях были обнаружены фрагменты керамики III-IX вв.

Итак, нами исследованы почти все памятники небольшого участка древних орошаемых земель. Как мы увидим в дальнейшем, сопоставление отдельных групп этих памятников, различавшихся своими размерами и топографическими признаками, даст основной материал для попытки освещения социальной структуры сельской округи в переходный от древности к средневековью период.

Г Л А В А Ш

КШС=ЗАПАДНЫЙ СОГД В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ
СДВИГОВ И ВОЙНИсторические свидетельства
и периодизация памятников

В письменных источниках известны две области - Наутака и Ксениппа, которые историки и археологи локализуют в долине Кашкадарьи. Эти области, конечно, соответствовали двум древним земледельческим оазисам верхней и нижней части долины - Шахрисабзскому и Каршинскому. Однако по вопросу об отождествлении этих названий среди исследователей имеются расхождения. Ранее преимущество отдавалось той точке зрения, что Наутака находилась в верхней части долины, а Ксениппа - в нижней¹. М.Е.Массон поддерживает противоположное мнение, а именно: Ксениппа находилась в верхней части долины, а Наутака - в нижней, причем главный город этой области идентифицировался с городищем Ер=Курган². По нашему мнению, оазис низовой части долины все же, вероятно, следует отождествлять с Ксениппой. По сведениям римского историка I в.н.э. Квинта Курция Руфа, Ксениппа граничит со Скифией (что можно принять за указание о ее примыкании к степи), "в ней много густо расположенных сел, так как плодородие почвы не только привязывает коренных жителей, но и привлекает пришельцев"³. Покорив находившихся

¹ Древние авторы о Средней Азии. Хрестоматия. Под ред. Л.В.Баженова, Ташкент, 1940, стр.156,158.

² М.Е. М а с с о н, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр.6-10.

³ К в и н т К у р ц и й Р у ф, История Александра Македонского (кн.УШ, I4), М., 1963, стр.307.

там изгнанников=бактрийцев, Александр Македонский направился в Наутаку, о которой древний автор дал сведения как о стране горной или находившейся волизи гор⁴, что можно принять за указание на верхнюю часть долины.

Видимо, вопрос о локализации Наутаки и Ксениппы будет еще предметом специального рассмотрения историков. Для нас важно само свидетельство пиоменных источников о существовании в нижней части долины земледельческого оазиса еще в глубокой древности — до появления в Средней Азии воинов Александра Македонского (329-327 гг. до н.э.).

Наслоения в Каршинском оазисе, относившиеся к первым векам до н.э., вскрыты лишь при раскопках на двух памятниках — Мудинтена и городище Ер=Курган. На северных и юго-западных окраинах оазиса известны памятники, которые можно датировать первыми веками до н.э. Раскопок на них пока еще не проводили.

Но если мы примем отождествление Каршинского оазиса с Ксениппой, то где же руины многих и близко расположенных селений, о которых сообщал Квинт Курций Руф? В данной работе приведены сведения о результатах обследования свыше ста памятников, многие другие были осмотрены, но ни на одном из них не найдены предметы, которые можно было бы датировать VI—IV вв. до н.э.; не найдены они и в многочисленных обнажениях-обрывах. Разумеется, нельзя утверждать, что таких памятников на поверхности не сохранилось, их оледует искать.

При поисках древнейших наслоений нужно иметь в виду отмеченную выше особенность в заселении оазиса: в нем орошение с древнейших времен земли использовались и в дальнейшем вплоть до современности, причем как в древности, так и в средние века люди старались строить свои поселения на возвышенных местах для усиления фортификационных сооружений. Но какие могут быть возвышенные места на аллювиальной равнине? Только развалины древних поселений, которые и использовались при возведении новых. Примеры этому мы видели на

⁴ Там же (кн. Уш, 19-21), стр. 309.

Пирмат-бабатена и Айтугдытепа. Следовательно, древнейшие наслоения следует искать в нижних слоях памятников. Однако эти поиски возможны лишь в крупных работах при вскрытии наслоений на больших площадях до материкового грунта. Теперь условия еще более усложнились вследствие сильного подъема грунтовых вод.

Таким образом, даже наслоения первых веков до н. э. — первых веков н. э. нам остались мало известными. Определено, что в это время уже существовал город, развалинами которого являлся Ер-Курган. Об этом свидетельствовали как раскопочные материалы, так и подъемная керамика, разбросанная по всему городищу. Оломики посуды характеризовали высокую степень в развитии гончарного производства: тонкостенность сосудов, сильный и равномерный обжиг, мастерство, отражавшееся в разнообразии и изяществе форм сосудов, применение красного и черного лощения — таковы признаки керамических изделий. По своему облику и технике изготовления эти материалы больше всего аналогичны находят в керамике городища Адрасиаб.

К первым векам до н. э. — первым векам н. э. можно отнести основание поселений в плане концентрических, типа Кала-и Захок-и Марон и Мудинтепа, с вышкой в одном из углов. Это, конечно, относительно крупные укрепленные поселения. Но в то же время существовали и небольшие поселения, видимо, слабо укрепленные. В частности, развалинами такого поселения на северной окраине оазиса являлось Тастепа.

Итак, древнейшие сведения письменных источников о долине Кашкадарьи очень скудны и допускают различные толкования. По своему характеру это — косвенные свидетельства. Более поздние данные источников, относящихся к IV—VII вв., также скудны, но из них можно почерпнуть некоторые сведения о Нахшебе. Приведем их.

"Ношеболо. Ношеболоский владетель имеет пребывание в городе Боло, от Нюми на юге, от Дай в 23 428 ли. Земля ровная; произрастает рис пшеницу и разные плоды"⁵.

⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, ч. III, м. — Л., 1950, стр. 264.

Это первое упоминание в письменном источнике оазиса под названием Нахшеб⁶. Относится оно, по-видимому, к началу V в. Особое значение данного известия о Нахшебе заключается в том, что в нем указывается главный его город Боло, известный и по другим письменным источникам. Подробно на этом вопросе мы остановимся ниже.

Далее указывается, что Нашеб или Малле Шы занимает прежние земли Тухоло (Тохаристана)⁷. Это указание, как мы увидим, весьма знаменательное.

Перейдем к вопросу о периодизации исследованных нами памятников III-V вв. Однослойность некоторых из них по характеру представленной культуры позволила нам разделить их на три хронологические группы.

Первый этап—III—V вв. — наиболее ранние, к ним отнесены Пирнат=бабатапа и соседние с ним бугры, Коштепа=2, Негузтепа и др., датированные нами в пределах III—V вв. Из многослойных к ним примыкали Каджартепа и Дагайтепа — в нижних наслоениях, Мудинтепа — в среднем слое. Крупные из однослойных памятников отличались по топографическим признакам тем, что на их верхних поверхностях в рельефе не выделялись руины особо укрепленных зданий типа замков. Можно условно считать, что их верхние поверхности плоские или платообразные. Второй характерный тип памятников этого времени — небольшие бугры, развалины отдельно стоявших домов, более или менее расплывшиеся.

Как показали наблюдения и раскопочные материалы, в это же время продолжали существовать и поселения концентрического плана типа Кала=и Захок=и Марон и Мудинтепа, с выш-

⁶ Идентичность названий Ношеболо—Нахшеб не подвергается сомнению. По-видимому, в первоисточнике или при его переписывании могли слиться последний слог названия оазиса с первым слогом обозначения главного города оазиса — Боло.

⁷ Н.Я.Бичурин, т. II, ч. III, стр. 316.

кой в одном из углов, о которых речь была выше. Возможно, что поселения последнего типа и основывались в это время (Айтугдытепа).

Материальная культура в этих памятниках-развалинах поселений представлена, главным образом, керамическими изделиями, по облику отличавшимися от изделий предшествующего времени. Почти во всех памятниках значительную часть материалов составляла посуда лепной работы, тогда как раньше она встречалась редко, причем преимущественно это были жаростойкие сосуды — котлы. Из лепных изделий наиболее характерны курильницы с налепным орнаментом, а также светильники с зооморфными ручками.

Изменился и состав изделий станковой работы: почти исчезла такая распространенная ранее керамическая форма, как кубок, появились характерные тонкостенные кувшинчики, не известные в древних слоях, исчезло красное и черное лащение. В строительном деле наряду с квадратным кирпичом стал применяться и прямоугольный. О росте производительных сил свидетельствовало появление ручных жерновов, найденных почти во всех исследованных памятниках, а также пирамидальных грузиков, использовавшихся в ткацком ремесле.

Таким образом, выделен ряд признаков, характеризовавших материальную культуру I шаба на новой ступени ее развития — более высокой по отношению к предшествующему времени, несмотря на некоторое снижение качества керамических изделий. Датировалась эта ступень, как указывалось, III—V вв. Эта датировка подтверждалась важной нумизматической находкой в наслоении Пирмат-бабатепе⁸ — монетой IV в.

Второй этап — V—VI вв. — среди археологических памятников Согда, в том числе долины Кашкадарьи, широко распространена типологическая группа двухъярусных развалин поселений с вышкой и прилегавшей к ней с одной стороны возвышенной площадкой, определенной как двор. Совершенно, это и был двор, в котором могли застраиваться и жилища. Многие из этих дворов разрушены, в них видны оплошные отложения

⁸ С. К. Кабанов, Поздние кушаны в Нахшебе, стр. 159—164.

органических остатков, например на Шортена и Чаукайтепа близ Карки. Можно полагать, что эти остатки — признак наличия стойл для скота. Издавна органические остатки из тена собирались для удобрения окрестных земель. Обычно фрагменты керамики, находясь в таких разрушенных дворах, малохарактерны, но определенные из них не относились к глубокой древности: они тяготели к уже известным керамическим материалам из Шортена, верхним его наслоениям, монетные находки которых датированы V—VI вв. Налепной орнамент курильниц более упрощенный, чем на Коштепа=2 и синхроничных ему памятниках. В количественном отношении двухъярусные тена наиболее многочисленны, происхождение их, видимо, не одинаково. Некоторые из них так и строились — с жилым зданием на вышке и примыкавшим к нему двором. Пример такого поселения — Малое Кыштепа⁹. В других же сначала сооружались здания, а затем к ним пристраивались дворовые постройки: видимо, так возникли Шортена и Большое Кыштепа¹⁰, в вышках которых обнаружены более древние наслоения — рубежа н.э.

Наибольшее развитие поселения двухъярусного типа получили в V—VI вв., причем во многих из них намечалось усиление значения скотоводства в хозяйстве их обитателей. Поселения эти были укреплены стенами, но лишь с целью обычной охраны имущества и не рассчитанные на защиту от врага.

В V—VI вв. продолжали развиваться и древние поселения концентрического плана типа Кала-и Закок-и Марон, а также Худжитапа, с замком в одном из углов. В частности, к этому времени относилось здание с обходным коридором, развалинами которого было А.лугдытепа. Кроме того, продолжали существо-

⁹ С.К.К а б а н о в, Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи, стр. 71—86.

¹⁰ Э.И.У с м а н о в а, С.К.К а б а н о в, К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища, ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1975, стр. 106—107.

вать и отдельные небольшие строения типа усадеб, хотя их стало значительно меньше.

Третий этап — VI—VII вв. — продолжали основываться и развиваться двухъярусные поселения. Из вновь возникших наиболее характерно Культепа: мощный замок, с довольно большим капитальным поселением. Такой замок, стены которого были видны в обнажениях, мог противостоять и довольно сильному противнику. Рядом с ним продолжали существовать и более древние поселения (Айтугдытепа и Пишактепа), но со значительными переделками. Многие из тепа концентрического плана оставлены. Видимо, совсем уже не было и отдельно стоявших домов; соответствующие наслоения выявлены только на Кичиктепа — развалинах довольно большого здания.

Для материальной культуры этого времени наиболее характерно относительно большое количество орудий труда и утвари из металла — железа и меди. Существенно изменился облик гончарных изделий, исчезли одни керамические формы (чашевидные кубки, тонкостенные кувшинчики, изделия с налепным орнаментом) и появились другие. Довольно большой комплекс гончарных изделий среднего слоя выявлен на Каджартепа. По составу и технике изготовления он резко отличался от сосудов комплекса Культепа, близкого по времени или даже синхроничного. Возможно, в этом различии отражены две традиции в гончарном деле, из которых одна характерна для местного земледельческого населения (Каджартепа), а другая — для кочевников, переходивших к оседлому образу жизни.

Следовательно, в целом по топографическим признакам среди руин сельских поселений III—VII вв. можно различить следующие основные виды тепа:

— концентрического плана, с укрепленным замком в середине, типа Кала=и Захок=и Марон (см. рис. 10, 1-2). К ним относилось свыше 20 наиболее укрепленных сельских поселений Каршинского оазиса. Эти крепости древнего происхождения существовали до III—V вв. включительно;

— прямоугольные в плане, с замком в одном из углов, типа Мудинтепа (см. рис. 10, 3). Они также древнего происхождения, но существовали дольше — до VI—VII вв. (Айтугдытепа);

- с плоской верхней площадкой, прямоугольные или квадратные в плане, без выделения в рельефе особого укрепления. Встречалась в глубокой древности (Тастепа), но более характерны для III-V вв., например Пирмат-бабатепа, Учтепа, Коштепа-2. Собственно типологически такие памятники мало характерны;

- двухъярусные (см. рис. 10, 4-5), начали возникать в III-V вв., но основная масса поселений этого типа приходилась на V-VII вв.;

- небольшие округлые бугры-развалины отдельно построенных маленьких зданий, существовали в III-VI вв. В VII-VIII вв. их, видимо, не было, но позднее в IX-X вв. они стали обычным видом поселения; их отличал ломаный контур плана и рыхлый грунт.

Проведем некоторую статистическую обработку материалов обследования археологических памятников Каршинского оазиса, образующих большой изолированный комплекс развалин древних поселений. Всего в оазисе нами обследовано с установлением датировок 123 объекта различной величины - от крупных городов до небольших бугров, которые, исходя из датировок, можно разделить на следующие четыре категории:

- древние - до V-VI вв. включительно, без более поздних наслоений - 59 памятников;

- древние, перекрытые средневековыми наслоениями, но без территориального расширения поселений - 44 памятника;

- древние, перекрытые средневековыми наслоениями с расширением занимаемой поселениями площади - средневековые города и крупнейшие сельские поселения (развалины Несефа, Кесбы, Безды, Каджартепа и др.) - 14 памятников;

- средневековые сельские поселения, основанные не ранее VI-VII вв. - 6 памятников, из них наиболее значительный Культепа.

Из дальнейшего количественного анализа исключаем средневековые памятники и древние поселения, расширенные в период средневековья, - типологически их довольно часто трудно определить. Таким образом, остаются наиболее многочисленные памятники первых двух категорий, их всего 103. По

размерам их можно разделить на такие группы:

- небольшие бугры высотой до 2,5 м, иногда сильно расплывшиеся (близ Пирмат-бабатепе, группа Негузтепа и др.) - всего датировано 14 памятников;

- бугры высотой до 4-5 м, площадью до 0,2 га (Учтепа и др.) - 17 памятников;

- тепа площадью от 0,2 до 0,9 га (Пирмат-бабатепе и др.) - 45 памятников;

- тепа площадью от 1 до 3 га - 22 памятника;

- городища площадью свыше 3 га (Ханабадтепа, Чаукайтепа, Кандиклитепа, Кала-и Захок-и Марон, Ер-Курган) - 5 памятников.

Наиболее многочисленны памятники площадью от 0,2 до 0,9 га - их примерно 45%. Возможно, данное число отражает соотношение не только памятников этой площади к количеству обследованных, но и к общему количеству памятников Каршинского оазиса, т.е. более чем 300. Небольших памятников, конечно, было значительно больше, их уже мало сохранилось. Крупные памятники, видимо, учтены почти все. Напомним только, что к их числу нужно еще прибавить 14 памятников с мощными средневековыми наслоениями, по площади превышающими древние руины.

Выше отмечалось пять видов памятников, характеризовавшихся определенными, резко выраженными типологическими особенностями. Из них к первому типу, отличающемуся концентричностью плана, можно отнести 23, к типу Мудиятепа с руинами замка в одном из углов - 8, платообразных - 28, двухъярусных - 26, небольших оугров - 14, особой планировки - 4 (Ер-Курган, Паштантепа-1, Керайттепа, Коштепа близ к. Губалык).

Памятники концентрического типа учтены почти все, небольших бугров выявлено совсем мало, однако, возможно, что цифры количества обследованных памятников остальных типов - 8; 28; 26 - приблизительно верно выражают процентное соотношение памятников соответствующих групп к общему их количеству в Каршинском оазисе.

В аспекте определения периодизации памятников особое значение имели керамические материалы, которые позволили в пределах III-V вв. считать синхроничными нижний слой Каджар-

тепа, средний Муликтепа, наслоения Пирмат=бабатепе и Коштепа=2. Особо можно выделить верхний слой городища Ер=Курган. В нем хотя и имелось признаки, связывавшие их с упомянутыми памятниками (тонкостенные кубышечки, налепной орнамент на курильницах и некоторых других сосудах), но общий характер материальной культуры, поскольку он выявлялся в керамических изделиях, говорил о более высокой квалификации ремесленников, их специализации в изготовлении отдельных видов изделий и, следовательно, о ведущей роли города в ремесленном производстве.

Большое значение для периодизации памятников имели и монетные находки. Их наибольшее количество относилось к типу нахшебских с изображением на реверсе владельца, пораженного мечом вставшего на дыбы львообразного чудовища. Найденны эти монеты на 13 памятниках в количестве 35 экз., 6 из них в зоне Чимкуртанского водохранилища на двух памятниках — Двангальтепа и Аултапа¹¹. На аверсе — изображение владельца, в одном случае в головном уборе. Эта монета относилась к древнейшему типу (IV в.) (см. рис. 16, 1). Следует отметить, что на монетах плохой сохранности из Пишактепа и Учтепа также улавливаются признаки их принадлежности к тому же типу. Остальные нахшебские монеты относятся к поздним — V—VI вв.

Наиболее поздняя из них найдена на Культепа (см. рис. 16, 6), на ее реверсе (аверс не сохранился) приобавление — знак надчеканом (?), известный в литературе как У-образный знак согдийских владельцев VI—начала VII в.¹² Таким образом, установлено, что эта монета имела хождение в Нахшебе очень длительное время — с IV, возможно, с III в. вплоть до VI в. По находке в наслоениях Культепа видно, что нахшебская монета с надчеканом (?) использовалась и позднее. Примечатель-

¹¹ С.К.К а б а н о в, Нахшебские монеты V—VI вв., стр. 138, рис. 3-4.

¹² О.И.С м и р н о в а, Каталог монет в городища Пенджикент, стр. 62, рис. 15.

но, что из 12 хорошо сохранившихся изображений владельца на аверсе не было одинаковых, что свидетельствовало о множестве эмиссий.

Мы еще вернемся к нахшебским монетам: они позволят восстановить важные факты из истории края¹³.

Монеты с изображением коня (см. рис. 16, 7) найдены на пяти памятниках всего в количестве 7 экз. Они относились к УП-УШ вв. и, по определению О.И. Смирновой, выпускались тюркскими владельцами. Находки подобных монет известны в Пенджикенте¹⁴ и на Афрасиабе¹⁵.

О структуре общества

Прежде чем приступить к рассмотрению материалов наших работ в аспекте раскрытия социально-экономических отношений в Нахшебе III-VII вв., кратко изложим сведения письменных источников в данном направлении¹⁶.

¹³ За пределами Нахшеба они встречались редко. Находки их на Аултапа и Джангальтепа, в воеводе Чимкурганского водохранилища, в 50 км от Карминского оазиса, можно объяснить непосредственным влиянием Нахшеба. И.А. Анбоев сообщает о находке двух таких монет в районе Самарканда, Б.И. Вайнберг — о находке двух нахшебских монет в Хорезме, Э.В. Ртвеладзе — о находке одной нахшебской монеты на Алпактепа, близ Дзуркургана, в Сурхандарьинской области.

¹⁴ О.И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 127-128.

¹⁵ С.К. Кабанов, Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, стр. 76.

¹⁶ Вопросы интерпретации памятников в социально-экономическом аспекте рассматривались предварительно вскоре после полевых работ 1967 г. См.: С.К. Кабанов, 'Позднекушанские поселения в низовьях р. Кашкадарья', Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. II, в сб.: Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (ЦАКЭ), М., 1975, стр. 270-274.

По заключению О.И.Смирновой, исследовавшей социальную структуру Согда на основе использования письменных и нумизматических источников, различались три основные группы населения¹⁷.

К господствующему классу относились азаты - землевладельцы (дехиане более поздних источников), являвшиеся социальной основой всей титулованной иерархии, уже в УІ-УІІ вв. носившей феодальный характер: существовала крупная земельная собственность, как экономический базис азатов, освобожденных от податей и повинностей: они несли лишь только военную службу.

Вторую группу населения составляло податное население - ремесленники и крестьяне (корикар - "делающие работу, дело") - основное трудовое население, непосредственные производители материальных благ общества¹⁸. Кроме того, сюда, занимая особое место, относились и торговцы (хвакар). Хотя принято считать, что основная масса населения жила общиной, сведений об этом очень мало. Даже не установлен термин, служивший для обозначения общины. Можно полагать, таковым было согдийское *q'a* - "народ", "хонд", в смысле "мир", "община"¹⁹. Из этой второй группы выделялась особая категория крестьян - "хадиварн": они владели землей и, видимо, мало чем отличались от представителей низшего слоя азатов²⁰.

Третью группу составляли рабы, пожизненные и временные, вольноотпущенные и долговые, слуги разных категорий, не считавшиеся членами общества и приравнивавшиеся к имуществу²¹.

¹⁷ О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, М., 1970, стр.69-71.

¹⁸ Там же, стр.71,85.

¹⁹ Там же, стр.95.

²⁰ Там же, стр.108. Это указание, видимо, относится к более раннему периоду - У-УІ вв.

²¹ Там же, стр.82.

Таковы основные данные о структуре согдийского общества в VI–VII вв. Сведения согдийских источников почти исключительно относились к поздним из исследованных памятников. Для понимания более ранних периодов они могут быть использованы только в ретроспективном плане. Для освещения социальной структуры общества Нахшеба, как части Согда, в III–V вв. возможно обращение к письменным источникам Ирана, соседней страны, находившейся примерно на одном уровне развития. Однако нужно отметить, что эта страна развивалась в несколько иных условиях, где большое значение имели такие факторы, как меновое хозяйство и рабский труд.

Прямые указания о существовании в Средней Азии и Иране крепостничества в рассматриваемое время отсутствовали²². Впрочем, Табари, говоря о согдийских пахарях, упоминал и об их хозяевах (сахиб), что могло указывать на личную зависимость крестьян от азатов²³.

Для выяснения конкретных особенностей развития социально-экономических отношений особый материал дали участки сплошного обследования памятников. Сопоставительные данные о размерах и их топографических признаках в основных чертах верно отражали отношения, существовавшие между селителями поселений. Сплошное исследование памятников в Каршинском оазисе пока осуществлено только в одном месте — в зоне орошения канала Бурн-арик.

Южнее Асантепа не было руин поселений, которые можно датировать временем, более ранним, чем III в. н. э. Этот доколе степной участок Нахшеба был орошен и на вновь орошенных землях в III–V вв. стала развиваться группа поселений. К III–V вв., не позже, относились все памятники, расположенные западнее современного Бурн-арика. Здесь выявлены памятники трех категорий: к первой можно отнести Пирмат-бабатепу, ко второй —

²² И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XII–XIV вв., М.—Л., 1960, стр. 324–327.

²³ О. И. Смирнова, Очерки из истории Согда, стр. 101–102.

три памятника с общим названием Учтепа и к третьей — четыре небольших безымянных бугорка. Какие же элементы структуры общества III—V вв. можно восстановить на основе ранее изложенных (см. главу 2) данных об этих памятниках?

Владелец здания, развалинами которого являлось Пирмат-бабатепе, несомненно, принадлежал к господствующему классу. Об этом свидетельствовали размеры здания, его укрепленность, вскрытые элементы планировки. Вопрос о том, был ли феодалом владелец этого здания, мы рассмотрим ниже, однако, несомненно, что он принадлежал к местной аристократии.

Вряд ли к господствующему классу можно отнести владельцев зданий, развалинами которых были бугры Учтепа, это относительно небольшие, поднятые на невысоких стилобатах здания=крепостцы, включавшие не более 20 помещений, без специально укрепленных стен. Установлено, что склад и кухня были общими для всех обитателей. Следовательно, можно считать, что питание и хозяйство также могли быть общими. Вряд ли можно сомневаться в том, что это здание служило местом обитания большой патриархальной семьи=кеда²⁴, социальной организации, широко известной в древности. В Иране в это время, в III—V вв., "большая семья, отпочковавшаяся от рода, занимала центральное положение как основная социальная ячейка общества. В этой семье сохраняются традиции рода не только в форме обычая, но основой этой семьи с чисто экономической точки зрения было неделимое имущество, оно принадлежало и им располагала семья в целом... Возможность жить семьей, состоящей из отца, матери и детей, создавалась в зависимости от того, что такая семья могла себя экономически содержать"²⁵.

²⁴ Б.В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 209.

²⁵ Н.П. Игулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.-Л., 1956, стр. 181.

Примечательно, что бугры Учтепа расположены рядом, примерно на одинаковом расстоянии один от другого, как будто при основании этих поселений имелась в виду определенная планировка полей. Возможны два предположения: эти поселения основаны одновременно, как поселения трех больших семей, или же подобное расположение памятников — признак сегментации одной большой семьи на протяжении примерно двух веков. Здесь более вероятно второе предположение.

Третий тип поселений в рассматриваемой округе — отдельно расположенные дома, довольно капитальные, с фундаментом, закладывавшимся на глубину до 2 м. Бугры, являвшиеся руинами этих домов, по площади довольно значительны, однако их небольшая высота свидетельствовала о том, что особых укреплений, кроме стен самих домов, у них не было. Несомненно, эти здания строились для небольших семей, которые отдельно вели свои хозяйства. Эту категорию непосредственных производителей можно отнести в сопоставлении с письменными источниками к кадиварам, известным с III—IV вплоть до XIV в.²⁶ Видимо, они как-то приспосабливались к изменявшимся на протяжении длительного времени социальным и политическим условиям. Само их название "кадивары" говорило о том, что они — выходцы из кефов (больших семей).

Можно полагать, что большесемейные общины и отдельные семьи имели свои отдельные хозяйства. Несомненно также, что у владельца замка было отдельное хозяйство, причем более обширное, обрабатывавшееся трудовым населением замка, возможно, даже рабами. К этим работам могли привлекаться и большие семьи, и кадивары. Конечно, данная реконструкция социальных отношений предположительна, тем более, что нами рассмотрена лишь часть сельской округи.

Теперь перейдем к исследованию поселений, руины которых расположены по восточную сторону Бури-арыка. Здесь два здания времени Пирмет-бабатепе оказались под развалинами

²⁶ См.: О.Д.Чехович, Бухарские документы XIV века, Ташкент, 1965, стр. 15—18.

более поздних построек: на одном из них в V-VI вв. построено здание с обходным коридором (Айтугдытепа), на другом — более поздние сооружения (Пишактепа). В III-V вв. существовало и здание, развалинами которого являлось Асантепа (центральный его бугор сохранился после строительства, он остался не исследованным). К востоку от Бури-арыка не оказалось зданий, которые можно отнести к типу Учтепа. Наиболее близкое к ним Кичиктепа значительно уступало по величине: все-таки это развалины отдельного здания, быть может, с пристройками. Находившийся примерно в 100 м к юго-западу от Айтугдытепа небольшой бугор (№ 1) (см. рис. 25) аналогичен расположенным близ Пирмат-бабатепа.

Итак, в III-V вв. на всей обследованной территории размером в 120 га существовало три здания типа замков (не считая Асантепа), принадлежавших представителям господствовавшего класса. Три других поселения можно определить как жилища больших семей (Учтепа) и шесть небольших отдельно стоящих (пять Безимянных бугров и Кичиктепа) — как жилища нескольких семей-кадиваров²⁷. Конечно, обитатели этих поселений связаны всей системой общественных отношений с жителями других поселений окрестностей, но, поскольку рассматриваемая группа памятников расположена несколько обособленно, можно принять, что земли поселений данной группы орошались одним каналом и, следовательно, несомненна их связь по производственной линии. Между жителями, как и во всех классовых обществах, существовали отношения господства и подчинения, эксплуатации трудового населения господствующим классом. Установлено, что на три крупных поселения, владельцы которых, несомненно, были представителями господствующих классов, приходилось не более десяти небольших поселений.

Вряд ли обитатели этих небольших поселений могли обеспечить прибавочным продуктом своего труда владельцев зам-

²⁷ На двух небольших буграх, расположенных к востоку от Пирмат-бабатепа и к западу от Асантепа, раскопки не проводились. По материалам из обнажений они датированы в широких рамках III-VI вв.

ков о их челядь. Несомненно, при самих этих замках должны были быть свои довольно крупные хозяйства, в основном обслуживаемые определенными категориями населения самих замков, вероятнее всего, рабами. В Иране такому хозяйству или поместью могли соответствовать дасткарты, о которых сохранились письменные овидетельства²⁸.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что в III-V вв. в Нахшебе, как, видимо, и во всем Согде, при замках или кешках²⁹ существовали отдельные, довольно крупные хозяйства. В них, как видно из исторических источников, относившихся к Ирану, но имевших значение и для Согда, широкое применение мог находить рабский труд. С другой стороны, археологические данные подтвердили значение общины в социальной структуре того времени. Видимо, этот строй можно называть патриархально-рабовладельческим³⁰ или, иначе, общинно-рабовладельческим³¹. Однако этот термин, конечно, нельзя употреблять как название особой общественно-экономической формации, он только отражает многообразие развития общества в различных социальных и географических условиях в эпоху, предшествующую феодализму. Это был поздний этап в развитии древнего общества - рабовладельческого в своей основе.

Существенными изменениями в состоянии поселений характеризовались V-VI века. Из трех замков аристократии один - Пирмат-бабатепа был совершенно заброшен, два - Айтугдытепа и Пишактепа капитально перестроены; около них продолжали существовать довольно крупные поселения. Жилища

²⁸ Н. П и г у л е в о в а я, Города Ирана в раннем средневековье, стр. 202-206; А. Г. П е р и х а н я н, Сасанидский судебник, Ереван, 1973, стр. 458-460.

²⁹ Так в более позднее время называли укрепленные здания представителей господствующего класса. См.: В. В. Б а р т о л ь д, История культурной жизни Туркестана, стр. 207-209.

³⁰ История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 130.

³¹ С. П. Т о л о т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 48.

больших семей (Учтепа), также как и почти все отдельно стоявшие здания, пришли в запустение: их обитатели, видимо, переселились под защиту замков. Если раньше часть непосредственных производителей пользовалась определенной независимостью, об этом свидетельствовало их обособленное жилье, то с конца V в., после переселения под сень замка, стала усиливаться зависимость их от владельца замка как в быту, так и в производстве. Кроме того, в поселениях распались большие семьи, так как при замках не было условий для их осуществления.

Как уже отмечалось, в письменных источниках отсутствовали сведения о закреплении крестьянства, это можно объяснить тем, что в странах с искусственным орошением и слабо развитым меновым хозяйством крестьянину некуда было уйти. Фактически и без специального законодательства он был закрепощен: поселившись под защитой замка, он должен был обрабатывать земли его владельца.

В степной местности еще сохранялись условия для существования больших семей. Жилищем такой семьи можно определить здание, руинами которого являлось Таштепа³². Примечательная особенность плана этого здания — наличие двора, устройство которого внутри укрепленного поселения свидетельствовало о большом значении скотоводства в хозяйстве его обитателей. Существовали и отдельные небольшие здания, владельцы которых в какой-то мере вели свое хозяйство самостоятельно³³.

Период V-VI вв. в аспекте социальной истории можно назвать временем становления феодального общества. Если в рассматриваемой нами сельской округе он отмечен оставлением целой группы поселений, руины которых находились западнее Бури-арька, то следующий период—VI-VII вв. знаменателен появлением нового поселения, самого крупного в округе, руинами которого являлось Культепа. Рядом продолжали существовать и

³² С.К.К а б а н о в, К изучению аграрного строя Согда в V-VI вв., стр. 59-62.

³³ Там же, стр. 63-64.

поселения на месте Айтугдытепа и Пишактепа. Имелись признаки, что существовало и поселение на месте Кичиктепа³⁴. Больше никаких поселений в рассматриваемой округе уже не было.

В рельефе всех трех крупных поселений отчетливо выражен замок владельца и расположенные около него тесно застроенные участки с жилищами земледельцев; часть их вскрыта на Пишактепе, на других памятниках выявлены лишь их признаки.

Ранее мы уже сделали вывод о том, что в III-V вв. при замках должны были быть крупные хозяйства типа иранского дасткарта. О том, какова была организация работ в этих хозяйствах, сведений нет. Но то, что в VI-VII вв. у подножия замков оказалось сосредоточенным все население, — это очень важный признак для характеристики всей общественно-экономической жизни округи. В самом деле, несомненно, что власть владельцев крупных поселений усилилась. Вряд ли в создавшихся условиях владельцы замков упустили возможность объяснить все орошенные земли своей ответственностью или владением, что в условиях слабого развития менового хозяйства практически было равнозначным. В этих же условиях не было ни надобности, ни выгоды землевладельцам создавать большие хозяйства типа дасткартов. Имелось "все основания предполагать, что эксплуатация через издольные аренды в Средней Азии имела место и до арабского завоевания. Гипотеза эта вполне оправдывается не только аналогией с Ираном и Ираком, но и всей последующей историей средневековой Средней Азии"³⁵.

В соответствии с этой гипотезой мы смогли предположить, что бывшие члены кефов и отдельные семьи, поселившись у зам-

³⁴ Л.Л.Букин и Ч. Руины двух раннесредневековых поселений, стр.101.

³⁵ А.Ю.Якубовский, Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI-XV вв.). Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (ИСИМК), ХХУШ, М.-Л., 1949, стр.32.

ка, получили от его владельца определенные участки земли для обработки с условием отдавать в его пользу определенную часть урожая.

Далее А.Ю.Якубовский писал: "Здесь та же картина, что и в Иране: по-видимому, и в Средней Азии с лская община была отдана под власть дехканам, которые имели свои кешки в составе каждого селения в Согде, Уорушане, Тохаристане и в других местах"³⁶. Таким образом, то, что высказал А.Ю. Якубовский в форме предположения, нашло свое подтверждение в наших материалах: в самом деле, Культепа, Айтугдытепа и Пишактепа именно и были такими селениями с кешками феодалов.

Имелось и прямое указание письменного источника об укреплении власти феодалов в VI-VII вв. накануне арабского завоевания: "...В то время был один великий дехкан, которого называли Бухар-худат, потому что он происходил из древнего дехканского рода. Земельные участки большей частью принадлежали ему, и большинство остальных людей были или крестьянами, или слугами его"³⁷. Здесь слово *کد پوران* "кадивары" переведено как "крестьяне". О том, что на древних буграх жили кадивары, помнили еще в начале XIV в.³⁸

Из изложенного видно, что в структуре общества VI-VII вв. произошли существенные изменения: это был уже феодальный строй, ранний этап его развития.

Наиболее примечательная особенность прослеженного процесса развития общества в условиях Нахшеба - раннее растворение общины в призамковых поселениях еще в VI-VII вв. В Хорезме были исследованы памятники Беркут-Калинского оазиса³⁹.

³⁶ А.Ю.Якубовский, Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века, стр.33.

³⁷ Мухаммад Наршахи, История Бухары, Перевод Н.Лыкошина, Ташкент, 1897, стр.13.

³⁸ О.Д.Чехович, Бухарские документы XIV века, стр.120, 126.

³⁹ Е.Е.Неразник, Сельские поселения Афшаридского Хорезма, М., 1966.

приблизительно синхроничные рассмотренной сельской округе. В этом оазисе, также орошаемом одним каналом, выявлены социально-экономические условия, сильно отличавшиеся от установленных в зоне орошения Бури-арька. Достаточно указать, что на одно крупное поселение типа замка приходилась добрая дюжина усадеб, определенных как жилища большесемейных общин. Условия жизни этих общин иные: уже внутри одного укрепленного здания происходило разложение общины на парные семьи с признаками обособленных хозяйств⁴⁰, причем этот процесс продолжался еще в УП-УШ вв.

Различия в социальной структуре и темпах феодализации определялись конкретными природными, экономическими и политическими условиями. На значение их указывал, например, тот факт, что в пределах Западной Европы выделялось три "основных типа феодализационного процесса"⁴¹. Отмечено пять вариантов перехода к феодализму в Галлии⁴².

Изучение памятников на двух участках - в Каршиноком оазисе и в прилегавшем степном районе позволило в схеме восстановить особенности социальной структуры древних обитателей Нахшеба в ее развитии в переходный период от древности к средневековью. Наметилось три следующих этапа в социально-экономическом развитии края.

I. Поздний этап в развитии древнего общества (Ш-У вв.) - время существования трех типов поселений (на изученных участках): представителей господствующего класса - аристократии, быть может, еще не порвавшей родовые связи с подвля-

⁴⁰ Там же, стр. 112-116.

⁴¹ Э.В.У д а л ь ц о в а, Е.В.Г у т н о в а, Генезис феодализма в странах Европы. XIII международный конгресс исторических наук, М., 1970, стр. 3.

⁴² А.Я.Ш е в е л е н к о, К типологии генезиса феодализма, "Вопросы истории", 1971, № 1, стр. 99-107.

отным населением (Пирмат-бабатапа); большесемейных общин (Учтепа); жилища отдельных семей земледельцев (Безымянные бугры). Это общество можно считать явно дофеодальным, рабовладельческим в основе, с сильными пережитками патриархальных отношений.

II. Период становления феодального строя (V-VI вв.). Время Аултапа и Айтугдытепа — развалины зданий типа замков владетелей. В оазисе отмечена тенденция поселения подвластного населения у замка. Для характеристики общественных отношений в степной местности, в зоне орошения канала Бердали, существенен факт разреженности поселений: малоземелья в этой местности не могло быть; развитие хозяйств определялось трудовыми ресурсами. Это обстоятельство могло явиться предпосылкой одной из форм внеэкономического принуждения.

III. Ранний этап в развитии феодального общества (VI — VII вв.). Время Культепа — вновь возникшего замка с прилегающим поселением. Продолжали существовать и другие замки (Айтугдытепа, Пишактепа). Почти полностью исчезли отдельно стоявшие дома: из них признаки обживания в это время выявлены только на Кичиктепа.

В инвентаре поселений заметно увеличение применения металла (железо, медь) для изготовления орудий труда и утвари.

Приведенные выводы о структуре общества, конечно, схематичны и ограничены объемом изученного материала. Некоторые типы памятников в оазисе не последовали за применением раскопок, к ним отнесены тепа концентрического плана, насчитываемых в Каршиноком оазисе свыше двух десятков. Полное исследование даже одного такого объекта внесло бы много нового в понимание структуры древнего общества. Быть может, именно такие памятники являлись развалинами замков крупных владетелей, ведущих крупные хозяйства, на которых расовый труд мог применяться более широко, чем в рассматриваемых сельских округах.

Однако при всей схематичности восстанавливаемого процесса развития социальной структуры в исследовании, надо

полагать, выявлены существенные черты генезиса феодализма в Нахшебе.

В о п р о с ы э т н и ч е с к о й и с т о р и и

В свете данных письменных источников, между речью Амударьи и Сырдарьи с древнейших времен заселял земледельческий народ — согдийцы. Надо полагать, что к этой же народности относилось и древнее земледельческое население Нахшеба. Известно также, что одна из особенностей развития Средней Азии — сосуществование земледельческих и кочевых скотоводческих народов. По отношению к Нахшебу имелось прямое указание письменного источника, в котором приводилось название кочевого народа, обитавшего на его территории⁴³.

На рубеже нашего летосчисления, в I в. до н.э. — I в. н.э., существовало пять владений кочевого народа, причем, все они располагались где-то по среднему течению Амударьи, заняв Тохаристан. Но ведь и Нахшеб расположен не так далеко от Амударьи. Этот оазис (а "владения" этих кочевников, видимо, и представляли собой отдельные оазисы) по своим природным условиям был очень подходящим для жизни переходивших к оседлости кочевников. В это же связи следует вспомнить и более позднее указание о том, что "Нахшеб... занимает прежние земли... владения Тухоло"⁴⁴ (Тохаристана); следовательно, еще и в II—III вв. помнили о том, что оазис низовой части Кашкадарьи имел какое-то отношение к Тохаристану.

Выше приведены ранние сведения источников, которые, как мы полагали, имели отношение к истории Нахшеба, хотя и косвенное. Дальнейшие сведения относились к V в., когда об этом оазисе появилось уже прямое свидетельство. Таким образом, образовался пропуск в письменных источниках длительностью примерно в четыре столетия. Однако теперь, кажется, есть возможность выявить новый факт из истории Нахшеба и кушан в это

⁴³ Н.Я.Бичурин, т. II, ч. III, стр. 264.

⁴⁴ Там же, стр. 316.

время путем привлечения сведений западных источников, авторы которых жили также довольно далеко — в Армении.

Ранее уже отмечалась находка на Ширмат-бабатепа нахшеоской монеты древнего типа с изображением на аверсе владетеля, лицо которого обращено влево, в шлеме с наушниками. Монета была признана как тяготевшая к парфянскому (аршакидскому) чекану и датирована IV в. Монеты этого типа выпускались местными владетелями, поскольку найдены они на многих памятниках Нахшеба, хотя преимущественно в более поздних наслоениях — V-VI вв., когда облик изображения владетелей был уже иной, без головного убора⁴⁵. О причине такого изменения речь будет идти ниже.

Итак, это был IV в., время еще кушанского государства на данной территории, но владетель был аршакид. Видимо, мы уже никогда не узнаем конкретных условий, при которых возникла такая ситуация. Однако для нас существенно и выяснение того обстоятельства, что Нахшеб был вовлечен в сферу влияния парфянского государства, правда, уже разбитого сасанидами, но отдельные владетели которого еще сохраняли свое положение на окраинах, как мы увидим ниже, кроме Нахшеба, также и в Армении. Следовательно, нет ничего необычного в том, что какие-то сведения о далеком Нахшебе могли дойти и до армянских историков, хотя им было известно не само название этой страны, а только название города, который, как мы постараемся показать, находился в Нахшебе.

Сведения армянских источников о Средней Азии собраны и обстоятельно проанализированы К.В.Тревер⁴⁶. Мы коснем-

⁴⁵ С.К.Каоанов, Поздние кушаны в Нахшебе, стр.159-171; М.Е.Массон, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр.17-18.

⁴⁶ К.В.Тревер, Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. (К истории народов Средней Азии), См.: СА, XXI, М.-Л., 1954, стр.131-147.

ся только той части сообщений двух историков — Фавста Бузанда (конец IV — начало V в.) и Моисея Хоренского (конец V — начало VI в.), где упоминался город Бахл.

"В это время прекратились военные действия персов против армян, ибо царь кушанов Аршакидской династии, сидевший в городе Балхе⁴⁷, затеял войну с персидским царем Шапухом из сасанидской династии"⁴⁸.

Приведем и другой отрывок из текста Фавста Бузанда: "Ибо в это время персидский царь, который был из рода сасанидов, вел войну с великим царем кушанов, который был Аршакуни и сидел в городе Балхе."⁴⁹

В этих текстах прямо говорится о царе кушанов из Аршакидской династии. В свете факта находки нашей монеты из Пирмат-бабатепа намечается и местоположение города Бахл в Нахшебе.

Перейдем к сведениям Моисея Хоренского. Город Бахл в тексте источника упоминался несколько раз, но мы приведем только один эпизод, относившийся ко времени завоевания власти Арташиром I (224—241) — основателя могущества династии сасанидов. Речь идет о борьбе Арташира с армянским владельцем из аршакидской династии Хосровом. Последний обратился за помощью к своим родственникам, еще правившим в раз-

⁴⁷ В переводе М.А.Геворгяна — "Балх", однако из его же примечания (см. ниже) видно, что в оригинале было слово "Бахл".

⁴⁸ История Армении Фавстоса Бузанда, Перевод с древнеармянского и комментарий М.А.Геворгяна, Брера, 1953, стр. 163. Примечание переводчика: "Балх — обычная форма Бахл, назывался также Бахл Ароватин, или по-пехлевийски Бахли-Бамик — Восточный Бахл. Это древнейший город в Бактрии, в долине р. Оксус (Аму-Дарья)..." Итак, имея название Бахл, имевшегося в источнике, переводчик принял написание его "Балх". Этому же написанию придерживался и К.В.Тревер. Но уже указание на то, что это восточный Бахл, свидетельствовало о том, что был не один город с таким же или близким по произношению названием.

⁴⁹ История Армении Фавстоса Бузанда, стр. 183.

личных частях бывшей обширной парфянской державы, но, за одним исключением, получил от всех отказ. Обратимся к тексту источника: "Тогда возвращаются к Хосрову некоторые из его послов, отправленные к благороднейшему племени, живущему в самой внутренней части того государства, а именно в Бахле; приносят ему весть, что сродник твой Вехсачан, с родом своим—Караном Пахлявом, не покорился Арташиру, а является к тебе на твой зов"⁵⁰.

Вехсачан не смог оказать помощи Хосрову. Он был настигнут Арташиром и погиб с войском и родственниками. Из всего рода Каранов—Пахлявов остался один мальчик, который, повзрослев, стал одним из военачальников Арташира, но, вступив в борьбу с его наследником Шапуром I (241—272), он был отравлен им. Внук Вехсачана, по прозвищу Камсар, перешедший на службу к армянскому царю Трдату, отличался одной особенностью: в бою, "во время стремительного его нападения, кто-то ударил его мечом по голове и снес часть кости его черепа. Хотя лекарства и помогли ему, но, так как неоставало круглоты в верхней части его черепа, прозвали его Кам-саром"⁵¹.

Вряд ли были столь искусны древние врачи, чтобы залечить такую тяжелую рану. Видимо, речь идет о другом — об искусственной деформации черепа, о которой историк не имел понятия. Следовательно, Камсар происходил из страны, где этот обычай существовал. Ниже нам придется еще встретиться с проявлением этого обычая.

В связи с различными названиями города Бахл уместно привести одно из указывание из рецензий П.И.Лерха, написанной на перевод "Истории Агван"...", осуществленный А.Паткавьяном.

⁵⁰ История Армении Моисея Хоренского, Новый перевод Н.О. Эмман, М., 1893, стр.118.

⁵¹ Там же, стр.135. В примечании объяснялось, что "кам" означало "недостаток", "сар" — "голова". Следовательно, прозвище означало "у кого недостает части головы, черепа".

"Затем он (Г.Патканьян) заключает, что упоминаемый у армянских историков город Бахл Ароватин один и тот же с Бактрою, что Бактриана называлась Пахляв...

Отчего... имена Бахл, Бактр и Пахляв считаются тождественными? Я этого не понимаю....

При объяснении имени города Бахл Ароватин, встречающегося у армянских историков, следует принимать во внимание, что *پهل* п е х л у имело и значение нарицательное, т.е. "города". Поэтому Бахл Ароватин могло обозначать и "город Ароватин". Г.Патканьян также считает "Ароватин" именем собственным, между тем, как Г.Эмин читает: арова-тин - восточный. Оба ученые видят в слове Бахл, в сопоставлении с Ароватин имя собственное: Эмин производит имя Балха (Хорасанского) от слова *باختر* бахтар, восточный (в языке Авесты апахтара - север)... Из всего сказанного следует заключить, что пока нельзя решить происхождение имени Балха: во всяком случае производство от апахтара слишком смело"⁵².

Таким образом, речь идет о происхождении самого названия города Балх. В этой связи уместен вопрос, почему названия Бахл, Бахл Ароватин, а также Боло нужно считать однозначными для города Балх? В IV-V вв. был и еще один город с похожим названием, находившийся в 150 км к юго-востоку от Балха в местности Баглан. Нумизмат Р. Гёбль предполагает, что именно здесь выпускались монеты, на которых обозначено место их выпуска - Бахло⁵³. Видимо, вопрос о проис-

⁵² П.И.Лерх, История Агван Моисея Каганкотвицы, писателя X века, Перевод с армянского А.Патканьяна, СПб., 1861. Рецензия помещена в Известиях Археологического Общества, т. III, вып. 6, СПб., 1861, стр. 494-495.

⁵³ R.G. & b 1, Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Wiesbaden, 1967, Band 1, s. 16; Band II, s. 14.

хождении указанных названий может стать предметом рассмотрения лингвистов.

И.И.Лерх также ставит под сомнение отождествление Бактра и Пахлява. Это противопоставление может стать исходным для еще одного предположения о названии города, развалинами которого являлся Ер-Курган. Ведь не в Бактрии имели хождение монеты аршакидского типа, а в Пахшебе. Следовательно, если Пахляв считать особой страной, не Бактрией, и в то же время частью Парфии⁵⁴, то такой страной был Пахшеб. Возможно, что под названием "Пахляв" армянским историкам известен оазис низовой части Кашкадарьи и его главный город, развалинами которого являлся городище Ер-Курган.

Таким образом, сейчас нельзя решить, под каким названием армянские историки IY-U вв. знали город, расположенный в Пахшебе, — Сахл, Сахл Ароватин (восточный или северный) или Пахляв. Но то, что одно из них относилось к Пахшебу и его главному городу — несомненно. Уточнить решение этого вопроса — дело дальнейших источниковедческих и археологических исследований. Однако ориентиром при этих изысканиях может служить факт находки монеты аршакидского типа в Пахшебе: эта область в III-IV вв. была под управлением аршакидских владетелей, находившихся в зависимости от кушан.

В заключение рассмотрения письменных источников нужно привести касающееся Пахшеба свидетельство Себеоса, писавшего во второй половине V в.

"В то время некто Меркевандак, князь (правитель) восточных стран Персии, храбро поражал войска тетальского царя, и твердою рукой держал Сахл и всю страну кушанскую на другую сторону великой реки, называемой Вехрот, до места, именуемого Казбион"⁵⁵.

⁵⁴ Армянская география V в. по Р.Х. (Приписываемая Моисею Хоренскому), перевод К.П.Патканова, СПб., 1877, стр. 70.

⁵⁵ История императора Ираклия, Сочинение Себеоса, писателя V в., перевод с армянского К.Патканьяна, СПб., 1862, стр. 31.

Меркевандак — это Бахрам Чубин, иранский полководец, воевавший в конце VI в. с турками (а не с эфталитами, как сообщал летописец), Вехрот — река Амударья, а в Казбионе можно узнать Касби, руины которого описаны выше. Не упоминался крупнейший город оазиса — Ер-Курган. Возможно, он уже давно лежал в развалинах.

М.Е.Массон приведенное указание Себеоса использовал для определения северных границ кушанских (тохаристанских — по М.Е.Массону) земель⁵⁶. Конечно, есть основание Нахшеб считать окраиной кушанского государства; дальше к северу можно видеть только признаки влияния этого государственно-го образования.

Здесь уместно коснуться и вопроса о происхождении монет аршакидского типа. Откуда мог быть привнесенным изображенный на реверсе царь, поражающий вставшее на дыбы чудовище? Высказано мнение, что этот образ восходил ко времени ахеменидов⁵⁷. Видимо, имелось в виду скульптурное изображение царя, поражающего чудовище, на дворце Дария в Персеполе⁵⁸. Однако сходство с ним изображений на монете весьма относительное. Можно назвать подлинник, с которого скопирован реверс монеты из Нахшеба — это монеты из города Тарса (Киликия), в Малой Азии, причем они современны ахеменидам и датированы V—VI вв. до н.э.⁵⁹ Но кто же мог занести этот образ в гораздо более позднее время, надо полагать, в III—IV вв. н.э. в Нахшеб? По данным письменных источников, с установлением факта пребывания у власти в этой области

⁵⁶ М.Е.М а с с о н, К вопросу о северных границах государства "великих кушан", ОНУ, 1968, № 8, стр. 19.

⁵⁷ Ж. д е М о г г а н, Manuel de Numismatique Orientale, Tome 1, Paris, 1923-1936, p. 425.

⁵⁸ В.И.А в д и е в, История древнего Востока, М., 1970, стр. 479.

⁵⁹ E. V a b e l o n, Traites des monnaies grecques et romaines, Paris, 1910, Deuxieme partie, p. 362; Troisieme partie, Pl. CVI, No. 8; Sammlung griechischen Munzen aus Museum besitz, Berlin, 1935, Tafel 49, No. 1393.

отпрысков аршакидской династии, этот вопрос нашел свое решение: аршакиды и занесли этот образ в Нахшеб, поскольку известно, что власть представителей этой династии на западе простиралась до Малой Азии. Нумизматические данные подтвердили сведения письменных источников в приведенной выше их интерпретации.

Однако "царь кушан Аршакидской династии" представлял в Нахшебе кушанское государство. В силу причин политического характера, которые, видимо, останутся неизвестными, эта династия являлась представительницей верховных владетелей.

Приведенные сведения письменных источников мы рассмотрели для выяснения, в какой мере население Нахшеба IV-V вв. можно связывать с кушанами и с кушанским государством. Ведь если здесь, среди согдийского земледельческого населения, поселились кушаны, то они смогли оставить какой-то отпечаток и в материальной культуре местного населения, которая является основным предметом нашего исследования. Но что нам известно об их материальной культуре? Поскольку из письменных источников ясно, что они кочевники, то, естественно, изучать их материальную культуру можно было бы по инвентарю из погребений, так как слишком мала вероятность обнаружения остатков их стоянок. Можно предположить, что, как и другие кочевники, они хоронили своих покойников в курганах, но курганы в пределах долины Кашкадарьи еще не исследовались. Более того, в Каршинском оазисе и его ближайших окрестностях еще не найдены памятники этого типа. При раскопках небольших бугров, похожих на курганы, выяснилось, что все они были развалинами отдельных домов. Ближайшие курганы замечены нами в отрогах Зарафшанского хребта⁶⁰ и в зоне Чимкуртанского водохранилища, но они немногочисленны и вряд ли могли иметь к ним отношение. Следовательно, прежде всего, для поисков культуры кушан мы должны обратиться к другим областям, где исследовались курганы.

⁶⁰ С.К.К а б а н о в, Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала, ИИИУ, вып. I, стр. 162-163.

На юге Средней Азии, главным образом в Бишкентской долине, А.М.Мандельштам вел раскопки нескольких могильников⁶¹. Указывая на сложность вопроса "о возможности археологического "опознания" кушан или тохар⁶², А.М.Мандельштам пока не приходит к прямому выводу о том, что исследованные им могильники или некоторые из них относятся к кушанам. Однако он высказывает убеждение, что, по крайней мере, часть погребений относится к кочевникам из Центральной Азии, основавшим кушанское государство. Погребения датированы временем появления их и первыми столетиями их преобладания в Средней Азии, причем по материалам, принадлежащим местному земледельческому населению. Признаки элементов культуры, свойственные самим кочевникам, выявляются лишь предположительно. Не исключено, что эти погребения остались от кочевого населения самой Бактрии (Б.А.Литвинский)⁶³.

Таким образом, несмотря на то, что на юге Средней Азии уже вскрыто более 500 курганов⁶⁴, их точная атрибуция в этническом аспекте еще отсутствует.

В Согде, в соседней Нахшебу с севера долине Зарафшана, исследование курганов вел О.В.Обельченко. Уже после вскрытий Кую-Мазарского и Лявандакского могильников, проведенных в начале 50-х годов, ученый пришел к такому выводу: "Археологический материал рассматриваемых могильников позволяет утверждать, что завоеватели Греко-Бактрии принадлежат к племенам сарматского мира"⁶⁵. Эту свою точку зрения

⁶¹ А.М.Мандельштам, Кочевники на пути в Индию, М.-Л., 1966; О н ж е, Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии, Л., 1975.

⁶² А.М.Мандельштам, Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных, ЦАКЭ, т. I, М., 1974, стр. 195.

⁶³ См.: ЦАКЭ, т. I, стр. 244.

⁶⁴ А.М.Мандельштам, Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии, стр. 131.

⁶⁵ О.В.Обельченко, Лявандакский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 176.

О.В.Обельченко не изменил и после раскопок 1966-1967 гг. в районе Самарканда. По мнению исследователя, начиная с IV в. до н.э., происходило проникновение в Среднюю Азию скифо-сарматских племен из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. "Это проникновение кочевых племен с севера в глубь Средней Азии имело место и в дальнейшем и привело в конце II в. до н.э. к крушению Греко-бактрии"⁶⁶.

Если принять эту точку зрения, то нам вообще не следует искать культуру этих кочевников. Однако, по нашему мнению, О.В.Обельченко несколько упрощает вопрос. Эти племена известны индийским и западным (греческим и римским) источникам под именем тохаров, причём исходное место их движения, по их данным, также находится в Центральной Азии, а проникли они не только до Греко-бактрии, но и до Крыма, где известны под названием сатархи⁶⁷.

Задача выделения из имеющихся археологических материалов элементов культуры древних кочевых народов Средней Азии, переходивших к оседлости, очень сложна. Тем не менее, первые шаги в этом направлении уже сделаны. Признается, что культура Каунчи II с ее характерными зооморфными ручками на кувшинах была свойственна кангюйцам⁶⁸. В Нахшебе, в керамических изделиях лепной работы выделяются два очень характерных признака — светильники с зооморфными ручками и налепной орнамент преимущественно на жаростойких сосудах — курильницах и котлах. Особенно характерны и сопоставимы светильники. Поскольку устанавливается, что на сосудах изображен фарт-охранитель⁶⁹, то это указывает на идеологические представления, однотипные по своему содержанию, но различные по способу выражения. В основе лежит почитание стихии, но кангюйцы в своем фарте вы-

⁶⁶ О.В.Обельченко, Агалыксайские курганы, ИМКУ, вып. 9, стр. 72.

⁶⁷ Ю.М.Десятчиков, Сатархи, ВДИ, 1973, № 1, стр. 142-144.

⁶⁸ Б.А.Литвинский, Кангюйско-сарматский фарт, Душанбе, 1963, стр. 23.

⁶⁹ Там же, стр. 110-111.

ражали почитание воды, древние же жители Нахшеба — огня⁷⁰. Поскольку из письменных источников известно, что в III—V вв. в Нахшебе правили владетели, связанные с кушанами, то мы вправе и некоторые элементы культуры, не свойственные другим культурно-историческим областям, определить, как относящиеся к культуре кушан. Но это была синкретическая культура — они уже по крайней мере три столетия жили среди земледельческого населения. Перешедшие к оседлости кушаны, надо полагать, были хозяевами двухъярусных поселений типа Шортена и Чаукайтепа, с дворами, в наслоениях которых преобладали органические остатки, что указывало на большое значение скотоводства в хозяйстве их обитателей.

К элементам синкретической культуры можно отнести и налепной орнамент на сосудах. Этот вид декоративной обработки, имевший к тому же часто и значение символов, очень характерен, в столь развитом виде он не встречался в других местах. Однако техника налепов на сосудах известна в широком ареале (от Забайкалья до Причерноморья) с эпохи поздней бронзы⁷¹. Примечательно, что применялась она преимущественно народами, находившимися на грани перехода от кочевого скотоводства к земледелию (а именно на этой стадии находились кушаны после появления их на юге Средней Азии). Налепами на севере украшались сосуды типа горшков, кувшинов или хумов. Из сопоставимых материалов отметим подобные находки в Южном Казахстане⁷². Намечается, таким образом, и вторая параллель к приведенной выше: применение налепной техники на севере Средней Азии на сосудах для воды

⁷⁰ С.К.К а б а н о в, Поздние кушаны в Нахшесе, стр.167.

⁷¹ Л.М.Л е в и н а, Керамика и вопросы хронологии памятников Джетнасарской культуры, в со.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, М., 1966, стр. 70-72.

⁷² Н.П.П а д у ш к и н, К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арысь (I—IV вв.), в со.: По следам древних культур Казахстана, Алма-Ата, 1970, стр.105.

(признак культуры кангюйцев), а в Нахшебе — на сосудах жаростойких, применявшихся при использовании огня.

Отметим еще, что налепной орнамент известен и на сосудах, обнаруженных на курганах VI — IV вв. до н.э. С.И. Руденко предположительно определяет эти курганы относящимися к кушанам⁷³.

По мнению М.Е.Массона, кангюйцы-носители культуры, известной в научной литературе под названием Каунчи-П, проникли не только до верхней части долины Кашкадарьи, Кеша, но и до Нахшеба. Особенности, выявлявшиеся в предметах его материальной культуры, в частности зооморфные ручки, считались лишь вариантом этой культуры⁷⁴. Однако наиболее характерные для Каунчи-П сосуды-кувшины с зооморфными ручками в Нахшебе не найдены. С другой стороны, светильники с зооморфными ручками нигде, кроме Нахшеба, не известны. Вряд ли такой характерный признак можно считать вариантом одной культуры. Можно признать, что подоснова у них одна — почитание стихии, как отражение одинакового уровня производительных сил, но то обстоятельство, что одни (кангюйцы) почитают воду, а другие (как считаем мы — кушаны) — огонь, свидетельствует о глубоких расхождениях, которые, на наш взгляд, отражают этнические различия. В силу данных письменных источников, связывающих Нахшеб не с кангюйцами, а с кушанами (что признает и М.Е.Массон), можно считать, что именно с ними связаны характерные признаки материальной культуры Нахшеба.

Вышеприведенные материалы и сопоставления дают основание прийти к такому выводу: в Нахшебе происходил процесс перехода кочевников к оседлости и этими кочевниками были кушаны. Однако загадочно то обстоятельство, что наиболее ха-

⁷³ С.И.Руденко, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.-Л., 1960, стр. 335-340, табл. ХУП, 3-4; ХХУ, 5.

⁷⁴ М.Е.Массон, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр. 19.

ракетные элементы материальной культуры, приписываемые им, вернее, уже синкретической культуре. Нахшеба III-IV вв., не найдены южнее, в Северном Тохаристане, где кушаны определенно были.

При изучении материалов довольно крупных раскопок в Северном Тохаристане обратило внимание отсутствие керамики лепной работы, в то время как в Нахшебе примерно половина всех керамических изделий принадлежала этому виду и именно в них были выражены те специфические особенности, о которых шла речь. На наш взгляд, это наблюдение очень существенно: оно давало отправную точку для ответа на заданный вопрос. Южнее, на территории Северной Бактрии, местные отношения достигли более высокой степени развития, да и уровень развития производительных сил, видимо, был выше. Немаловажное значение для переходящих к оседлости кочевников имела и природная обстановка: в долинах Сурхандарьи и Шерабада не было таких обширных травянистых степей, как вокруг Нахшеба. В таких условиях завоеватели-кочевники очень скоро утратили самобытные черты в своей культуре и полностью восприняли культуру земледельческого населения. В этой связи наш тезис подтвердило бы определение Тулхарского могильника как относящегося к кушанам. Напротив, в Нахшебе влияние кочевников на земледельческое население было особенно сильным, хотя и не уничтожающим; видимо, в этом и состояла одна из важнейших специфических черт в развитии общества в Нахшебе рассматриваемого времени.

Как уже отмечалось, период III-V вв. в аспекте развития социальных отношений определен нами как поздний этап в развитии рабовладельческого общества; в аспекте этнических отношений его можно определить как позднекушанский. С изучением этого периода в истории Нахшеба связан и еще один вопрос — о столице кидаритов⁷⁵.

⁷⁵ С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, ВДИ, 1953, № 2, стр. 205-206.

По данным письменного источника, город Боло находился в Нахшебе, причем именно в этом городе поселился Кидар. Несмотря на ясность указания источника, вывод о локализации этого города в Нахшебе не принят многими исследователями⁷⁶. Конечно, прежде всего довели ранее высказанные мнения известных ученых по этому вопросу. Напомним, что до И.Маркварта (до начала XX в.) он идентифицировался с Балхом. И.Маркварт отбросил эту идентификацию, отождествив его с городом Балхан близ юго-восточных берегов Каспийского моря. По мнению С.П.Толстова, занимавшегося вопросами локализации кидаритов, место обитания их — Кердер, расположенный близ берегов Ахальского моря. Однако о городе Боло он даже не упоминал⁷⁷.

Существовали и трудности с определением времени действия кидаритов на исторической арене: по нумизматическим данным, а также по мнению некоторых исследователей оно определялось второй половиной IV в., а письменными источниками — V в. Для того, чтобы "примирить" данные нумизматических и письменных источников, А.М.Мандельштам пытался доказать, что в хронике Приска Панийского — единственном западном источнике о Кидаре и кидаритах — говорилось не о кидаритах, а о хионитах⁷⁸. Однако известно, что Приск Панийский (410/420—472 г.) выполнял дипломатические поручения византийского правительства⁷⁹ и писал о современных

⁷⁶ А.М.М а н д е л ь ш т а м в статье "К вопросу о кидаритах", специально посвященной рассмотрению письменных источников о кидаритах (Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (КСИЭ), XXX, М., 1958), счел возможным даже не упомянуть об этом сообщении.

⁷⁷ С.П.Т о л с т о в, Города гузов, СЭ, 1947, № 3, стр. 76—78; Он же, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 277; Он же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 241, 244.

⁷⁸ А.М.М а н д е л ь ш т а м, К вопросу о кидаритах, стр. 71—72.

⁷⁹ G u l i a M o r a v s e i k, Byzantinoturcica, Die byzantinischen quellen der Geschichte der Turkvolker, Band 1, Berlin, 1958, s. 479—480.

ему событий. Конечно, он был полностью в курсе международных событий своего времени и такой путаницы в названиях народов, пусть отдаленных, не мог допустить. В записи от 468 г. он отмечал: "В это время пришло из Персии посольство с известием, что Персы одержали победу над Уиннами Кидаритами и осаждают город их Валаам. Объявляя об этой победе, они хвастали ею по варварскому обычаю, желая показать, как велика их сила. После этого объявления они тотчас же были царем отпущены"⁸⁰. Город Балаам (Валаам) и есть город Боло, как это определил еще И. Маркварт, а до него Н. И. Веселовский⁸¹.

Позднее доказано отсутствие расхождений между нумизматическими и письменными источниками. В. Г. Луконин показал, что, по нумизматическим данным, началом выпуска кидаритских монет следует считать 390-430 г.⁸² Это соответствовало и предложенной нами ранее дате поселения больших кушан в Нахшебе - около 420 г.⁸³ Время ухода кидаритов из Нахшеба, по крайней мере их правителей, определялось 468 г., когда Перозом был взят их город Валаам, об осаде которого византийскому двору сообщали персидские послы.

Вопрос о локализации столицы кидаритов осложнялся также и тем, что нумизматические данные о Кидаре заставляли предполагать местонахождение его в Северной Индии: только там найдены монеты с упоминанием имени Кидара, причем легенда монет выполнена шрифтом брахми, многих выпусков⁸⁴ о чеканкой по сасанидскому образцу⁸⁵. Возникает вопрос,

⁸⁰ Сказание Приска Панийского, Перевод Г. С. Дестуниса, СПб., 1860, стр. 97-98.

⁸¹ См.: С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, стр. 205.

⁸² В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, Л., 1967, стр. 33.

⁸³ С. К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III-IV веках, стр. 172; Л. Н. Гумилев, Древние турки, М., 1967, стр. 14.

⁸⁴ R. G'öbl, Dokumente, Band I, n. 24, 43-47.

⁸⁵ Idem, Band III, Tafel 10-12.

как же могла быть столица кидаритов в Нахшебе, если их основные владения находились в Индии? Полагаем, что свидетельство письменного источника в сопоставлении с исторической обстановкой того времени позволяет дать удовлетворительный ответ и на этот вопрос.

Письменный источник сообщает, что Кидар совершил поход в Индию и завоевал там пять государств⁸⁶. Какова же была политическая обстановка в начале V в. в Северной Индии? Государство Великих кушан разрушено после двух походов Шапура II в Индию, из них последний предположительно состоялся в 371 г.⁸⁷, но правили еще эпигоны великих кушан, разделившие страну на мелкие владения и чеканившие монеты по сасанидскому образцу. В результате успеха похода Кидара кушанские владетели, признав свою зависимость от него, продолжали чеканить монеты прежнего типа. Зависимость от Кидара они выражали легендой с его именем ("Кидара кушана шахи"), наносившейся на первых порах надчеканом⁸⁸. Конечно, эти монеты выпускались для местного населения и не имели никакого отношения к Нахшебу, где использовались нахшебские монеты. Возможно, что и выпуск их продолжался во время кратковременного господства кидаритов, поскольку монеты по своей направленности, в конфронтации с сасанидами, не противоречили их политике.

При таких условиях выявилось значение города Балаам для Кидара и кидаритов, как тыловой базы, владетели которой, в основном, проводили время в походах и войнах. В этой связи следует отметить то обстоятельство, что Р. Гёбль, не учитывая известий Приска Панийского о борьбе кидаритов с сасанидами, приходит к выводу об их союзнических отношениях⁸⁹. Это и не удивительно, поскольку рассматривавшиеся

⁸⁶ Н. Я. Бичурин, т. II, ч. III, стр. 264.

⁸⁷ R. G. B. I, Dokumente, Band II, S. 52.

⁸⁸ В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, стр. 33.

⁸⁹ R. G. B. I, Dokumente, Band II, S. 269.

им монеты чеканились по сасанидскому образцу, а других источников для освещения вопроса Р. Гёбль не привлекал. Одну из крупных групп нумизматических памятников Р. Гёбль называл ⁹⁰ (по написанию легенды) и связывал их с Нахшебом⁹⁰, монеты эти выпускались в районах Газны и Кабула. Вряд ли можно как-то обосновать эту связь по данным других источников. Вероятно только предположить, что, поскольку начало выпуска этих монет датировалось примерно 460 г.⁹¹, то после поражения кидаритов в 468 г. они ушли на юг, и, не дойдя до Индии, остановились в районе Газны. На сколько вероятно такое предположение, покажут будущие исследования в области нумизматики и лингвистики.

В ответе приведенных данных представляется доказанным, что город Балаам был именно в Нахшебе. Кажется также несомненным, что развалины этого города — крупнейшее древнее городище Ер-Курган⁹², «с мощной фортификацией», датированное IV—V вв. Однако по вопросу о локализации города Балаам в пределах оазиса М. Е. Массон высказал другое мнение. Принимая и подчеркивая тот факт, что он находился в Нахшебе, М. Е. Массон предлагал его развалинами считать Кала-и Захок-и Марон⁹³. Выше указано, что площадь этого городища довольно значительна — 16 га. Однако М. Е. Массон считал, что это только центральная часть городища, общая же его площадь, обнесенная ранее не замеченной археологами стеной, достигала 225 га, т. е. превышала не только городище Ер-Курган (около 150 га), но и крупнейшее в Согде городище Афрасиаб (218 га). Нам не известны эти длинные стены⁹⁴.

⁹⁰ Idem, p. 8.

⁹¹ Idem, Band I, v. 25.

⁹² С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, стр. 201—207.

⁹³ М. Е. М а с с о н, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр. 20—28.

⁹⁴ На планах Кала-и Захок-и Марон, опубликованных М. Е. Массоном (см.: Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр. 24—25), не указана ориентировка: сторона памятника, отмеченная восточной, в действительности являлась северной. Соответственно менялась и ориентировка всех других сторон.

им монеты чеканились по сасанидскому образцу, а других источников для освещения вопроса Р.Гёбль не привлекал. Одну из крупных групп нумизматических памятников Р.Гёбль называл *срх* (по написанию легенды) и связывал их с Нахшебом⁹⁰. Монеты эти выпускались в районах Гавны и Кабула. Вряд ли можно как-то обосновать эту связь по данным других источников. Вероятно только предположить, что, поскольку начало выпуска этих монет датировалось примерно 460 г.⁹¹, то после поражения кидаритов в 468 г. они ушли на юг, и, не дойдя до Индии, остановились в районе Гавны. Насколько вероятно такое предположение, покажут будущие исследования в области нумизматики и лингвистики.

В ответе приведенных данных представляется доказанным, что город Балаам был именно в Нахшебе. Кажется также несомненным, что развалины этого города - крупнейшее древнее городище Ер-Курган⁹², с мощной фортификацией", датированное IV-V вв. Однако по вопросу о локализации города Балаам в пределах оазиса М.Е.Маассон высказал другое мнение. Принимая и подчеркивая тот факт, что он находился в Нахшебе, М.Е. Маассон предлагал его развалинами считать Кала-и Захок-и Марон⁹³. Выше указано, что площадь этого городища довольно значительна - 16 га. Однако М.Е.Маассон считал, что это только центральная часть городища, общая же его площадь, обнесенная ранее не замеченной археологами стеной, достигала 225 га, т.е. превышала не только городище Ер-Курган (около 150 га), но и крупнейшее в Согде городище Афрасиаб (218 га). Нам не известны эти длинные стены⁹⁴.

⁹⁰ Idem, p. 8.

⁹¹ Idem, Band I, v. 25.

⁹² С.К.К а б а н о в, К вопросу о столице кидаритов, стр. 201-207.

⁹³ М.Е.М а с с о н, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр. 20-28.

⁹⁴ На планах Кала-и Захок-и Марон, опубликованных М.И.Маассоном (см.: Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр. 24-25), не указана ориентировка: сторона памятника, отмеченная восточной, в действительности являлась северной. Соответственно менялась и ориентировка всех других сторон.

Топоним "Рудак" сохранился в названии "Рудак-сай". Мы осмотрели это сухое русло с крутыми обрывами высотой до 3-4 м, в которых видны проломы керамики X-XII вв. Находилось оно в I-I,5 км к западу от Ер-Кургана. Возник вопрос: о каком же Нахшебе, обрамлявшем этот участок земли с востока, может говорить письменный источник? Конечно же, это были руины города, известного теперь как Ер-Курган. Следовательно, еще в XV в. в памяти людей сохранилось (одно тысячелетие) воспоминание об этом главном городе Нахшеб, хотя название собственно города, донесенного до нашего времени письменными источниками в иноземном произношении, - Боло-Балаам - уже не сохранилось.

Приведенное свидетельство из документа XV в. не говорит в пользу вывода М.Е.Маассона о том, что Кала-и Захок-и Марон является руинами раннесредневекового города Нахшеба или Боло. В этом источнике ясное подтверждение, что руины его-городище Ер-Курган.

Материалов для освещения вопросов этнической истории в V-VI вв. гораздо меньше. Из них прежде всего вызвал интерес уникальный памятник - погребение в Безымянном бугре 4 близ Пирмат-бабатепе. Вряд ли сейчас удастся полностью выяснить его значение. Тем не менее, мы выскажем свое мнение по вопросу о том, какой народности из известных по письменным источникам принадлежали погребенные в этом небольшом бугре.

При описании материалов вскрытия погребения мы уже сделали вывод, что совершенно оно не ранее конца V в., поскольку само поселение, как и все другие, расположенные по западную сторону Бури-арька, могло быть еще обитаемым в V в. Труднее определить возможный поздний предел, ибо материал, хотя и характерный, но дает мало оснований для датировки. Однако теперь, исходя из общей ситуации, мы можем предполагать большую вероятность наиболее ранней даты. В самом деле, ведь если вся группа поселений оставлена в одно время, то это могло произойти лишь в результате военных действий во время осады города Балаам в 468 г. Следовательно, после этой даты и могли совершить описанное погребение.

Использование для погребения отдельного помещения свидетельствовало о том, что оно совершено в свежих руинах: еще можно было различить отдельные помещения. Ведь, если бы отдельные помещения ваплыли, никто не стал бы их расчищать, погребение было бы совершено в заново выполненной могиле. Следовательно, мы можем принять, что погребение было совершено в конце V в.

Для определения этноса погребенных оущественно установить, каким было погребение — одновременным или последовательным. В отношении верхних двух ярусов ясно без всяких сомнений, что это одновременное захоронение. Правда, первоначальная картина погребения в результате ограбления сильно искажена, но нет никаких данных полагать, что верхнее совершено позднее: весь олой в глубину оставил 40—50 см без всяких промежутков между ярусами. Только нижнее погребение, видимо, совершено несколько раньше: череп погребенного на полу человека был смещен и лежал под одним из двух рядом положенных костяков, сохранившихся *in situ* во втором ярусе. Такое положение его дает основание полагать, что нижнее погребение потребовано при совершении вторичного погребения, которое было групповым и последним.

Итак, для определения этнической принадлежности погребенных выявлен важный признак — одновременность захоронения почти их всех. В связи с этим уместно привести свидетельство Прокопия Кесарийского (VI в.) об одном обычае эфталитов: "Самые богатые из них приобретают себе друзей, человек до двадцати и более: друзья всегда обедают вместе с ними, разделяют их достаток, имея на него общее с ними право. Когда же тот, кто приобрел друзей, умрет, то по закону и они должны быть положены в гроб вместе с ним, визне"⁹⁷.

Учитывая, что летописец был посторонним человеком и ему известна только основа обычая — закон, а не его вы-

⁹⁷ Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готами, Перевод с греческого С. Дестуниса, т. I, СПб., 1862, стр. 14.

полнение в конкретных обстоятельствах, не исключен элемент преувеличения. Но можно считать, что этот обычай отражен в исследованном погребении: смерть одного, крупного мужчины, скелет которого лежал сверху, повлекла за собой и смерть остальных, по крайней мере еще пяти человек, в том числе и ребенка. Подобные обычаи существовали и у других народов на ранних стадиях развития классового общества⁹⁸.

Приведем еще одно указание письменных источников об эфталитах.

"Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах. Вместе с покойником кладут в могилу вещи, ношенные им"⁹⁹.

В Нахшебе — типичной аллювиальной равнине — даже небольшая постройка из камня была бы очень дорогим предприятием. В данном случае склеп заменил оставленный дом.

Единовременное захоронение группы людей — семьи (?) в основном совпадало с данными письменных источников об особенностях обряда погребения эфталитов. Существенным противоречием яв. лоя только признак первичного погребения одного человека. Возможно, что это отражение неизвестной нам особенности в обряде захоронения.

Важные данные для определения этноса погребенных получены при изучении краниологических материалов¹⁰⁰, из семи найденных черепов четыре имели искусственную деформацию широко распространенного кольцевого типа¹⁰¹. Антропологический тип — европеоидный — относился к восточному варианту среднеземноморской расы. В строении лицевого ске-

⁹⁸ А. П. К о в а л е в о к и й, Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг., Харьков, 1956, стр. 264; С. А. П л е т н е в а, От кочевий к городам, М., 1967, стр. 80.

⁹⁹ Н. Я. Б и ч у р и н, т. II, ч. III, стр. 269.

¹⁰⁰ В. Я. З е з е н к о в а, Краниологический материал из Кашкадарьинской области, ИМКУ, вып. 9, стр. 115-130.

¹⁰¹ В. В. Г и н з б у р г, Т. А. Т р о ф и м о в а, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972, стр. 329-335.

лета на трех черепах отмечалось наличие примеси экваториальных черт¹⁰².

Признак кольцевой деформации сам по себе не мог служить основанием для хронологических или этнических определений. Однако нельзя оставить без внимания тот факт, что деформация этих черепов (рис. 44, I, 2) вполне аналогична деформации черепа эфталитского владетеля Северной Индии Михиракулы (515–544) (см. рис. 44, 3). Приведенная аналогия не случайна: об этом свидетельствовало наличие экваториальных черт в строении черепа трех погребенных в Безымянном бугре; поскольку Михиракула известен как эфталит¹⁰³, мы имели еще один факт в пользу определения исследованного погребения как эфталитского.

Время совершения погребения совпадало с данными письменных источников о появлении эфталитов в Согде. Завоевание Согды эфталитами К. Эноки определил 473–479 г.¹⁰⁴ Движение эфталитов к северу Б. И. Маршак относил к более позднему времени: взятие Самарканда – не ранее 509 г.¹⁰⁵ Как нам кажется, датировка К. Эноки более вероятна, поскольку указанное им время после поражения кидаритов в 468 г. было смутным в Хакшиеве: обстановка облегчала вторжение завоевателей. Впрочем, разница в датировках составляла только 30 лет, что с дистанция наблюдения в 1500 лет не так уж много, если иметь в виду датировку погребения.

¹⁰² В. Я. Везенкова, Краниологический материал из Кашкадарьинской области, стр. 122–123.

¹⁰³ Charles de Ujfalvy, Memoires sur les Huns blancs (Ephthalites de L'Asie centrale, huns de L'Inde) et sur la deformation de leurs crânes, L'Anthropologie, 1898, t. IX, No. 4, p. 392–397.

¹⁰⁴ K. Enoki, On the Nationality of the Ephthalites, Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko (The oriental library), No. 18, Tokyo, 1959, p. 27. В работе дан полный обзор литературы по вопросу об эфталитах, их происхождении и этносе.

¹⁰⁵ Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана в Уз., в сб.: Страны и народы Востока, вып. X, М., 1971, стр. 65.

Итак, мы имеем некоторые основания предположить, что исследованное погребение эфталитское. Однако следует отметить, что уже известны памятники этой категории, определяемые как эфталитские, хотя иногда и предположительно. В частности, погребение близ селения Сетх=аоад, в 6-7 км от знаменитого Беграма в Афганистане, совершенно по эфталитскому обычаю¹⁰⁶. Исследованы относимые к эфталитским погребения в Вахане¹⁰⁷ и Фергане¹⁰⁸, имевшие особенности в деталях устройства и в инвентаре. Однако ни в одном из них не было столько одновременно погребенных, сколько в бугре близ Пирмат=бабатапа. Отсутствовали оведения об искусственной деформации черепов в других местах. Судя по нумизматическим памятникам, этот признак характерен для эфталитов. Нигде не отмечены и экваториальные черты в строении черепа погребенных. Эти признаки усилили вероятность определения данного погребения как эфталитского, но не исключили и предположения других исследователей, поскольку в разных местностях могли быть свои особенности в совершении погребального обряда. Что же касалось искусственной деформации черепа, то нужно согласиться с тем, что это признак не этнический, а социальный¹⁰⁹.

До недавнего времени считалось, что эфталиты-стелняки, ведущие кочевой образ жизни. В 50-х годах К. Эноки и Л. Н. Гумилев¹¹⁰ пришли к выводу, что они относились к приамирским горцам, племена которых иранского или арийского происхождения, т.е. по своему расовому типу они европеоиды. Краниологические материалы из исследованного нами пог-

106. R. G. H i r s h m a n, Les Chionites - Herhtalites, Le Caire, 1948, p. 1-6.

107 А. Д. Б а б а е в, Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана, Душанбе, 1965, стр. 16-18.

108 В. Г. Г а ф у р о в, Таджики, М., 1972, стр. 209.

109 В. Я. З е з е н к о в а, Краниологический материал из Кашкадарьинской области, стр. 128-129.

110 Л. Н. Г у м и л е в, Эфталиты и их соседи в IY в., ВДИ, 1959, № I, стр. 140.

ребения подтвердили этот вывод. О том, что эфталиты жили в Нахшебе, причем, как господствовавшая социальная прослойка в период между 473-479 и 563-567 гг.¹¹¹, овидетельствовало наличие изображения владетелей на поздних нахшебских монетах. Как уже отмечалось, среди нахшебских монет различались два разновременных типа: на аверсе более древних из них изображен владетель в шлеме, а на более поздних — без головного убора, с ниспадавшими прядями волос, иногда со странной прической в виде двух пучков. Нет сомнения в том, что это изменение вызвано сменой династий владетелей. Напомним, что монеты древнего вида выпускались владетелями из дома аршакидов, более позднего — уже другой династией. Здесь речь идет о монетах, найденных в верхнем слое Шортала и на однослойном памятнике Аултапа, датированных также и керамическими материалами в пределах V-VI вв. Но ведь и время правления эфталитов, на основе сопоставления данных письменных источников, определено в пределах этих же веков; продолжительность их правления 90-100 лет. Следовательно, мы можем прийти к выводу, что на монетах позднего типа изображены именно эфталитские владетели. На некоторых из изображений можно видеть признаки искусственной деформации черепа. Отчего же произошли эти изменения? Общий тип монет, легенда и изображение на реверсе (царь, поражающий вставшего на дыбы льва) остались неизменными, к таким монетам привыкло местное население. Однако изображение владетеля менялось в связи с приходом новой династии, с другими обычаями. Некоторым из них придавался устрашающий облик, видимо с целью оказать определенное впечатление как на подвластное население, так и на врагов за пределами владений. М. Е. Массон считал, что на нахшебских монетах позднего типа, датированных им III-IV вв.¹¹², изображены пар-

¹¹¹ После 567 г., потерпев поражение от тюркских владетелей, они были изгнаны из Согда.

¹¹² М. Е. М а с с о н, Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен, стр. 17-19. Следует отметить, что нахшебская монета раннего типа, найденная в 1967 г. на Пирмат-бабатепа, еще не была известна во время работы М. Е. Массона над названной книгой.

фянские владетели.

Если в аспекте определений социального строя период У-УІ вв. можно назвать временем становления феодализма, то в аспекте этнических определений его можно характеризовать как афталитско-согдийский.

В политической истории Нахшеба УІ-УІІ вв. наиболее значительное явление - тюркское завоевание - в сфере социальных отношений ознаменовалось возведением нового замка, развалинами которого было Культепа. Появились новые элементы материальной культуры, отмеченные в комплексе этого памятника, а также ряда других. Особенности более ранней традиции в гончарстве отчетливо выражены в среднем слое Каджартепа.

Период раннего феодализма (УІ-УІІ вв.) в аспекте этнической истории можно назвать тюркско-согдийским.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы первых относительно систематических исследований памятников низовой части долины Кашкадарьи в сопоставлении с данными письменных источников дали возможность в некоторой мере осветить мало изученный период истории большого древнего земледельческого оазиса. Сложность событий этого периода в определенной мере обуславливалась окраинным положением оазиса в Согде: к югу от Нахшеба находился Тохариотан с его кушанскими владельцами, к западу — Парфия, за которой простирался Иран. Борьба поздних кушан и парфян с сасанидами нашла свое отражение и в истории Нахшеба, ее проявления, полагаем, установлены в нашем исследовании. Затем следовало завоевание эфталитов — пришедших с юга припамирских горцев, примерно на столетие установивших свое господство над прилегавшими к горам странами от Согда до Северной Индии. Позднее последовало завоевание степняков-тюрков, а под конец периода на историческом горизонте появились воины арабского халифата.

Таким образом, политическая история Нахшеба в период III—VII вв. была весьма сложной. Однако не завоевания определяли ход поступательного развития общества, переживавшего в это время весьма сложный и важный процесс преобразования — переход от рабовладельческой социально-экономической формации к феодальной. Этот процесс происходил повсеместно в наиболее развитых странах мира, происходил он и в Нахшебе. Именно он, обусловленный ростом производительных сил общества, лежал в основе тех важных изменений структуры, которые установлены и по материалам исследований в Нахшебе.

Многочисленные еще сохранившиеся развалины древних и средневековых поселений — свидетели событий давно минувших веков — являются культурным достоянием неизмеримой ценности: только дальнейшее их исследование может дать новые материалы для восстановления истории народов Средней

Азии в периоды, столь мало освещенные письменными источниками. В условиях социалистического преобразования края непрерывной частью работ является сохранение памятников истории, их археологическое изучение.

Оглавление

	Стр.
От автора.....	3
Введение.....	4
Глава I. Археологические разведки в Каршинском оазисе.	
Каджартепа.....	12
Мудинтепа.....	21
Городище Ер=Курган.....	23
Шортепа.....	28
Негузтепа.....	30
Дагайтепа.....	32
Материалы к археологической карте.....	37
Глава II. Сельская округа.....	68
Глава III. Юго=Западный Согд в период социальных сдвигов и войн.....	87
Исторические свидетельства и периодизация памятников.....	87
О структуре общества.....	97
Вопросы этнической истории.....	109
Заключение.....	134
Иллюстрации.....	137

Сергей Кузьмич Кабанов

Нахшоб на рубеже древности и средневековья
(III-IV вв.)

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии, Отделением
истории, языковедения и литературоведения АН УзССР

Редактор А. Михерева

Художественный редактор А. Раоулев

Корректор А. Петренко

Р08404 Подписано к печати 27/X-76 г.

Формат 60x90 1/16. Печ. л. II,0 Уч.-изд. л. 7,5.

Изд. № 1912, Тираж 500. Заказ 1/1/1 Цена 1р.27 к.

Типография издательства "Фан" УзССР, Ташкент, пр. М. Горького, 79.
Адрес издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

ИЛЮСТРАЦИИ

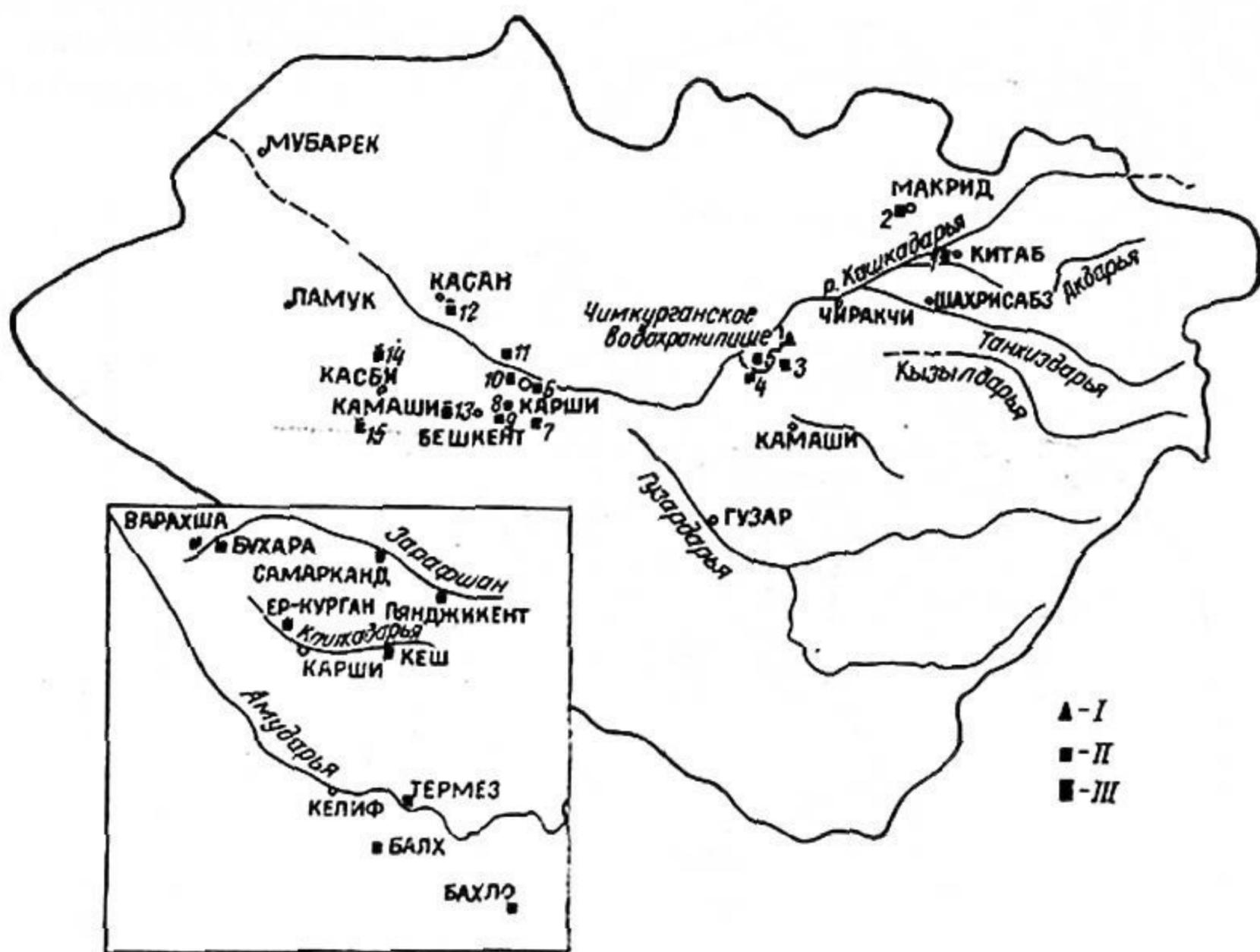

Рис. 1. Схема расположения крупнейших из исследованных археологических памятников в долине Кашкадарьи:

I — поселение времен поздней бронзы (VII—VI вв. до н. э.); *II* — памятники эпохи рабовладельческого общества; *III* — памятники эпохи рабовладельческого общества со средневековыми наслоениями; 1 — городище в Китабе (Каляндартепа); 2 — Кургантепа; 3 — Кендиклитепа; 4 — Жангальтепа; 5 — Аултепа; 6 — Шорттепа; 7 — Кала-и Захок-и Марон; 8 — Пирмат-бабаттепа; 9 — Коштепа; 10 — Шулюктепа; 11 — Ёр-Курган; 12 — Касантепа; 13 — Кад-жартепа; 14 — Касбиттепа; 15 — Куня-Фазли.

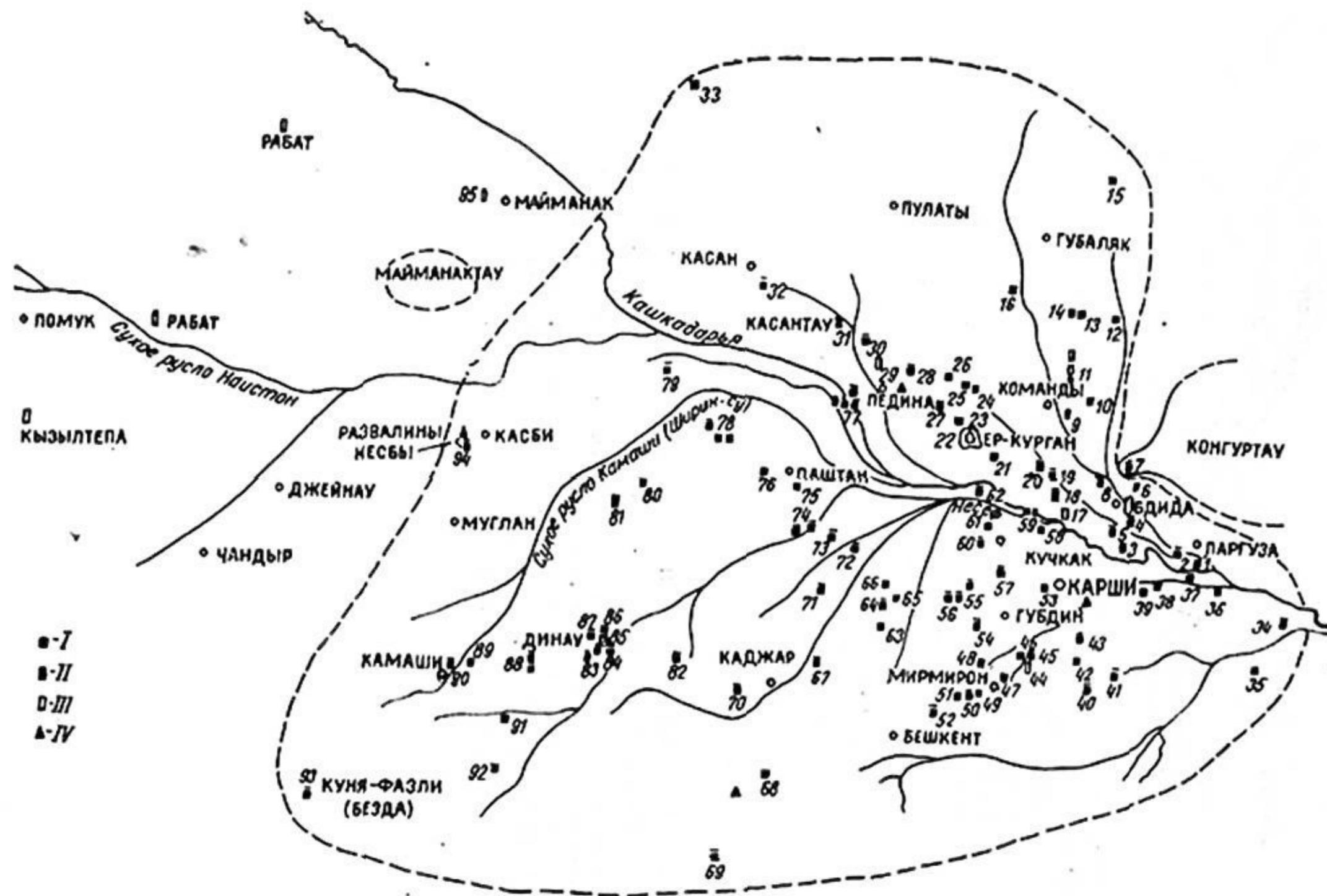

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников Каршинского оазиса:

I — эпохи рабовладельческого общества; II — эпохи рабовладельческого общества со средневековыми наслоениями; III — эпохи феодализма; IV — архитектурные памятники.

Рис. 3. Каджартепе. Схе-
матический план:

1-4- раскопы № 1-№ 4.

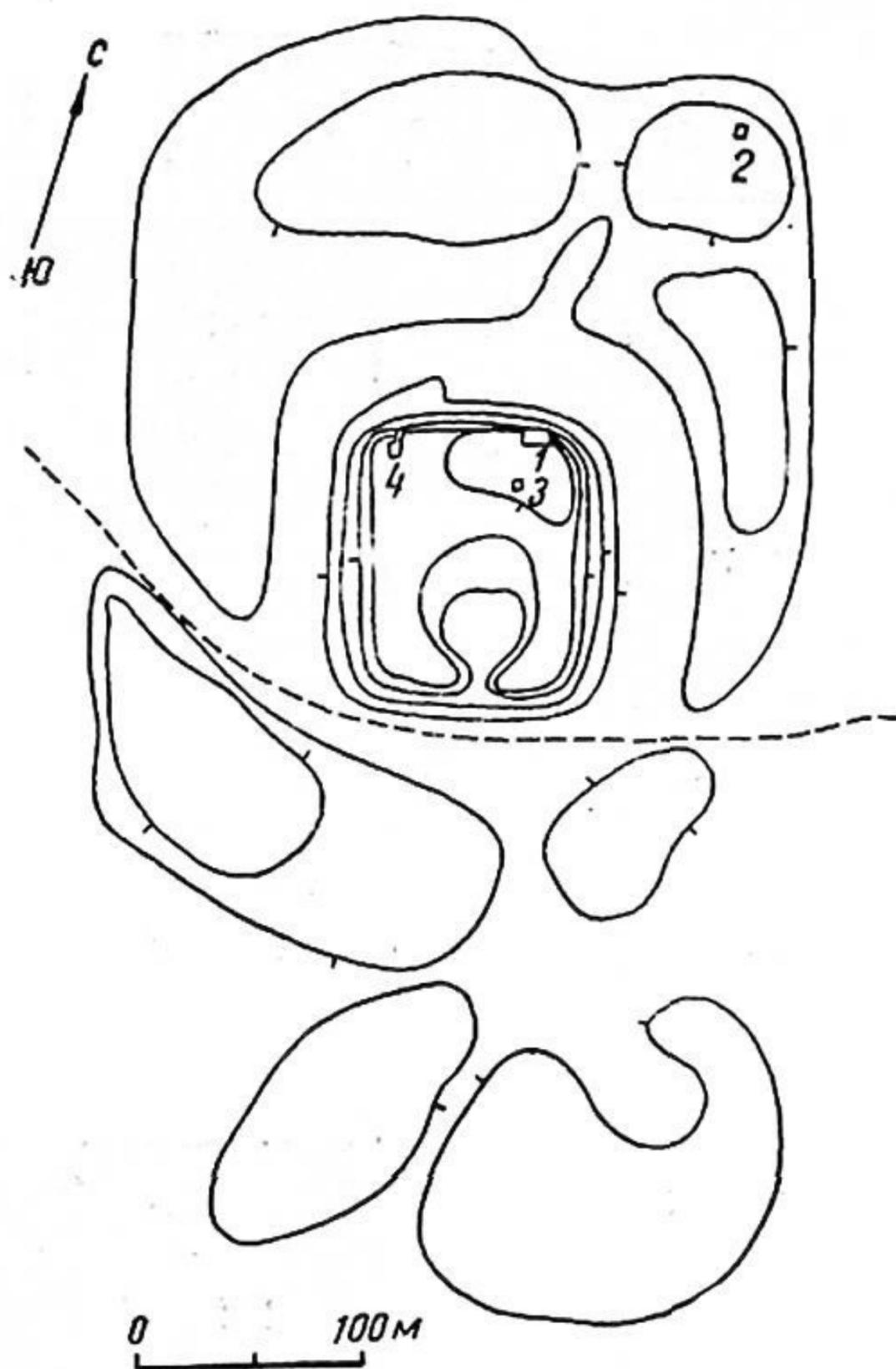
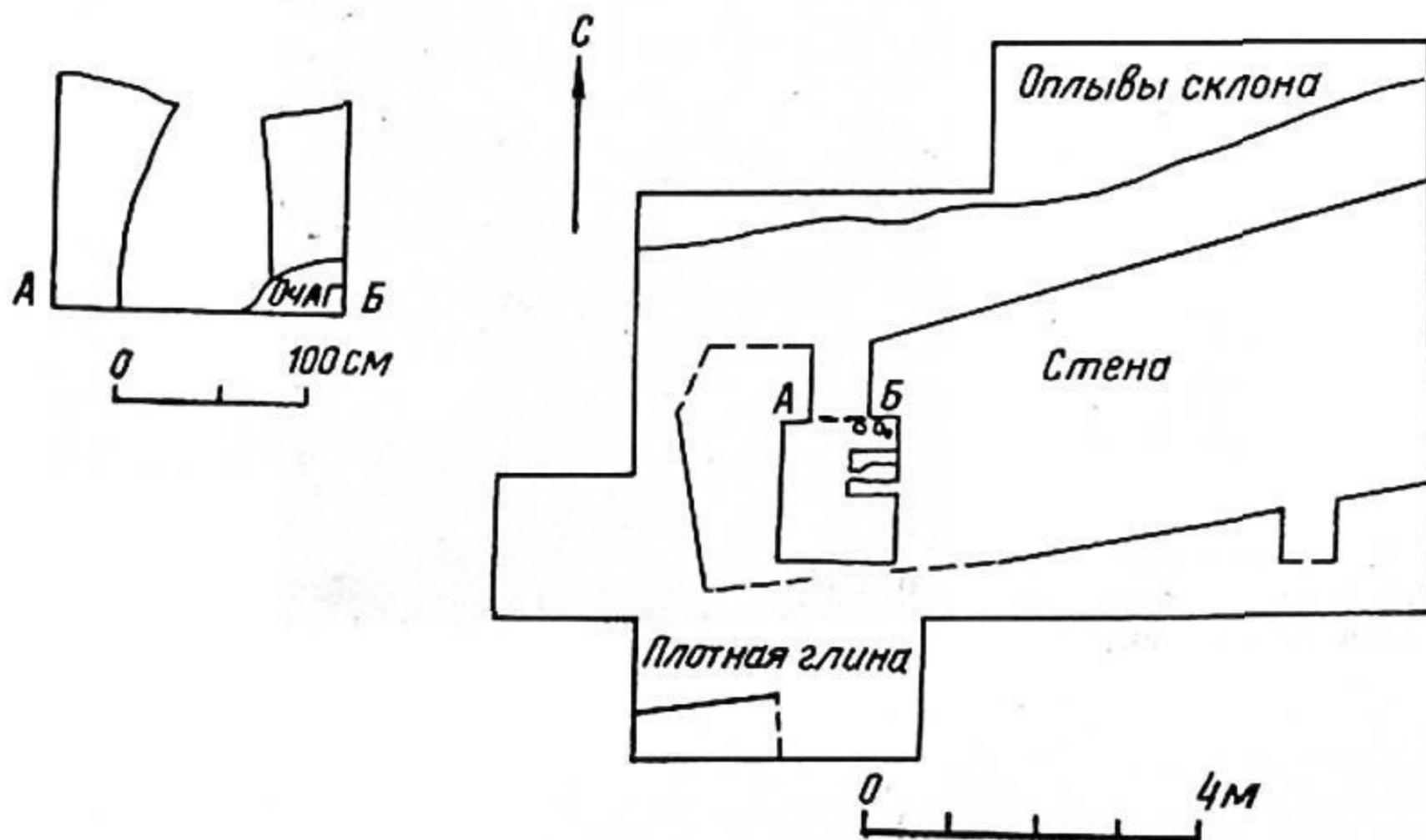

Рис. 4. Каджартепе.
План раскопа 1 и схе-
матический разрез входа
в помещение (А-Б).

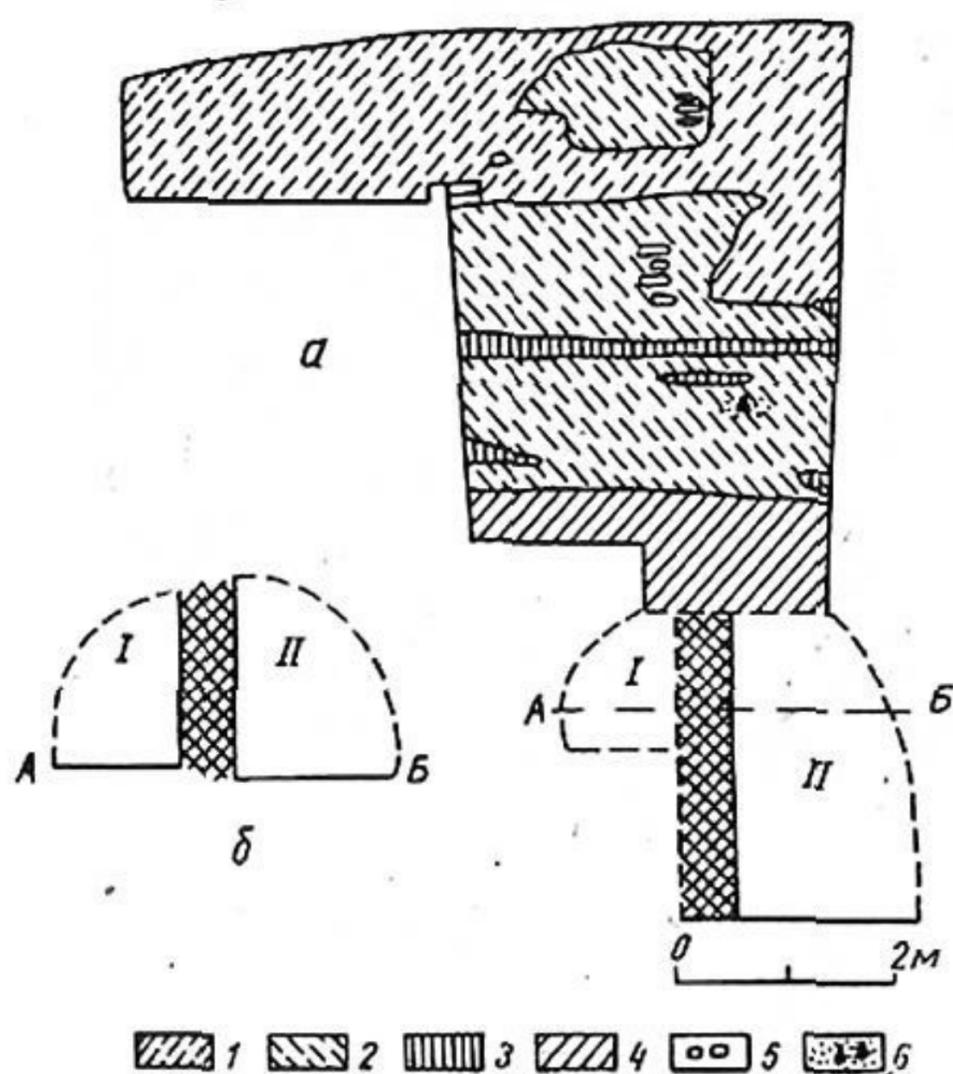

Рис. 5. Каджартепа:

a—восточная стенка раскопа 4; *б*—план помещений по линии *A—B*; 1—рыхлый завал из глины, органических остатков, золы; 2—светло-желтая глина; 3—органические остатки; 4—темно-желтая плотная глина; 5—сырцовый кирпич; 6—зола, уголь; I и II—соответственно северное и южное помещения.

Рис. 6. Каджартепа. Керамические изделия из слоя III—V вв.

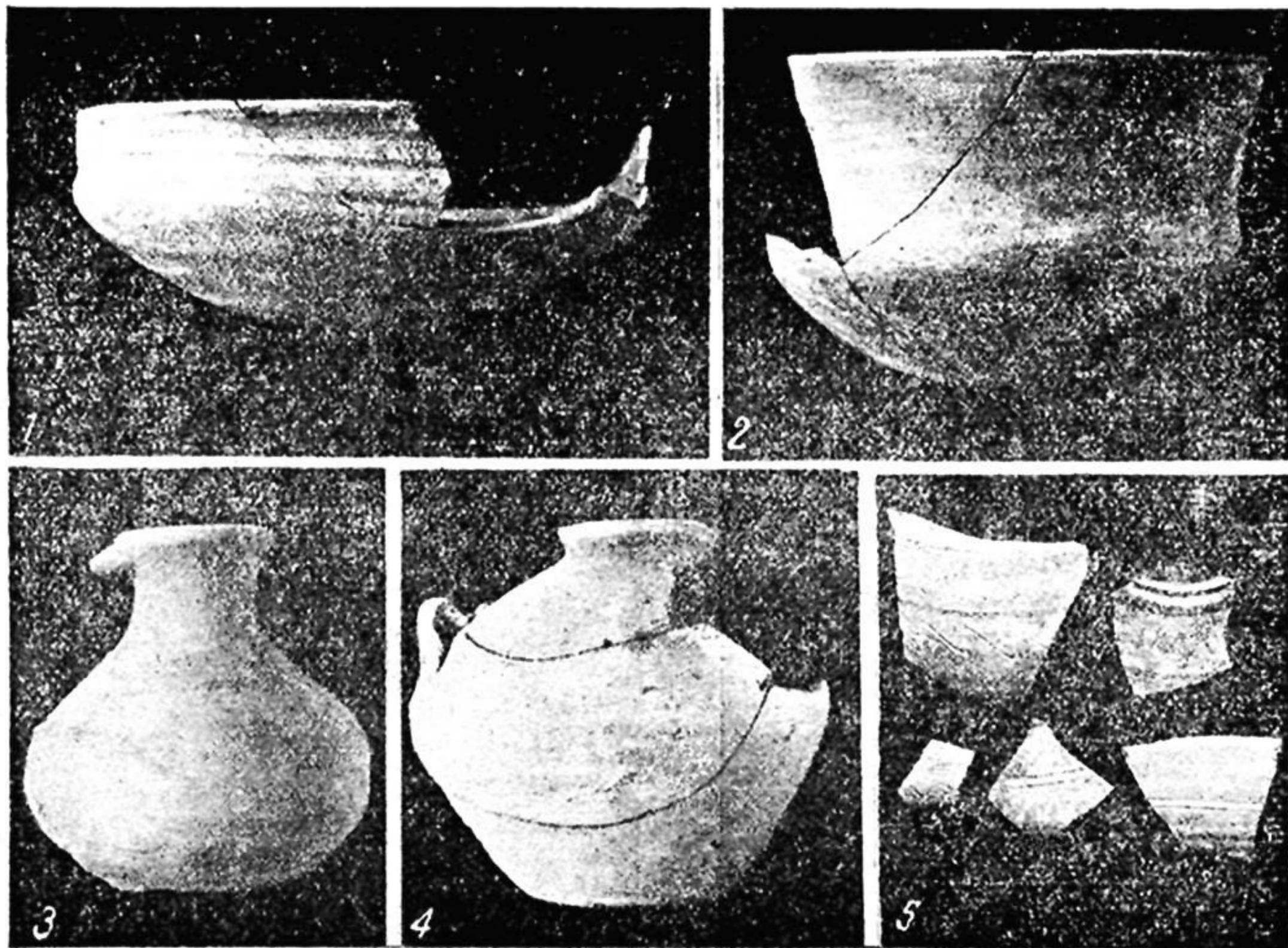

Рис. 7. Каджартепа. Керамика из среднего слоя (VII в.).

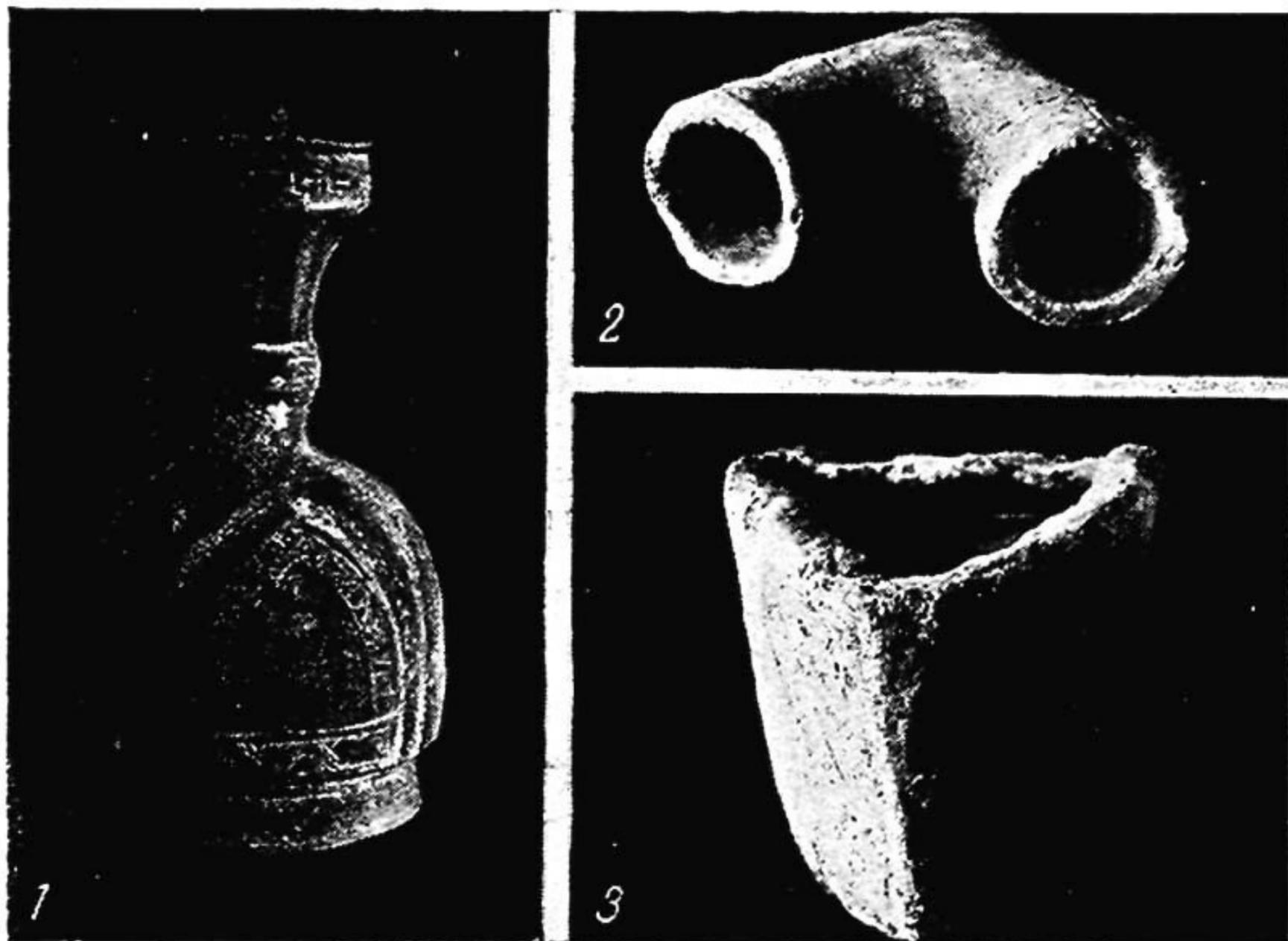

Рис. 8. Каджартепа.
Материалы из верхнего
слоя (XI—XII вв.).

Рис. 9. Каджартепа.
Кость с надписью.

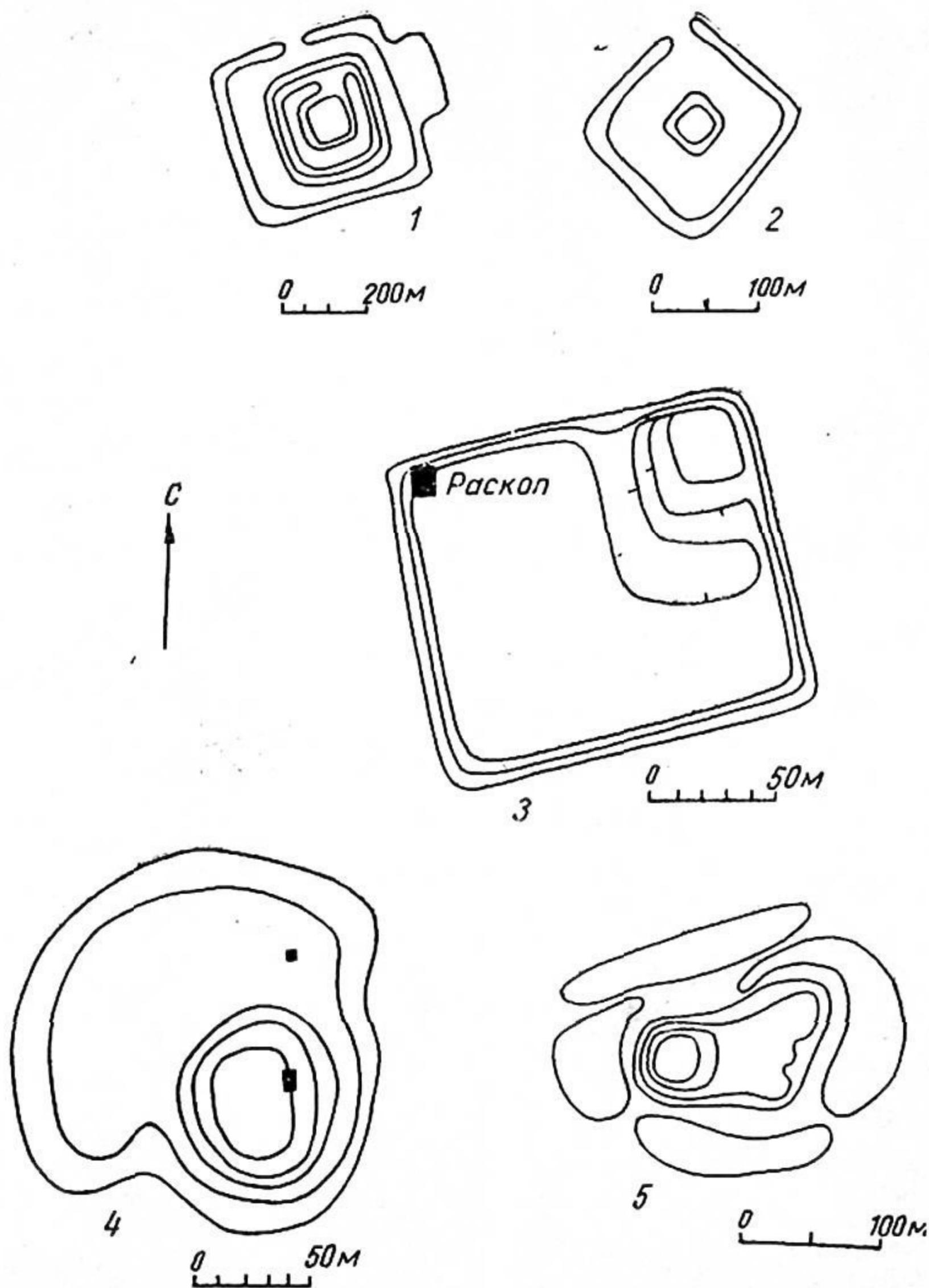

Рис. 10. Схематические планы памятников основных типов:
 1—Кала-и Захок-и Марон; 2—Актепа; 3—Мудинтепа; 4—Палвантепа; 5—Тешиктепа.

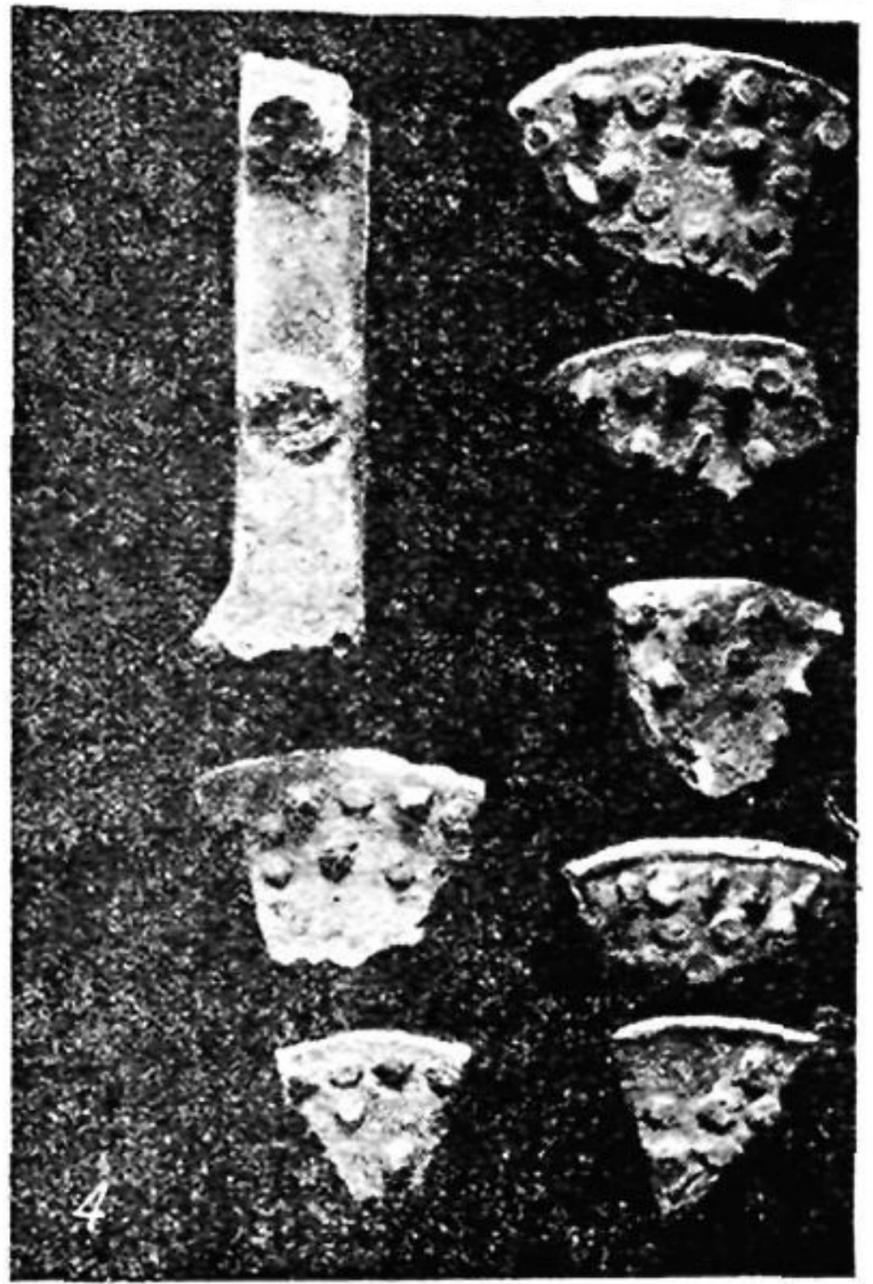

Рис. 11. Мудинтепа. Материалы из среднего слоя (III—IV вв.).

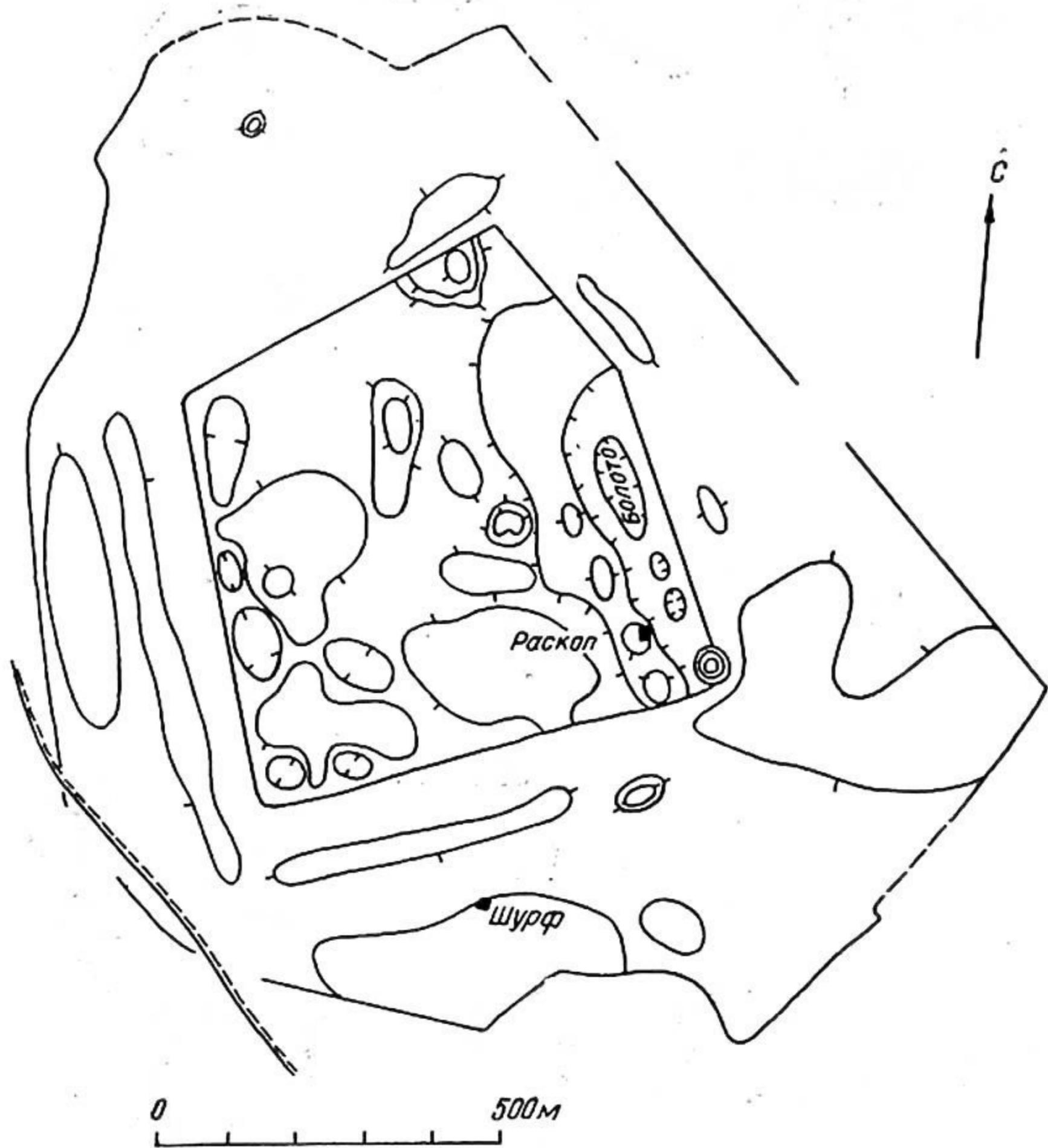

Рис. 12. Городище Ер-Курган. Схематический план.

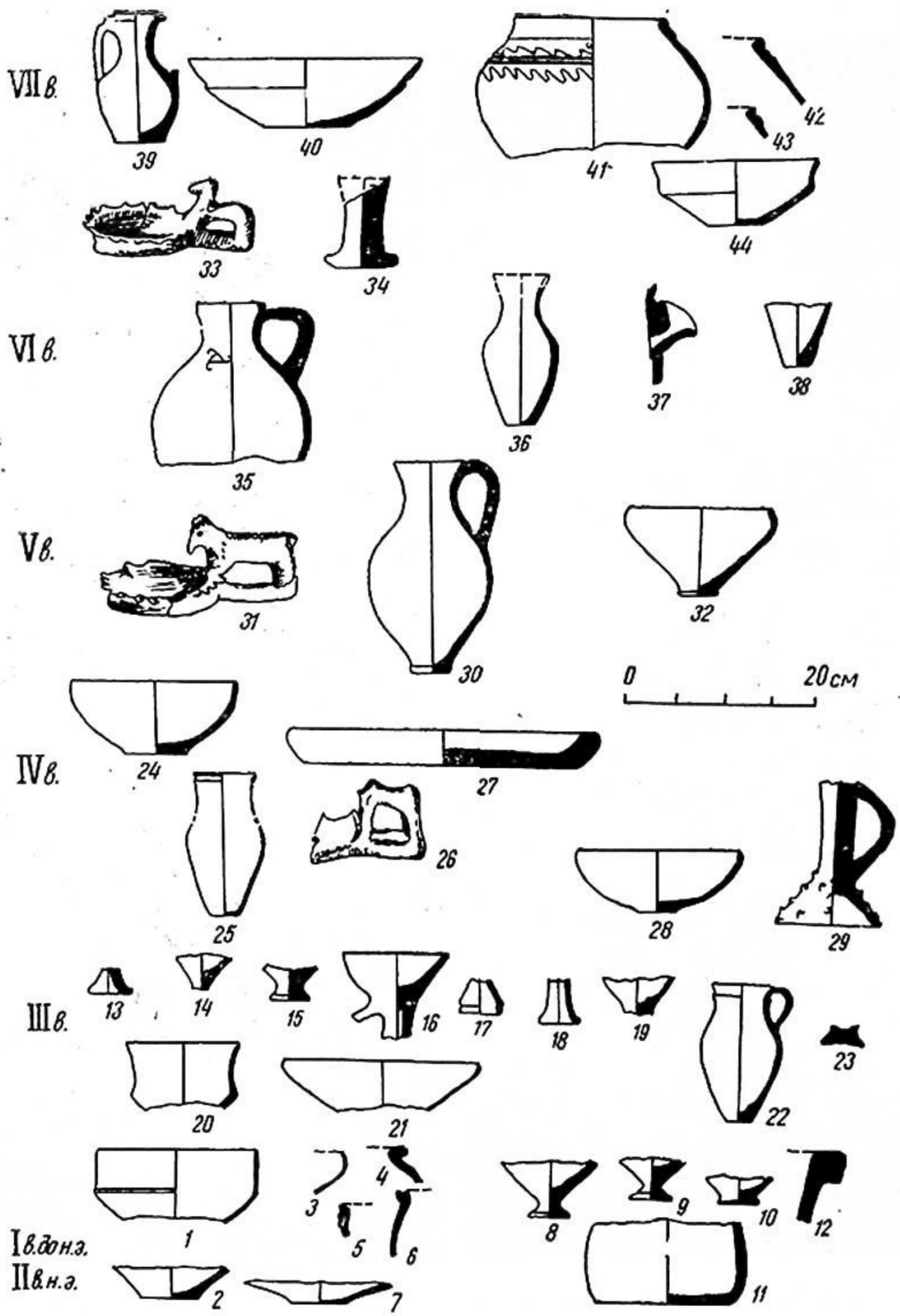

Рис. 13. Керамические изделия из наслоений:

1-12, 32-Ер-Кургана; 13-16-Негузтепа; 17-22, 30-31-Коштепа-2; 23-25-Мудинтепа; 26-29-Пирмат-бабатепе; 33-36-Шорттепа; 37-42-Айтугдытепа; 43-44-Каджарттепа.

Рис. 14. Шортепа. Схематический план:

1 и 2 — раскоп во дворе и на вышке; 3 — ложбина, образовавшаяся от выборки грунта на удобрения.

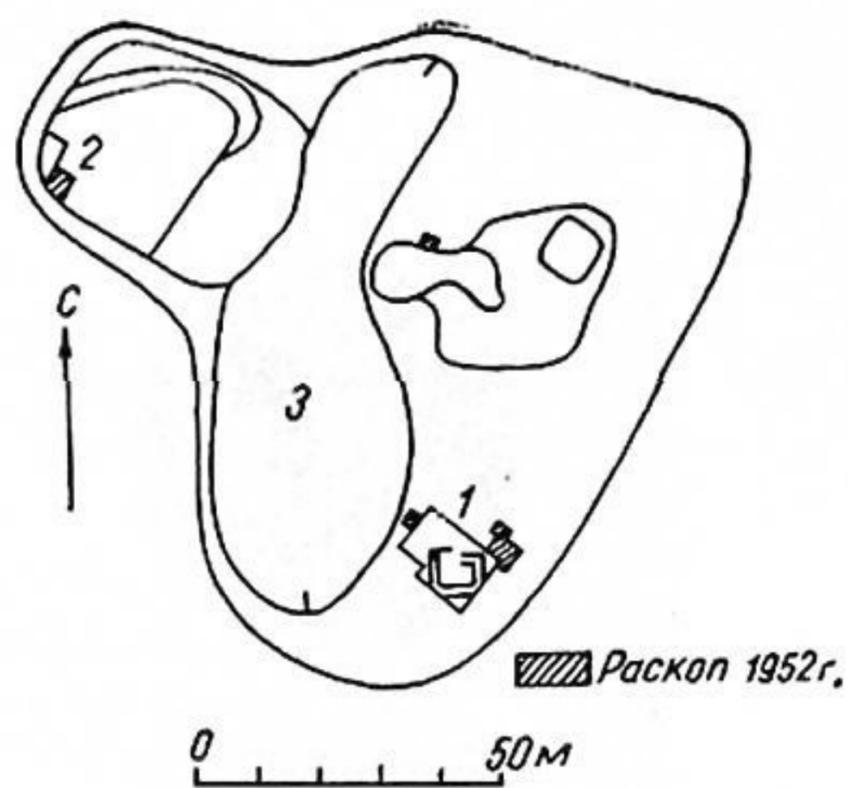

Рис. 15. Шортепа. Кувшин с трехконечным знаком.

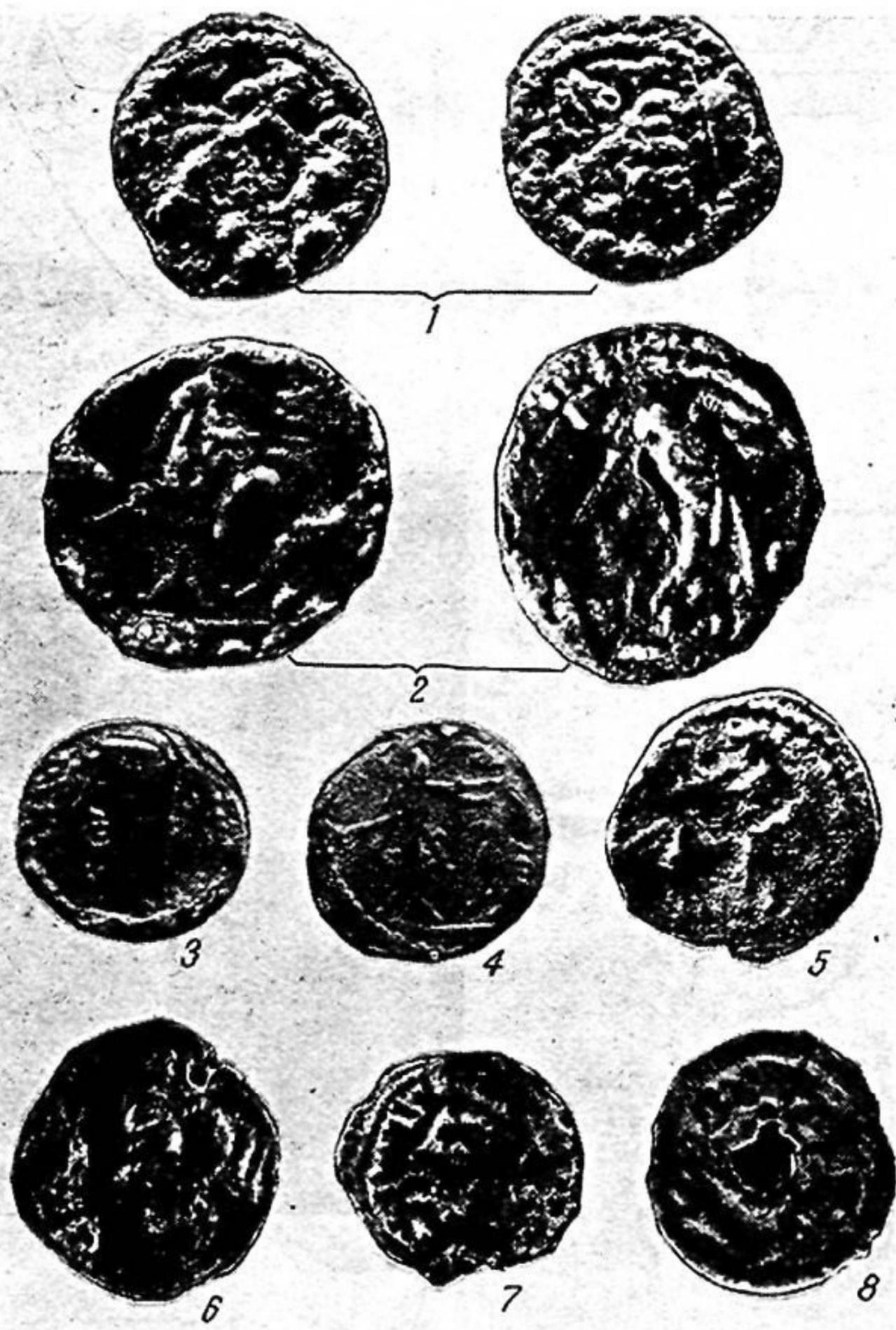

Рис. 16. Монеты из наслоений:

1—Пирмат-бабатепе (увеличено в 2 раза); 2—Коштепа-2 (увеличено в 3 раза); 3—Шортепа (avers, увеличено почти в 2 раза); 4—Шортепа (revers, увеличено почти в 2 раза); 5—Ай-тугдытепа (revers, увеличено в 2 раза); 6 и 7—Культепа (revers, увеличено в 2 раза), 8—Дагайтепа (avers, натуральная величина).

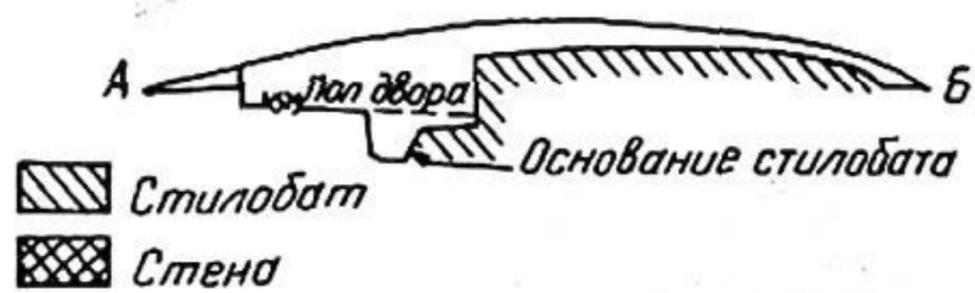
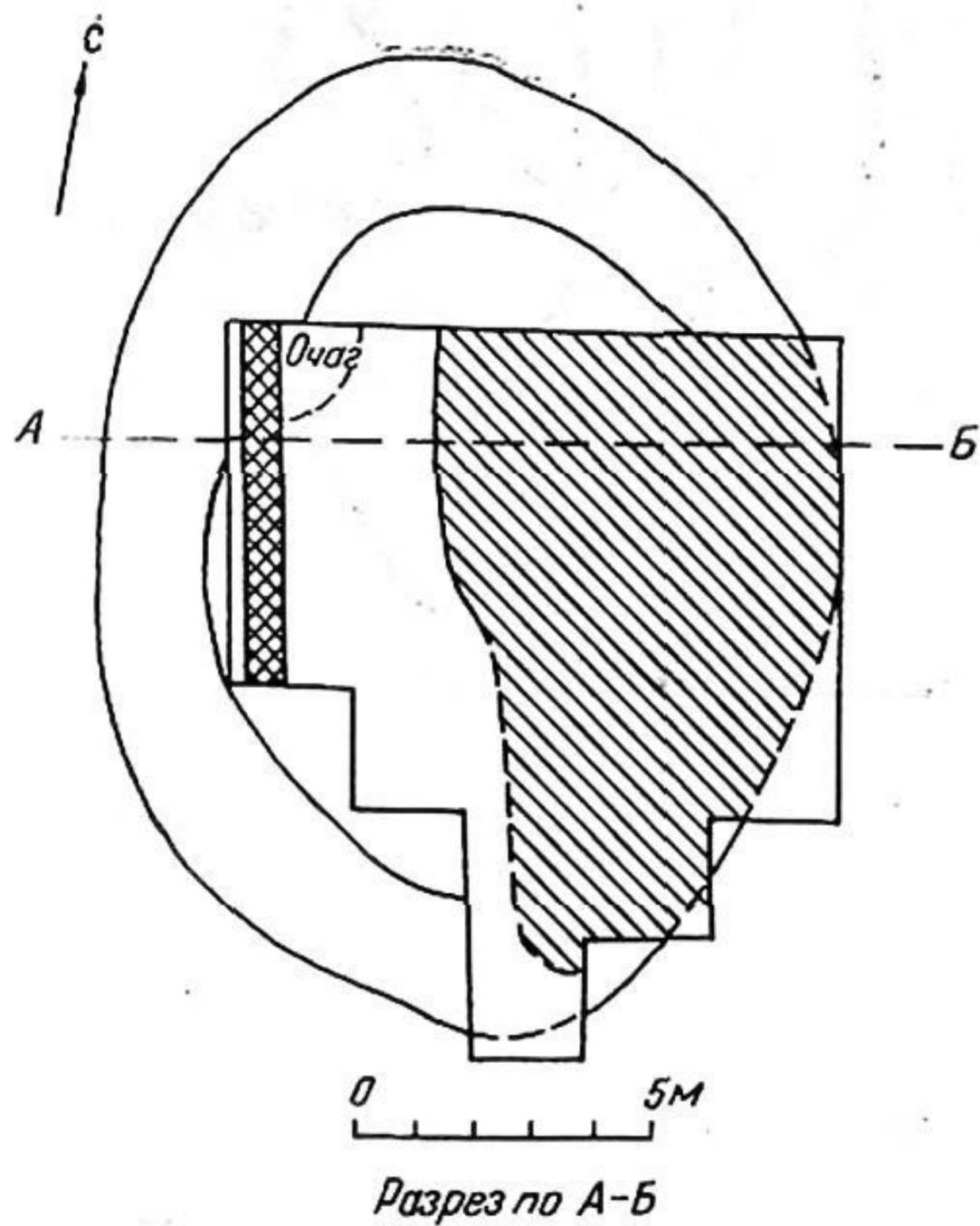

Рис. 17. Негузтепа. План и разрез раскопа.

Рис. 18. Негузтепа.
Керамический комплекс.

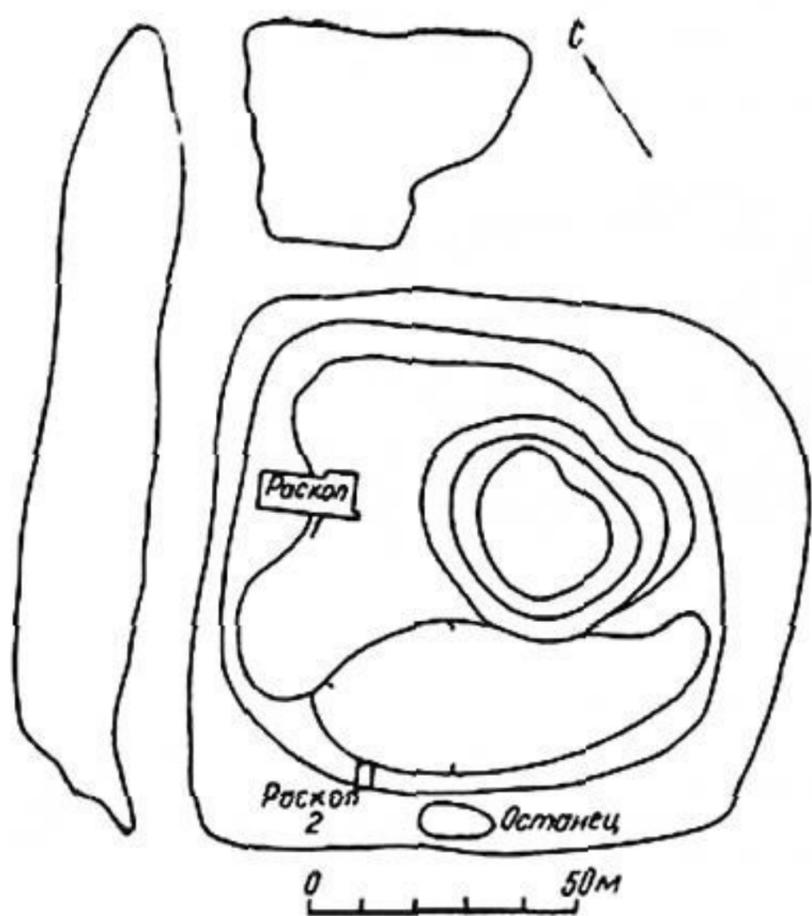
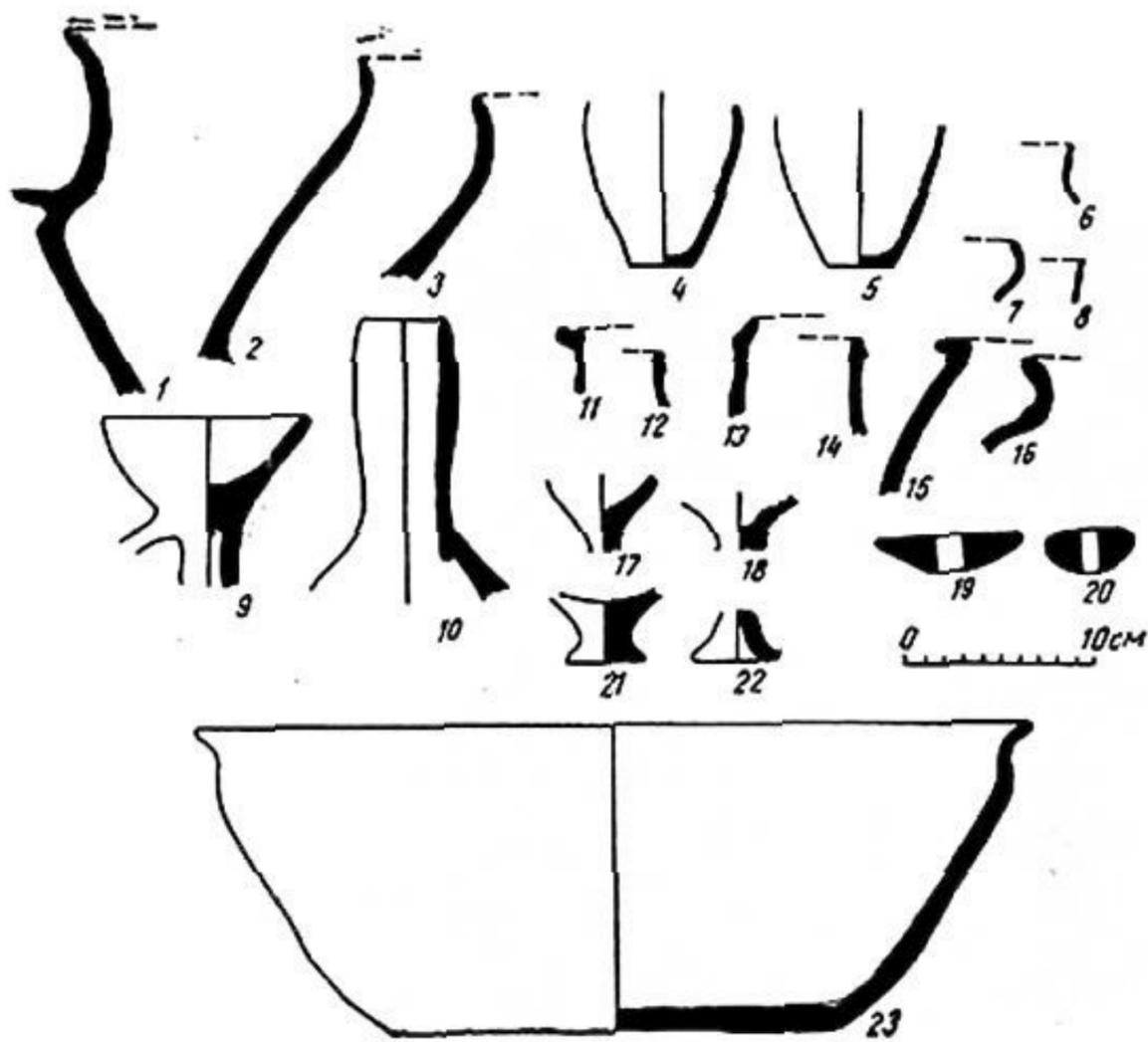

Рис. 19. Дагайтепа. Схематический план.

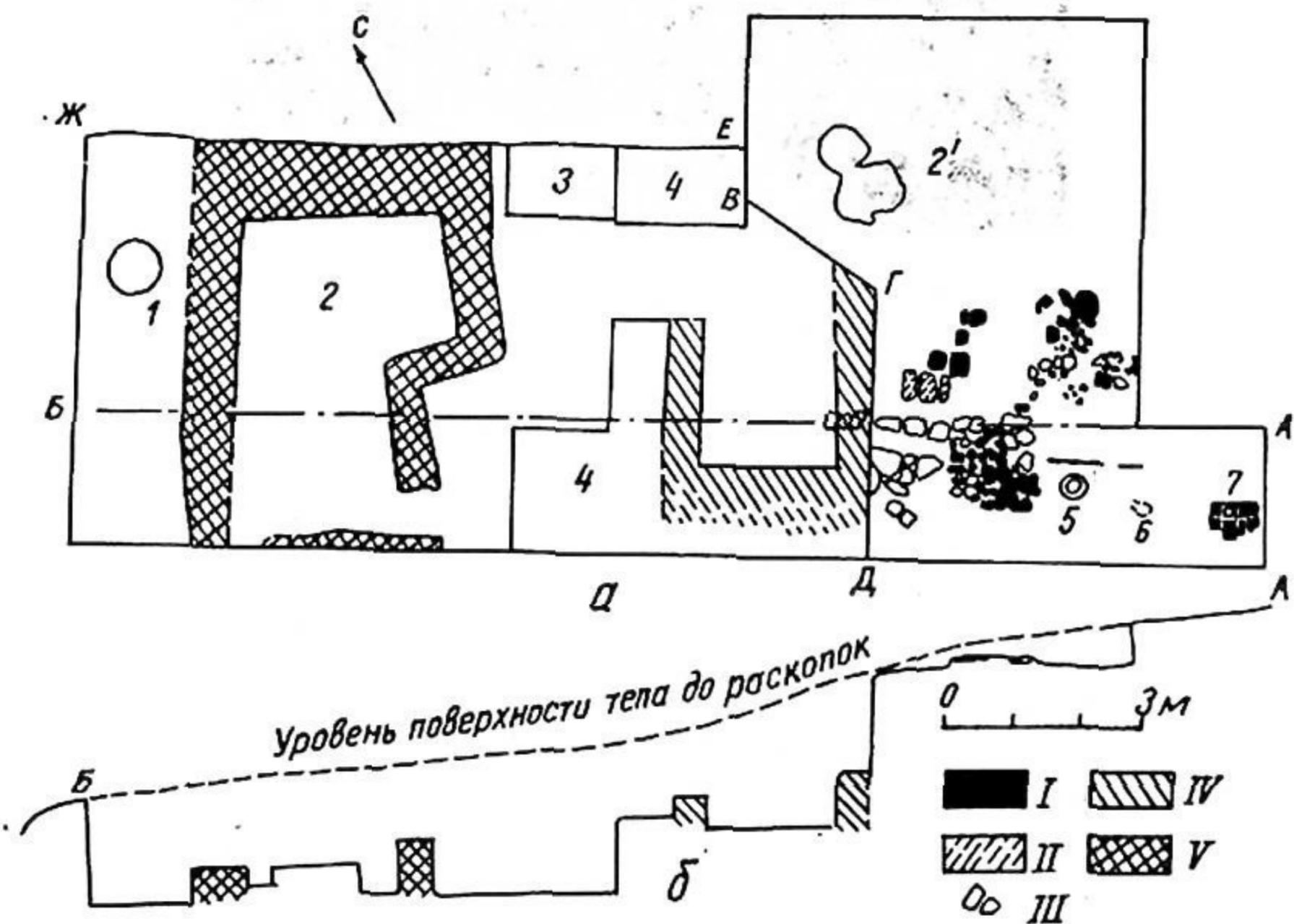

Рис. 20. Дагайтепа. План (а) и разрез раскопа по А—В (б):

I и II—жженный и сырцовый кирпич; III—камни; IV—глинобитные стены; V—стены гончарной печи; 1—колодец; 2 и 2'—нижняя и верхняя гончарная печь; 3—шурф; 4—останец; 5—котел, 6—очаг; 7—ташнау.

Рис. 21. Гончарная печь IX—X вв.

Рис. 22. Дагайтета. Чаша III—IV вв.

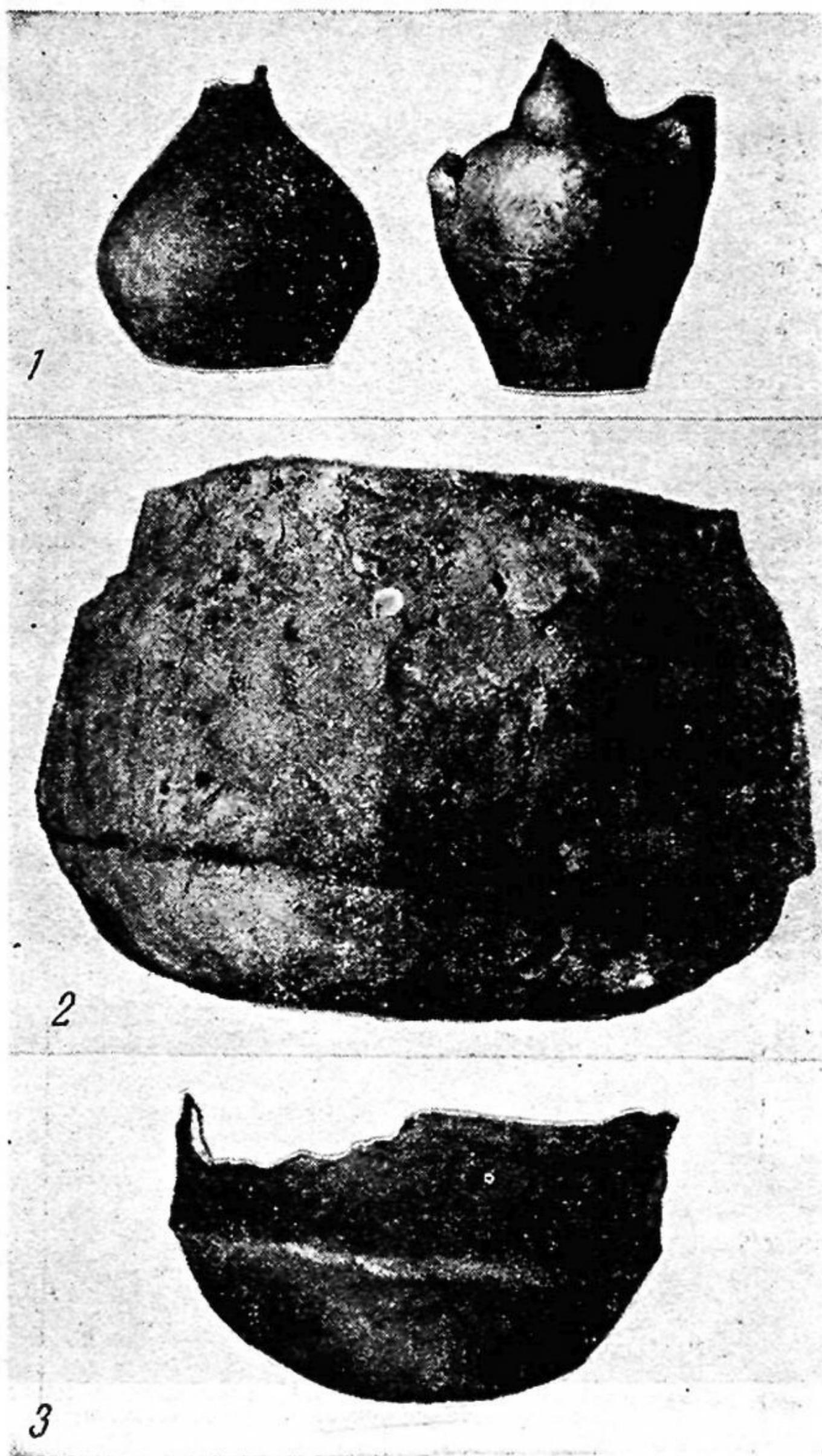

Рис. 23. Дагайтена. Материалы из средних слоев.

7

2

3

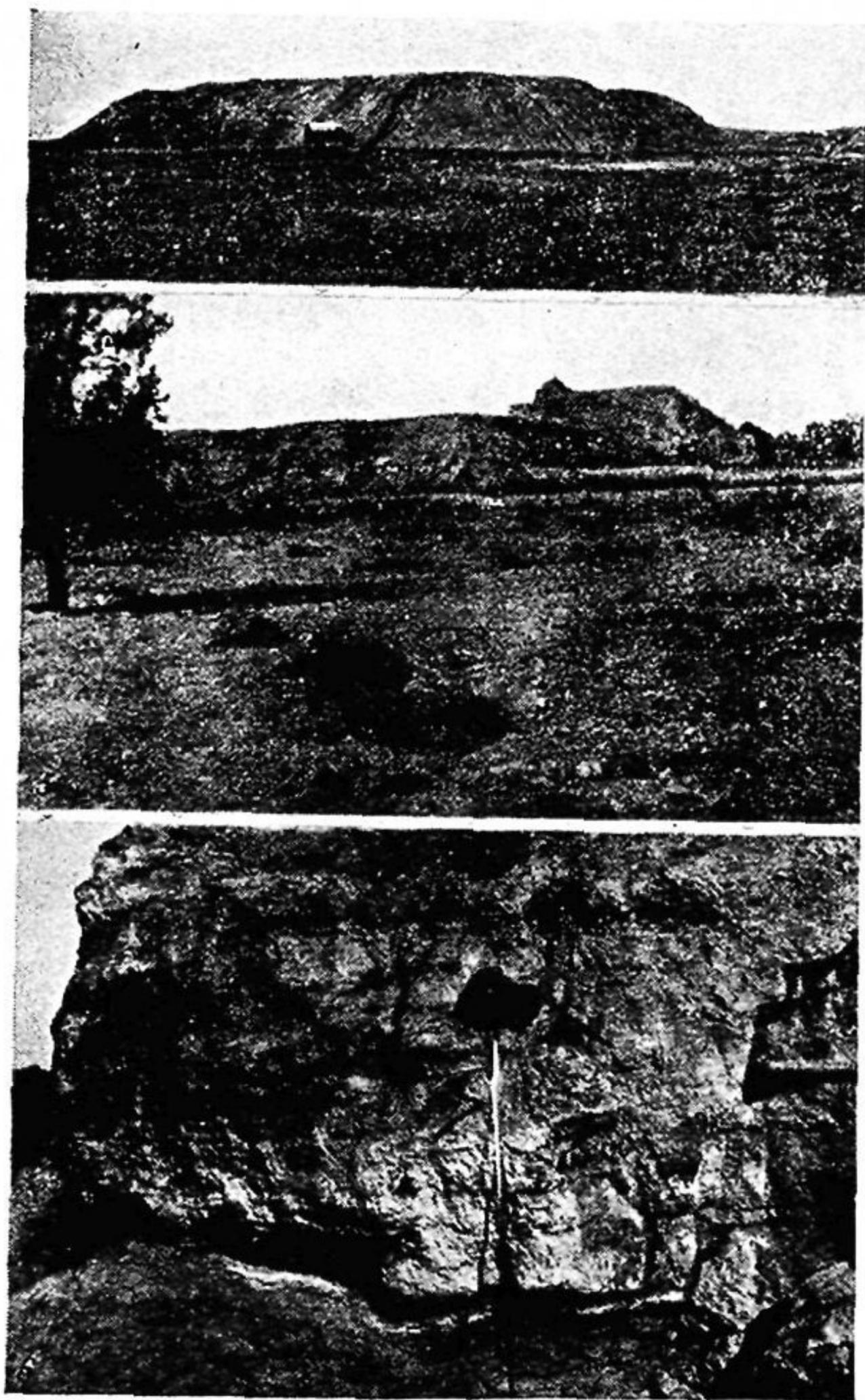

Рис. 24. Памятники Каршинского оазиса:

1—Кала-и Захок-и Марон (вид с северо-востока на срединную часть с наружного вала); 2—Лажмантепа (вид с севера); 3—Шуллюктепа (вид с юго-востока); 4—Куня-Фазли, Кухендиз (вид с востока); 5—Мудинтепа (вид с юго-востока); 6—Чаукайтепа—1. Обнажение наслоений двора (органические остатки, зола).

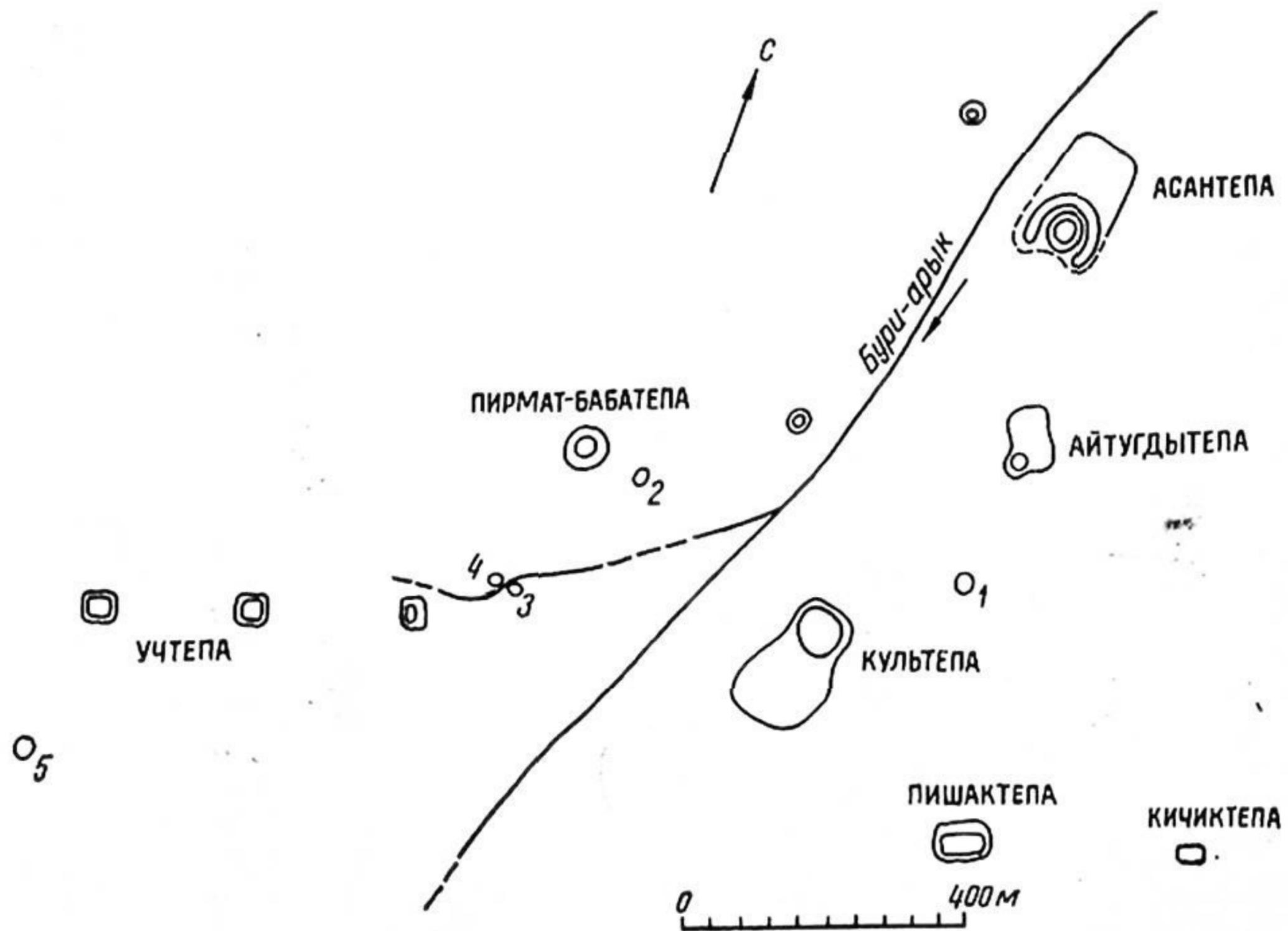

Рис. 25. Схема расположения развалин древних поселений в зоне орошения канала Бури-арык.

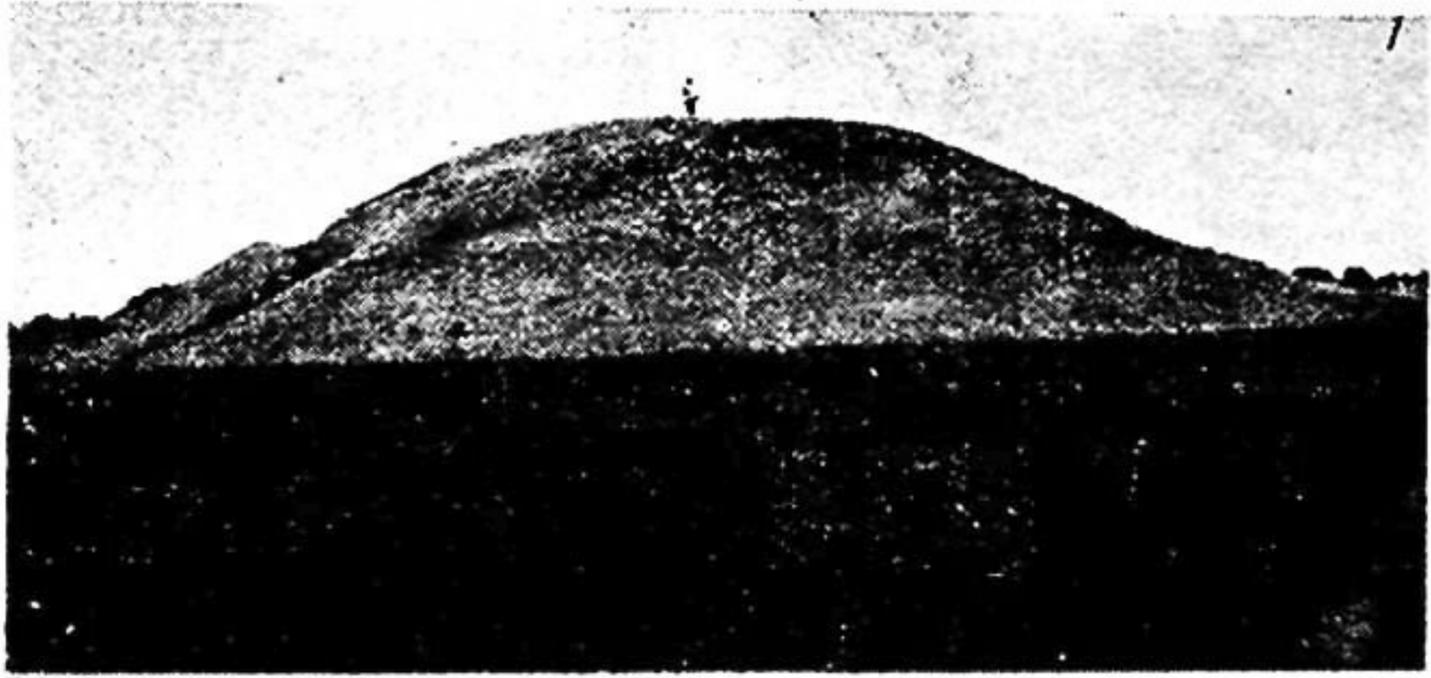

Рис. 26. Пирмат-бабатепя:

1—вид с юга; 2—вид с юго-запада на останец с раскопом (в середине раскопа выделяется подпорная стена последнего периода обживания поселения); 3—сырцовый кирпич у основания свода камеры; 4—башня, вид с юга.

Рис. 27. Керамические материалы из наслоений Пирмат-бабатепе.

Рис. 28. Пирмат-бабатепе. Кубкообразный сосуд.

Рис. 30. Учтепа. Вид с юго-запада. На переднем плане Учтепа-1.

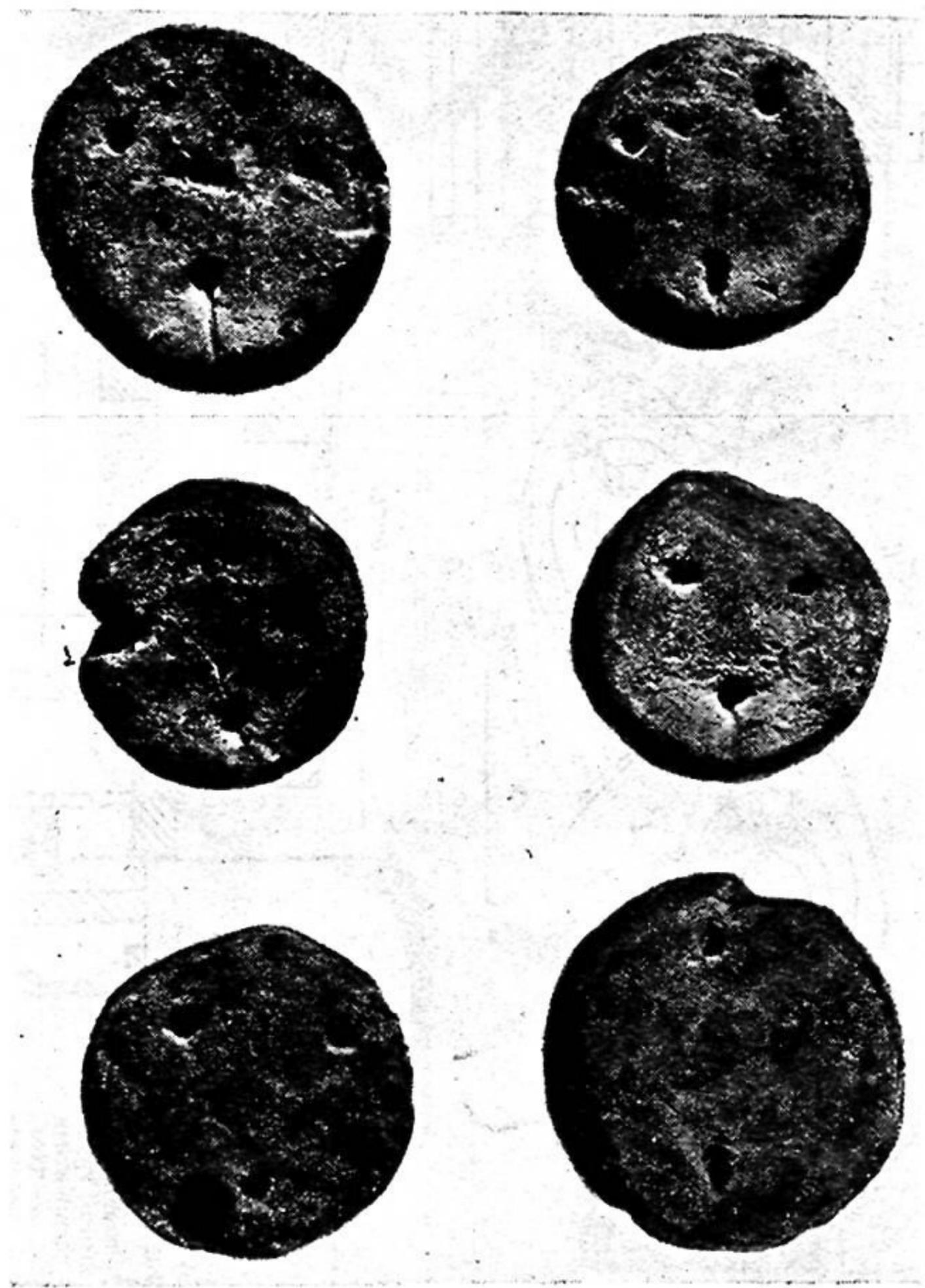

Рис. 29. Пирмат-бабатена. Грузила для ткацкого станка.

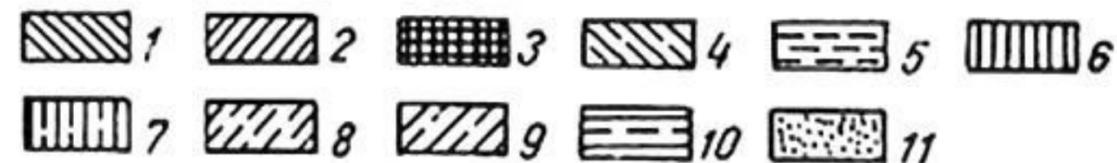
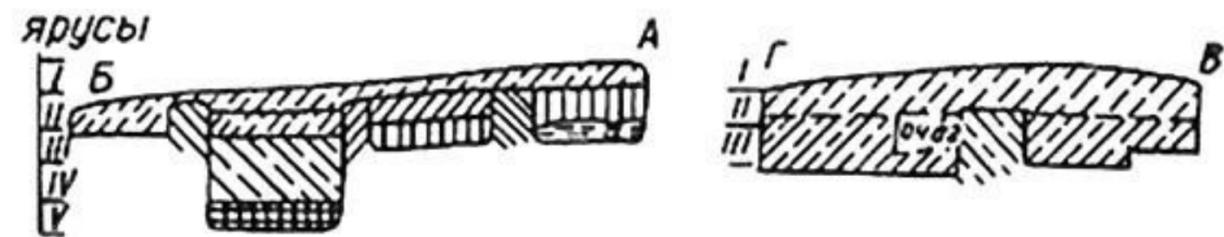
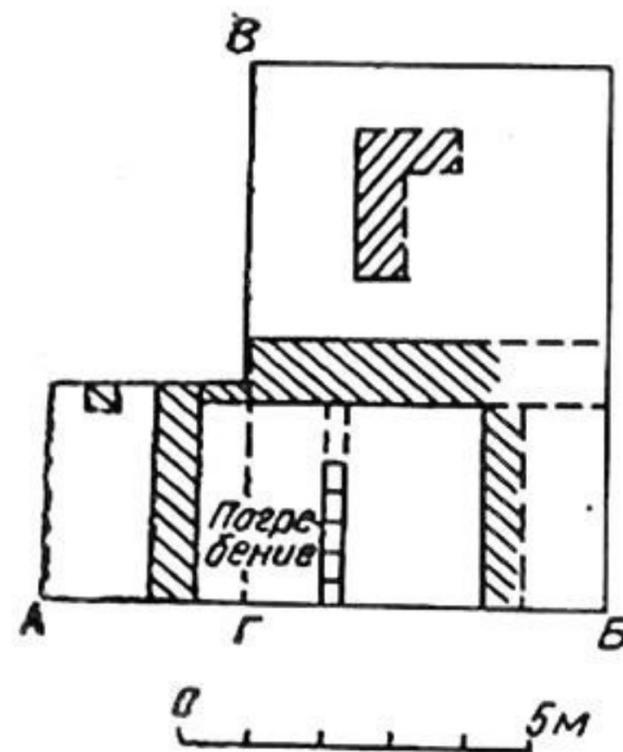
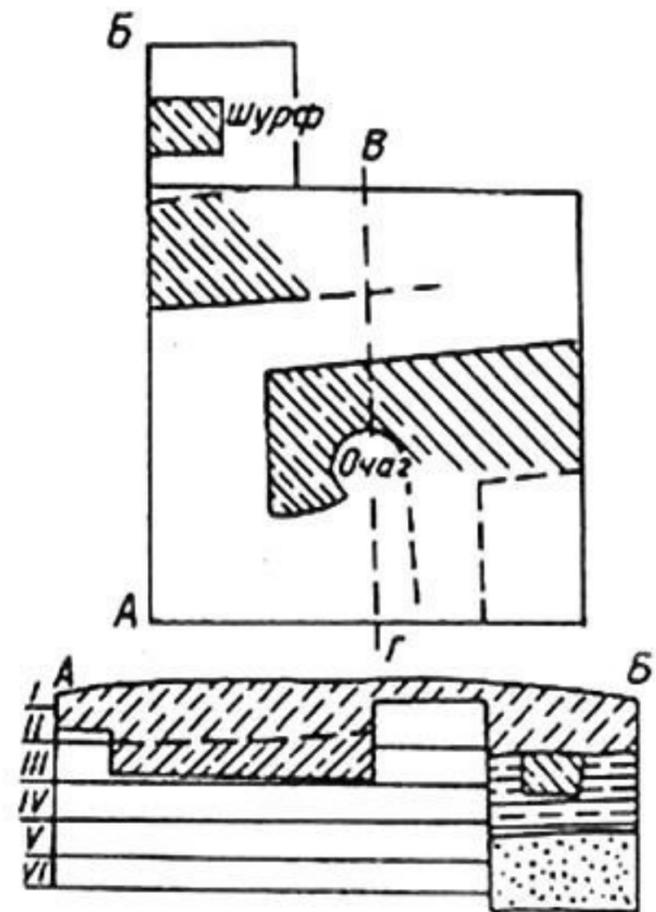
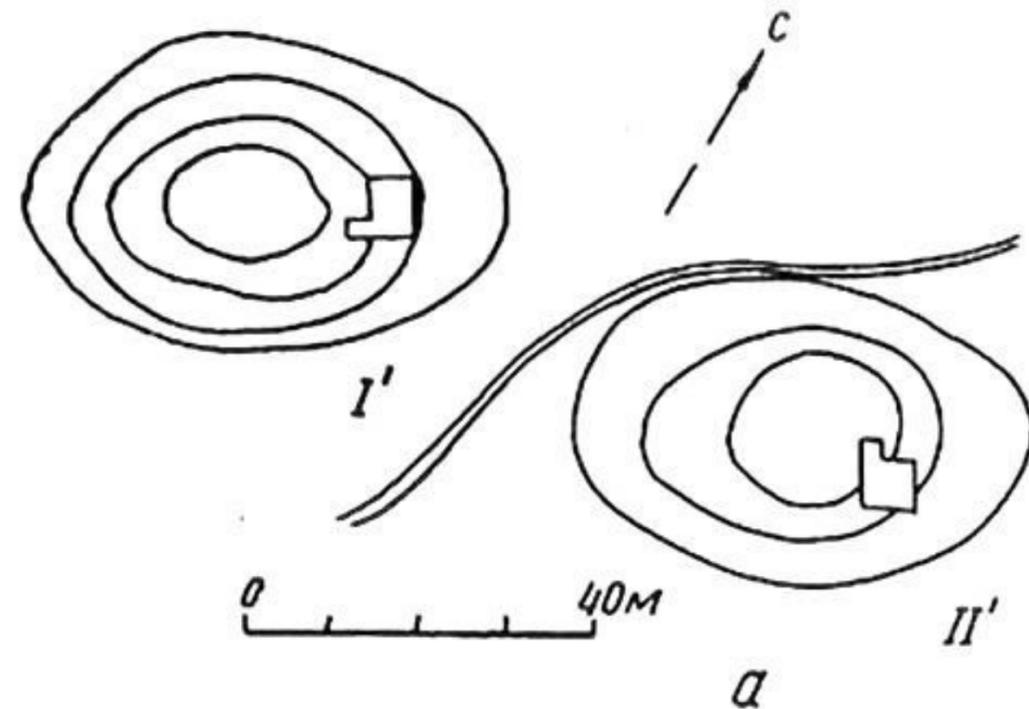

Рис. 31. Безымянные бугры близ Пирмат-бабатена:

1—глинобитные стены; 2—кладка из сырцового кирпича; 3—плотный грунт темно-желтого цвета; 4—глинобитная кладка; 5—натечная прослойка; 6—плотная желтая глина; 7—рыхлый пылевидный грунт; 8—рыхлый грунт комковатой структуры; 9—песчаный грунт средней плотности серого цвета; 10—грунт средней плотности буроватого цвета; 11—песок; 1'—II'—бугор № 1 и 3.

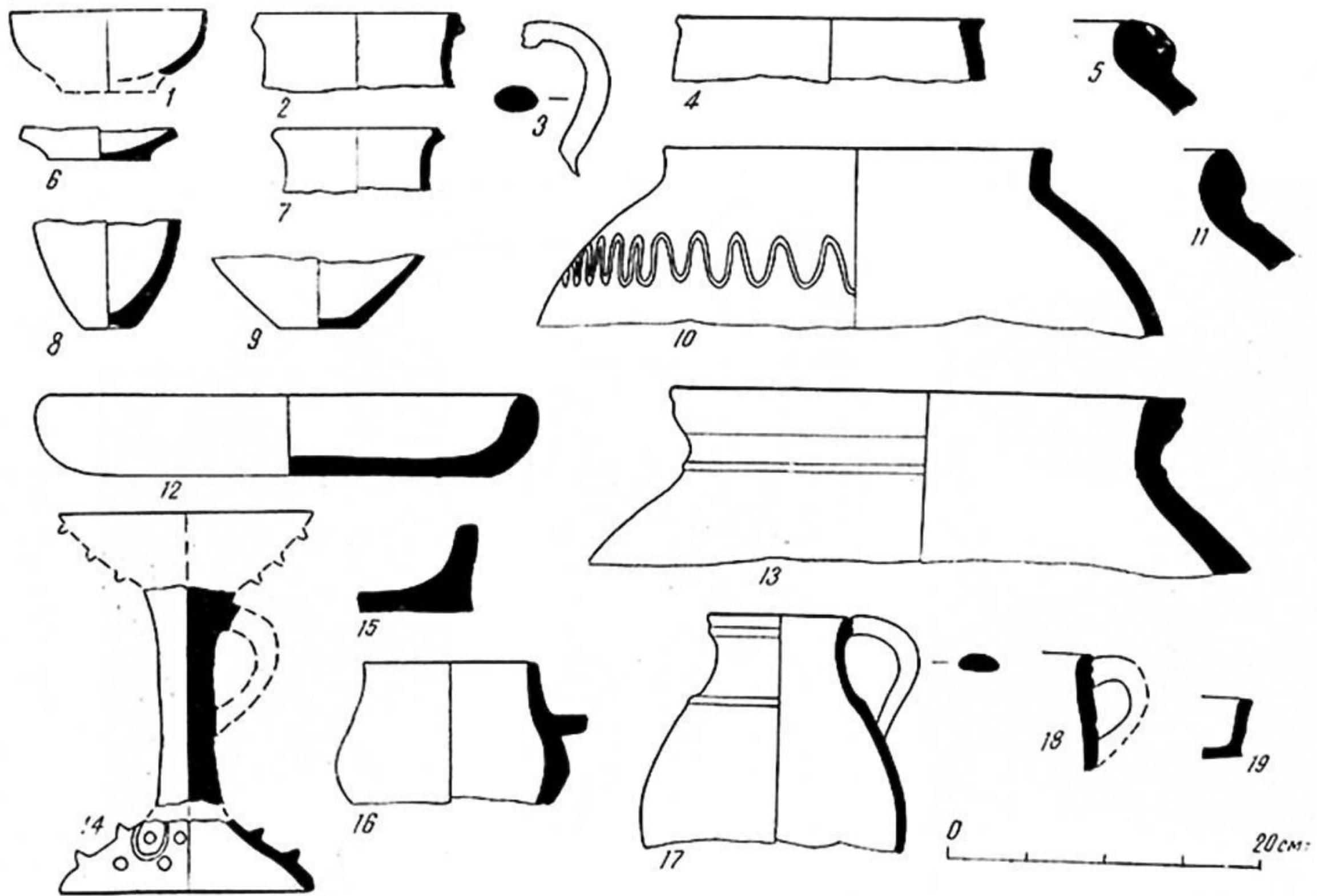

Рис. 32. Керамические материалы из бугров № 3 и 4.

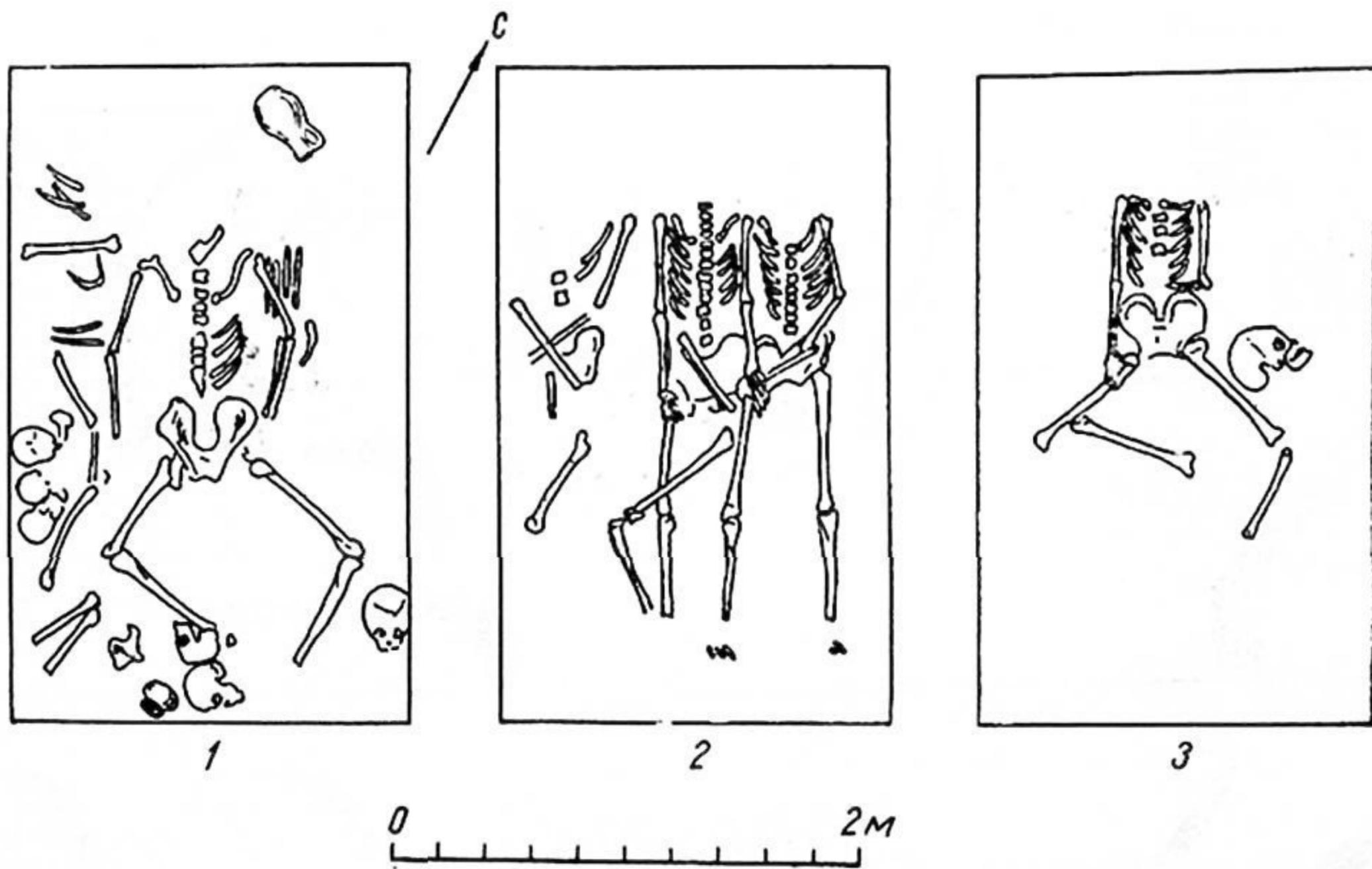

Рис. 33. Погребение на бугре № 4 (чертеж Л. Л. Букиннич).

Рис. 34. Сосуды из погребения.

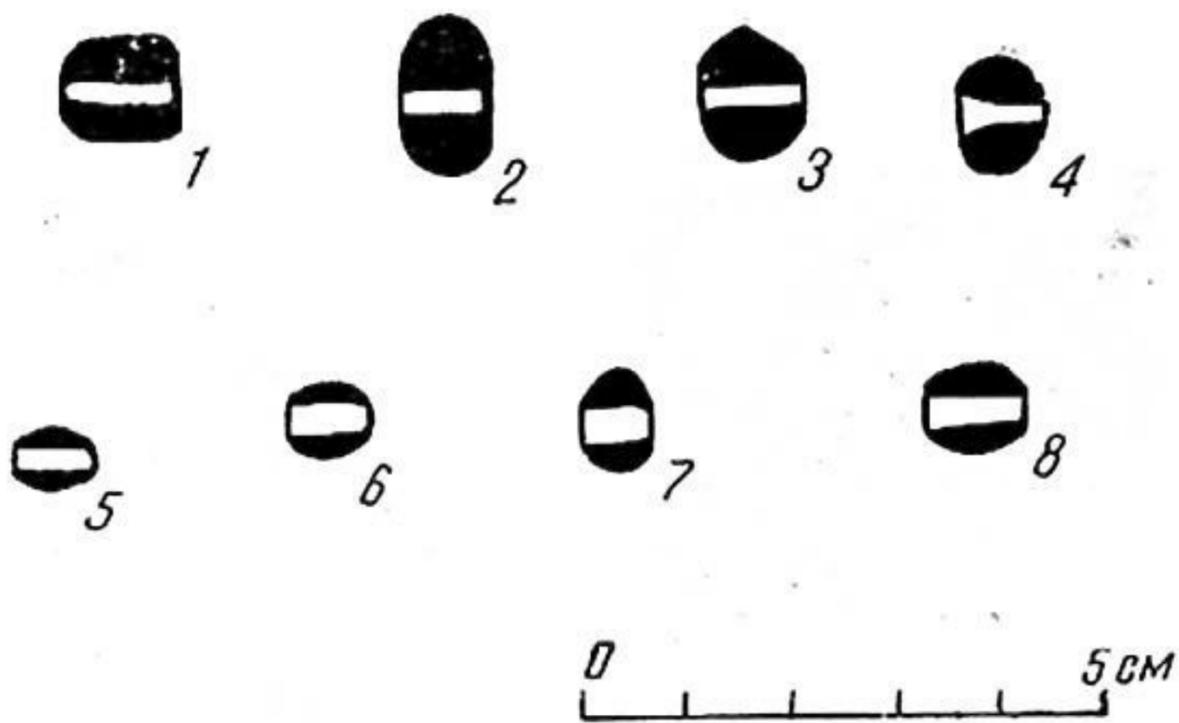

Рис. 35. Бусы из погребения.

Рис. 36. Айтугдытепа. На заднем плане Асантепа. Вид с юга.

Рис. 37. Айтугдытепа. План здания V—VI вв:

I — стены здания; II — перегородки;
 III — фрагменты стен древнего здания;
 IV — граница глубинной части раскопа;
 1—8 — помещения.

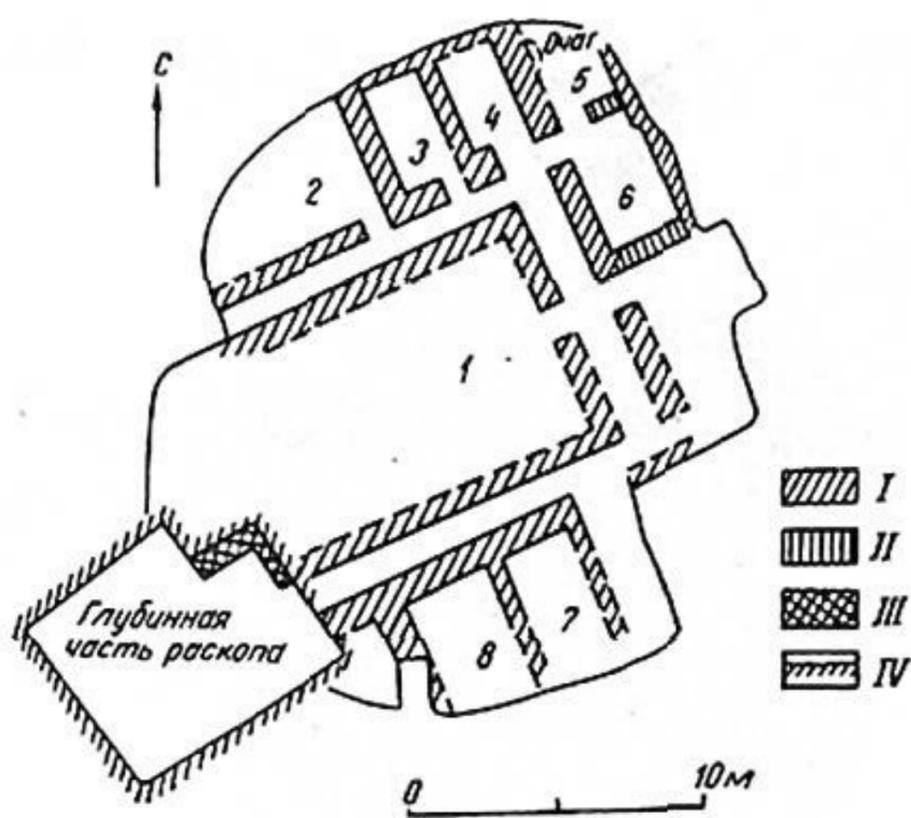

Рис. 38. Айтугдытепа. Сосуд лепной работы из нижнего слоя (III—IV вв.).

Рис. 39. Стекланный флакон. VII в.

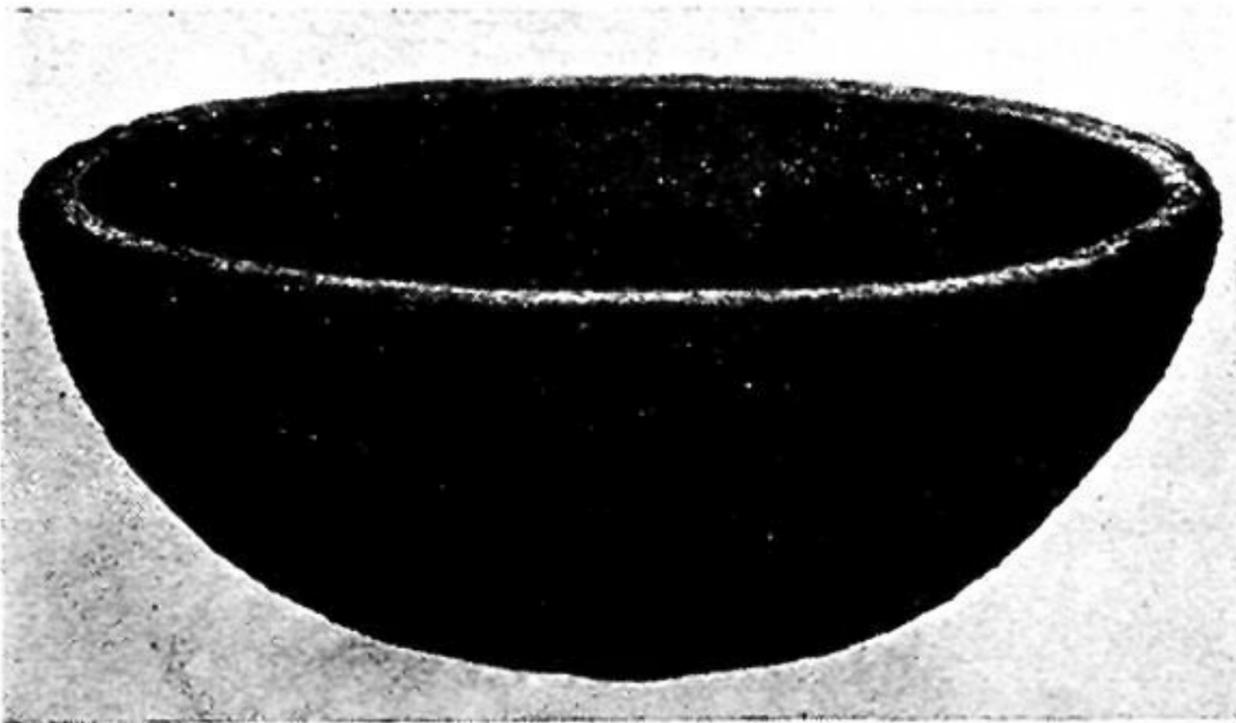

Рис. 40. Медный сосуд. V—VI вв.

Рис. 41. Кувшинчик из Безымянного бугра № 1.

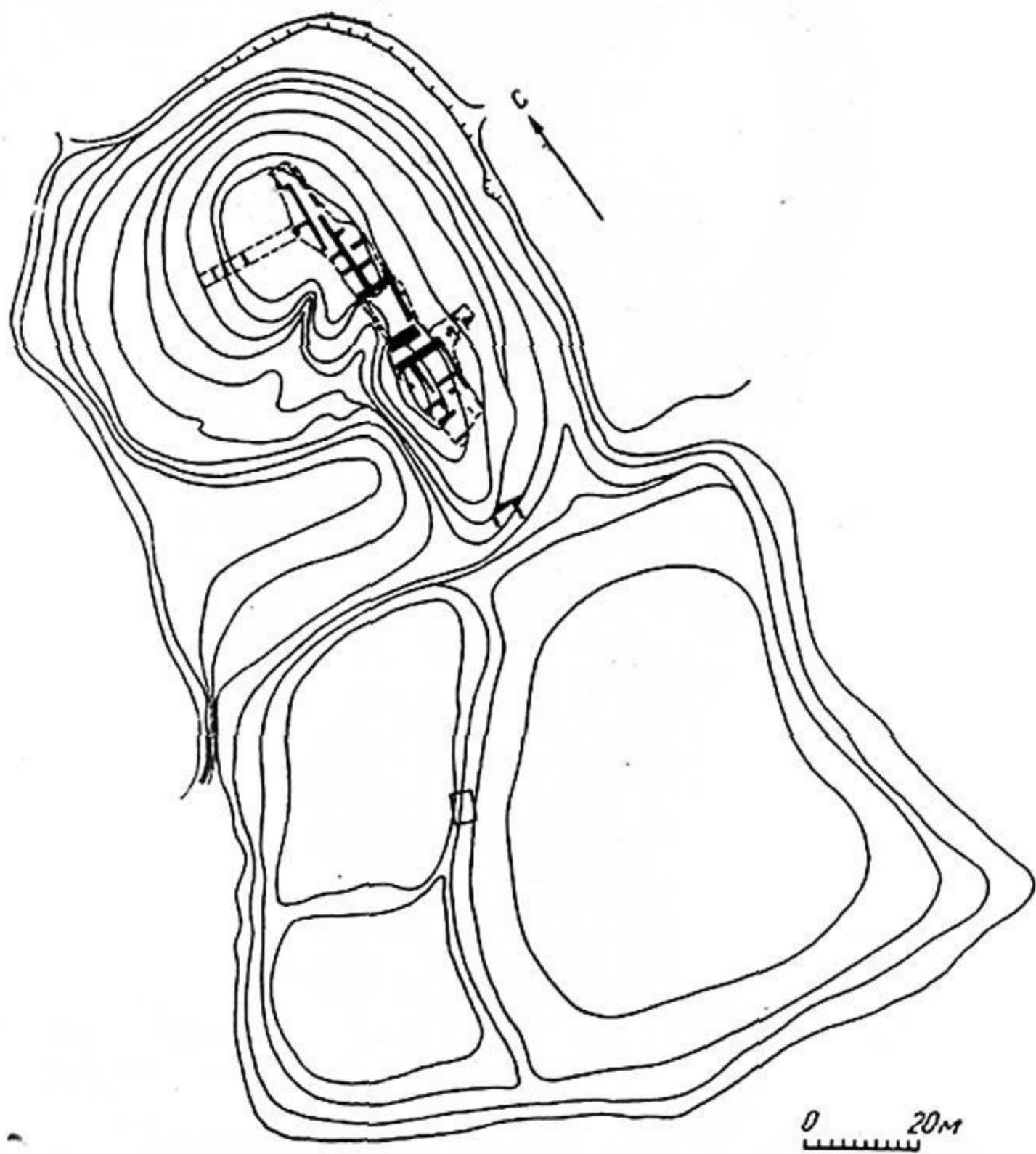

Рис. 42. Культепа. Схематический план (чертеж У. Алимова).

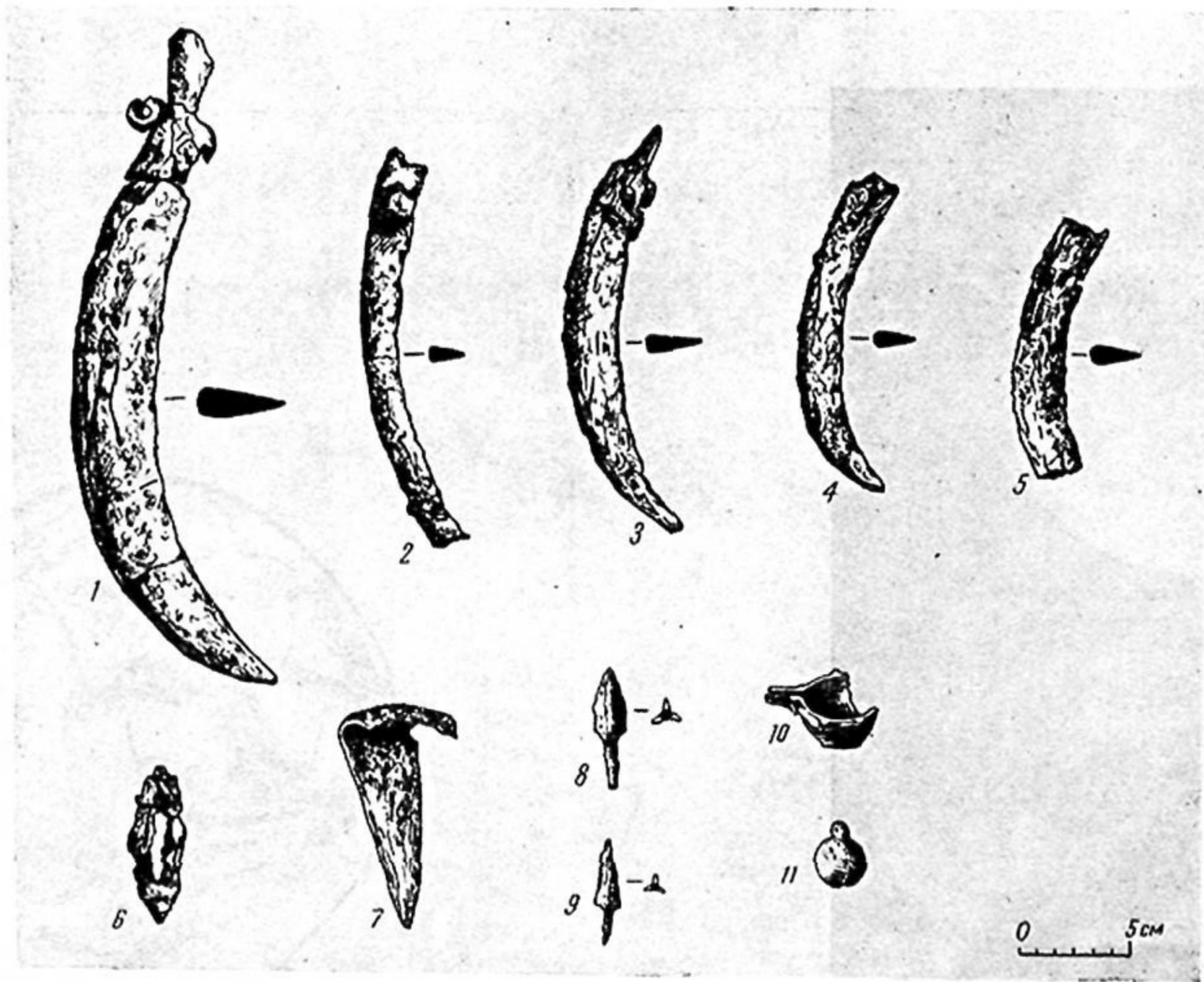

Рис. 43. Культепа. Металлические изделия.

Рис. 44. Череп с кольцевой деформацией из погребения, вскрытого на бугре № 4 (1, 2); изображение Михиракулы на монете (3) (по Уйфальви).

Цена 1 р. 27 к.

„Фан“